КОНСТАНТИНЪ КОРОВИНЪ

ШАЛЯПИНЪ

ВОЗРОЖДЕНІЕ

КОНСТАНТИНЪ КОРОВИНЪ

ШАЛЯПИНЪ

ВСТРѢЧИ И СОВМѢСТНАЯ ЖИЗНЬ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8ème
1939

Всѣ права сохранены за книгоиздательствомъ «Возрожденіе».

Tous droits réservés.

Copyright by «La Renaissance»

73, Av. des Champs Elysées, Paris.

К. А. Коровинъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Ф. И. Шаляпинѣ я лишь вскользь касаюсь его художественнаго творчества. Я хотѣлъ только разсказать о моихъ встрѣчахъ съ Ф. И. Шаляпинымъ въ теченіе многихъ лѣтъ — возсоздать его живой образъ такимъ, какимъ онъ являлся мнѣ....

Конст. Коровинъ

Ф. И. Шаляпинъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО.

Помню, зимой, въ Петербургѣ, жилъ я на квартирѣ при правленіи заводовъ и желѣзныхъ дорогъ С. И. Мамонтова. И въ своей комнатѣ дѣлалъ эскизы къ постановкѣ частной русской оперы Саввы Мамонтова, оперы «Аленькій Цвѣточекъ» Кроткова.

Къ вечеру я приходилъ въ ресторанъ Лейнера на Невскомъ обѣдать съ пріятелемъ своимъ, дирижеромъ оперы, Труффи. Однажды я увидѣлъ Труффи въ обществѣ молодого человѣка очень высокаго роста, блондина со свѣтлыми рѣсницами и сѣрыми глазами.

Я подсѣлъ къ нимъ за столъ.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на меня и улыбнувшись спросилъ:

— Parlato italiano?

Я былъ жгучимъ брюнетомъ.

— Тебя всѣ принимаютъ за итальянца, — сказалъ Труффи, — да ты и похожъ.

Молодой человѣкъ, одѣтый въ поддевку и русскую рубашку, показался мнѣ инородцемъ, — онъ походилъ на торговца-финна, который носитъ по улицамъ мышеловки, сита и жестяную посуду.

Молодой человѣкъ былъ озабоченъ и жаловался, что въ Панаевскомъ театрѣ платятъ меньше, чѣмъ въ Тифлисѣ.

— Пошлю-ка я ихъ къ чорту и уѣду въ Тифлисъ.

Что въ Петербургѣ? Вотъ не могу второй мѣсяцъ за комнату заплатить. А тамъ тепло, шашлыки, майданъ. Бани какія. И Усатовъ. У него всегда можно пятерку перехватить. Я вѣдь здѣсь никого не знаю.

Молодой человѣкъ былъ такъ худъ, что когда онъ ѣлъ, видно было, какъ проглоченный кусокъ проходитъ по длинной шеѣ.

— Вотъ, когда пріѣдетъ Мамонтовъ, — сказалъ Труффи, — я поговорю съ нимъ о тебѣ.

Послѣ обѣда, уходя отъ Лейнера, я видѣлъ, какъ у подъѣзда Труффи далъ молодому человѣку три рубля. И тотъ быстро пошелъ по Невскому.

Разставаясь съ Труффи, я сказалъ ему:

— Постой, я сейчасъ зайду на Морскую, рядомъ, къ Кюба, тамъ навѣрное обѣдаетъ Кривошеинъ, и узнаю у него, когда пріѣдетъ Мамонтовъ. Да скажи, кто этотъ молодой человѣкъ?

— Это хорошій голосъ, — отвѣтилъ Труффи, — но не серьезный человѣка. Приходи въ Панаевскій театръ, онъ тамъ поетъ. Голосъ настоящій.

На другой день я зашелъ въ Панаевскій театръ за кулисы, гдѣ увидѣлъ этого молодого человѣка, одѣтаго Мефистофелемъ.

Костюмъ былъ ему не въ пору. Движенія рѣзкія, угловатыя и малоестественныя. Онъ не зналъ, куда дѣть руки, но тембръ его голоса былъ необычной красоты. И какой-то грозной мощи.

Уходя, я взглянулъ на афишу у входа въ театръ и прочелъ: «Мефистофель — Шаляпинъ».

Вскорѣ пріѣхалъ Мамонтовъ. Утромъ онъ зашелъ ко мнѣ. Смотрѣлъ эскизы.

— Костенька, — сказалъ онъ, — я теперь занятъ, а вы поѣзжайте къ Кюба. Я туда пріѣду завтракать. Сейчасъ мнѣ не до театра, важное засѣданіе.

Проходя мимо конторы, я увидѣлъ сидящихъ за столами какихъ то серьезныхъ, хмурыхъ людей. Сбоку на столахъ лежали большія бухгалтерскія книги, счеты. Хмурые люди усердно что-то писали.

И я подумалъ:

— Какъ это все непохоже на то, что я дѣлаю съ Мамонтовымъ. На театръ, оперу. Какъ это онъ все совмѣщаетъ!

Къ завтраку у Кюба пришелъ и Труффи, баритонъ Малининъ, Черновъ. Въ разговорѣ Труффи сказалъ:

— Этотъ трудный человѣка Шаляпинъ подписалъ контрактъ въ Маріинскій театръ. Раньше я искалъ его на квартира, но его тамъ уже двѣ недѣли нѣтъ. Я давно хотѣлъ, чтобы вы его послушалъ. Вотъ онъ слышалъ его, — сказалъ онъ, показывая на меня.

— Вы слышали? — спросилъ С. И. Мамонтовъ.

— Да, — отвѣтилъ я, — голосъ особенный, необычайный. Я никогда не слыхалъ такого. А самъ худой, длинный, похожъ не то на финна, не то на семинариста. А глаза свѣтлые, сердитые. Хороша фигура для костюма. Но костюмъ Мефистофеля на немъ былъ ужасный.

Черезъ три дня я услыхалъ изъ своей комнаты, что въ дальнемъ покоѣ, за конторой, кто-то запѣлъ.

— Шаляпинъ! — подумалъ я.

Я пошелъ туда. За роялью сидѣлъ Труффи, и Мамонтовъ смотрѣлъ на Шаляпина внимательно и пристально.

Я остановился у двери, противъ пѣвца. У юноши какъ то особенно былъ открытъ ротъ, — я видѣлъ, какъ во рту у него дрожалъ языкъ и звукъ летѣлъ съ силой и увѣренностью, побѣждая красотой тембра.

Вечеромъ Мамонтовъ, передъ отъѣздомъ въ Москву, говорилъ мнѣ:

— А Шаляпинъ — это настоящая сила. Какой го-

лось! Репертуара, говоритъ, нѣтъ. Но поетъ!.. Въ консерваторіи не былъ, хористъ, пѣвчій. А кто знаетъ; не самъ ли онъ консерваторія? Вы замѣтили, Костенька, какая свобода, когда поетъ? Вотъ, все поздно мнѣ говорятъ. Контрактъ подписалъ съ Императорской оперой. Какъ его оттуда возьмешь? Да мнѣ и неудобно. Одно, что ему, пожалуй, тамъ пѣть не дадутъ. Вѣдь онъ, говорятъ, съ норовомъ. Ссорится со всѣми. Говорятъ, гулякa. Мы бы съ вами поставили для него «Вражью силу» и «Юдифь» Сѣрова, «Псковитянку» Римскаго-Корсакова, «Князя Игоря» Бородина. Хорошъ бы Галицкій былъ.

И Савва Ивановичъ размечтался. Такъ размечтался, что на поѣздъ опоздалъ.

— Надо послать за Труффи и Малининымъ.

Пріѣхали Труффи и Малининъ. Поѣхали всѣ искать Шаляпина. Онъ жилъ на Охтѣ, снимая комнату въ деревянномъ двухъ-этажномъ домѣ, во второмъ этажѣ, у какого-то печатника. Когда мы постучали въ дверь, отворилъ самъ печатникъ. Рыжій, сердитый человѣкъ. Онъ осмотрѣлъ насъ подозрительно и сказалъ:

— Дома нѣтъ.

— А гдѣ же онъ, не знаете ли вы? — спросилъ Мамонтовъ.

— Да его ужъ больше недѣли нѣтъ. Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ шляется. Второй мѣсяцъ не платитъ. Даетъ рублевку. Тоже жилецъ! Пріѣдетъ — оретъ. Тоже пріятели у него. Пьяницы все, актеры. Не заплатитъ — къ мировому подамъ и вышибу. Можетъ, служба у васъ какая ему есть? Такъ оставьте записку.

Помню, въ коридорѣ горѣла коптящая лампочка на стѣнѣ. Комната Шаляпина была открыта.

— Вотъ, здѣсь онъ живетъ, — показалъ хозяинъ.

Я увидѣлъ узкую, неубранную кровать, со смятой подушкой. Столъ. На немъ въ безпорядкѣ лежали ноты.

Листки нотъ валялись и на полу, стояли пустыя пивныя бутылки.

Мамонтовъ, приложивъ клочекъ бумаги къ стѣнѣ, писалъ записку. Спросилъ, повернувшись къ Труффи.

— Какъ его зовутъ?

Труффи засмѣялся и сказалъ:

— Какъ зовутъ? Федя Шаляпинъ.

Записку оставили на столѣ и уѣхали ужинать къ Пивато.

У Пивато Труффи заказалъ итальянскія макароны и все время разговаривалъ по-итальянски съ Мамонтовымъ о Мазини.

**
*

Прошло больше года. Ничего не было слышно о Шаляпинѣ. Но Савва Ивановичъ не забылъ Шаляпина. И сказалъ мнѣ разъ:

— А я былъ правъ, Костенька, Шаляпину то пѣть не даютъ. И неустойка его всего 12 тысячъ. Я думаю, его уступятъ мнѣ безъ огорченія, кажется, его терпѣть тамъ не могутъ. Скандалистъ, говорятъ. Я поручилъ Труффи поговорить съ нимъ. — Одна бѣда: онъ больше, кажется, поетъ въ хорѣ у Тертія Филиппова, а вѣдь Тертій мой кнутъ — государственный контролеръ. Онъ можетъ со мной сдѣлать, что хочетъ. Уступитъ ли онъ? Тутъ вѣдь дипломатія нужна. Неустойка — пустяки, я заплачу. Но я чувствую, что Шаляпинъ — уника. Это талантъ. Какъ онъ музыкаленъ! Онъ будетъ отличный Олофернъ. Вы костюмъ сдѣлаете. Надо поставить, какъ мы поставили «Русалку». Это ничего, что онъ молодъ. Начинайте дѣлать эскизы къ «Юдифи».

Я удивлялся С. И. Мамонтову: какъ онъ любитъ оперу, искусство, какъ сразу понимаетъ набросокъ, эс-

кизъ, хоть и не совсѣмъ чувствуетъ, *что* я ищу, какое значеніе имѣетъ въ постановкѣ сочетаніе красокъ.

А всѣ его осуждали: «большой человѣкъ — не дѣломъ занимается, театромъ». Всѣмъ какъ то это было непріятно: и родственникамъ, и директорамъ желѣзной дороги, и инженерамъ заводовъ.

ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ достраивалась всероссійская выставка. Особымъ цвѣтомъ красили большой деревянный павильонъ крайняго сѣвера, построенный по моему проекту.

Павильонъ крайняго сѣвера, названный «двадцатымъ отдѣломъ», былъ совершенно особенный и отличался отъ всѣхъ. Проходящіе останавливались и долго смотрѣли. Подрядчикъ Бабушкинъ, который его строилъ, говорилъ:

— Эдакое дѣло, вѣдь это што, сколько дачъ я построилъ, у меня дѣло паркетное, а тутъ все топоромъ... Велитъ красить, такъ вѣрите-ли, краску цѣлый день составляли, и составили прямо — дымъ. Какая тутъ красота? А кантикъ по краямъ чуть шире я сдѣлалъ: «Нельзя, — говоритъ, — передѣлывай». И найдетъ же этакихъ Савва Ивановичъ, прямо ушелъ бы... только изъ уваженія къ Саввѣ Ивановичу дѣлаешь. Смотрѣть чудно — канаты, бочки, сырье... Человѣка привезъ съ собой, такъ рыбу прямо живую жретъ. Вѣдь достать эдакова тоже гдѣ!

— Ну, что, — сказалъ онъ Саввѣ Ивановичу, — сарай и сарай. Дали бы мнѣ, я бы вамъ павильончикъ отдѣлалъ въ пѣтушкахъ, потомъ бы на дачу передѣлали, поставили бы въ Пушкинѣ.

На-дняхъ выставка открывается. Стараюсь создать въ просторномъ павильонѣ Сѣвернаго Отдѣла то впе-

чатлѣніе, вызвать у зрителя то чувство, которое я испыталъ тамъ на сѣверѣ.

Вѣшаю необдѣланные мѣха бѣлыхъ медвѣдей. Ставлю грубыя бочки съ рыбой. Вѣшаю кожи тюленей, шерстяныя рубашки поморовъ. Среди морскихъ канатовъ, снастей, — чудовищныя шкуры бѣлухъ, челюсти кита.

Самоѣдъ Василій, котораго я тоже привезъ съ собой, помогаетъ мнѣ, старается, мѣняетъ воду въ оцинкованномъ ящикѣ, въ которомъ сидитъ у насъ живой, милѣйшій тюлень, привезенный съ Ледовитаго Океана и прозванный Васькой.

Самоѣдъ Василій кормитъ его живой плотвой и самъ, потихоньку выпивъ водки, тоже закусываетъ живой рыбешкой. Учитъ тюленя, показывая ему рыбку, кричать ур..а!..

— Урр..а ур...а-а-а...

Тюлень такъ чудно подражаетъ и тоже кричитъ: Урр..а...

— Можно посмотрѣть? — спросилъ вошедшій въ павильонъ худой и очень высокій молодой человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ, блондинъ, со свѣтлыми рѣсницами сѣрыхъ глазъ.

— Смотри, — отвѣтилъ самоѣдъ Василій.

Тюлень Васька высунулся изъ квадратнаго чана съ водой, темными глазами посмотрѣлъ на высокаго блондина, крикнулъ:

«Ур — а...»

и блеснувъ ластами, пропалъ въ водѣ.

— Это же чортъ знаетъ, что такое! — крикнулъ, отскочивъ, высокій молодой человѣкъ, отряхая брызги, попавшія ему въ лицо отъ всплеска тюленя.

«Гдѣ это я видѣлъ этого молодого человѣка?» — подумалъ я.

Василій, не обращая вниманіе на его присутствіе, вы-

пилъ рюмку водки и съѣлъ живую плотицу. Молодой человѣкъ въ удивленьи смотрѣлъ прямо ему въ ротъ.

И вдругъ я вспомнилъ: — «Это Шаляпинъ!».

Но онъ меня не узналъ. И обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Что же это у васъ тутъ дѣлается? А? Ѣдятъ живую рыбу! Здравствуйте, гдѣ это я васъ видѣлъ? У Лейнера, въ Петербургѣ, или гдѣ? Что это такое у васъ? Какая замѣчательная звѣрюга!

Тюлень снова высунулся изъ воды. Шаляпинъ въ упоръ смотрѣлъ на него и смѣясь говорилъ:

— Ты же замѣчательный человѣкъ! Глаза какіе! Можно его погладить?

— Можно, — говорю я.

Но тюлень блеснулъ ластами и окатилъ всего Шаляпина водой.

— Дозвольте просить на открытіе, — сказалъ подрядчикъ Бабушкинъ, — вотъ сбоку открылся ресторанъ-съ. Буфетъ и все прочее. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Пойдемте. — сказалъ я Шаляпину.

— Куда?

— Да въ ресторанъ, вотъ открылся.

— Отлично. Мое мѣсто у буфета.

И онъ засмѣялся.

Сбоку павильона, когда мы спускались съ лѣстницы, штукатуры оканчивали большой чанъ. Я сказалъ:

— Этотъ чанъ будетъ наполненъ водой и здѣсь будутъ плавать большія морскія чайки и альбатросы, которыхъ я привезъ съ дальняго сѣвера.

На террасѣ ресторана, когда мы сѣли за столъ, хозяинъ подошелъ къ намъ и спросилъ:

— Что прикажете для начала?

Бабушкинъ распоряжался. Подавали балыкъ, икру, водку, зеленый лукъ, разстегаи съ стерлядью.

— Удивленіе, — этотъ вашъ павильонъ. Всѣ глаза пялятъ. Интересно. А въ чану-то что будетъ, позвольте узнать? — обратился ко мнѣ хозяинъ.

Я хотѣлъ отвѣтить, но Шаляпинъ перебилъ меня:

— По указу его императорскаго величества, будетъ наполнено водкой для всеобщаго пользованія даромъ.

Хозяинъ и буфетчикъ вылупили глаза.

— Господи! — воскликнулъ хозяинъ. — Конечно, ежели, но это никакъ невозможно!... Вѣдь это что-жъ будетъ... народъ обопьется весь.

— Ну вотъ, — сказалъ Шаляпинъ, — давно пора, а то...

Бабушкинъ, закрывъ глаза, смѣялся.

Весело завтракалъ Шаляпинъ и разсказывалъ какой-то новый еврейскій анекдотъ.

Отъ буфета, улыбаясь, подошелъ къ намъ бравый полицейскій приставъ.

— Простите, — сказалъ, смѣясь, — чего это вы говорите? Что изъ этого бассейна государь императоръ поить народъ водкой будетъ. Чего выдумаете! Невозможное положеніе. Говорите зря. Да вѣдь что въ этомъ самомъ вредное — повѣрятъ! Вѣдь это полъ-Нижняго придетъ. Не говорите, пожалуйста.

— Садитесь, — предложилъ Шаляпинъ. — Это я вѣрно говорю. Но больше одного стакана не дадутъ. И только тому, кто живую плотицу съѣстъ. Вотъ, какъ тотъ самоѣдъ.

И онъ сталъ звать рукой самоѣда Василія.

Василій живо подбѣжалъ къ намъ. Шаляпинъ, наклонясь, что то ему шепнулъ. Василій убѣжалъ въ павильонъ и вернулся держа въ рукахъ живую плотицу.

— Вотъ, посмотрите!

Шаляпинъ налилъ въ стаканъ водку, Василій махомъ выпилъ ее и закусилъ плотицей.

— Видѣли? — сказалъ Шаляпинъ. — А теперь попробуй-ка нашей закуски...

Онъ еще налилъ стаканъ Василію, и пододвинулъ къ нему балыкъ и икру.

Самоѣдъ выпилъ водку и сталъ оробѣло закусывать.

— Ну, что — какая закуска лучше? — спросилъ Шаляпинъ.

— Наша, — отвѣтилъ самоѣдъ.

— Поняли? — спросилъ пристава Шаляпинъ.

Бабушкинъ и приставъ только переглядывались другъ съ другомъ:

— Какой народъ, и откуда такой!

— А вотъ, — сказалъ Шаляпинъ, — настоящій народъ. А вамъ подавай все жареное, да копченое!..

— Невиданное дѣло, — смѣялся Бабушкинъ.

Къ павильону подошли С. И. Мамонтовъ съ товарищемъ министра В. И. Ковалевскимъ. Шаляпинъ, увидавъ ихъ, крикнулъ:

— Савва Ивановичъ, идите сюда.

Услыхавъ голосъ Шаляпина, С. И. направился къ намъ на террасу и познакомилъ Шаляпина съ Ковалевскимъ.

— Что дѣлается! — хохоталъ Шаляпинъ. — Вашъ павильонъ — волшебный. Я въ первый разъ въ жизни вижу такія исторіи. Онъ и меня заставляетъ, — показалъ онъ на меня, — ѣсть живого осетра. Кто это у васъ этотъ иностранецъ?

Шаляпинъ хохоталъ такъ весело, что невольно и мы всѣ тоже смѣялись. А приставъ даже вытиралъ слезы отъ смѣху. — «Что только выдумаютъ!..»

**
*

На открытіе всероссійской выставки въ Нижній Новгородъ пріѣхало изъ Петербурга много знати, министры — Витте и другіе, дѣятели финансовъ и промышленныхъ отдѣловъ, вице-президентъ Академіи Художествъ, графъ И. И. Толстой, профессора Академіи.

На территоріи выставки митрополитомъ былъ отслуженъ большой молебенъ. Было много народу — купцовъ, фабрикантовъ (по приглашенію).

Когда молебенъ кончился, Мамонтовъ, Витте въ мундирѣ, въ орденахъ, и многіе съ нимъ, тоже въ мундирахъ и орденахъ, направились въ павильонъ Крайняго Сѣвера.

Мы съ Шаляпинымъ стояли у входа въ павильонъ.

— Вотъ это онъ дѣлалъ, — сказалъ Мамонтовъ, показавъ на меня Витте, а также представилъ и Шаляпина.

Когда я объяснялъ экспонаты Витте, то увидѣлъ въ лицѣ его усталость. Онъ сказалъ мнѣ:

— Я былъ на Мурманѣ. Его мало кто знаетъ. Богатый край.

Окружающіе его безпрестанно спрашивали меня то или другое про экспонаты и удивлялись. Я подумалъ: «Странно, — они ничего не знаютъ объ огромной области Россіи, малую часть которой мнѣ удалось представить».

— Идите съ Коровинымъ ко мнѣ, — сказалъ, уходя Мамонтовъ Шаляпину. — Вы вѣдь сегодня поете. Я скоро пріѣду.

Выйдя за ограду выставки, мы съ Шаляпинымъ сѣли на извозчика. Дорогой онъ смѣясь, говорилъ:

— Эхъ, хорошо! Смотрите, улица то вся изъ трактировъ! Люблю я трактиры!

Правда, веселая была улица. Деревянные дома въ разноцвѣтныхъ вывѣскахъ, во флагахъ. Пестрая толпа народа. Ломовые, везущіе мѣшки съ овсомъ, хлѣбомъ. Товары. Блестящія сбруи лошадей, разносчики съ рыбой, баранками, пряниками. Пестрые, цвѣтные платки женщинъ. А вдали—Волга. И за ней, громоздясь въ гору, городъ Нижній Новгородъ. Горятъ купола церквей. На Волгѣ — пароходы, барки... Какая бодрость и сила!

— Стой! — крикнулъ вдругъ Шаляпинъ извозчику.

Онъ позвалъ разносчика. Тотъ подошелъ къ намъ и поднялъ съ лотка ватную покрышку. Тамъ лежали горячіе пирожки.

— Вотъ, попробуй-ка, — сказалъ мнѣ на «ты» Шаляпинъ. — У насъ въ Казани такіе-же.

Пироги были съ рыбой и вязигой. Шаляпинъ ихъ ѣлъ одинъ за другимъ.

— У насъ то, братъ, на Волгѣ жрать умѣютъ! У бурлаковъ я ѣлъ стерляжью уху въ два навара. Ты не ѣлъ?

— Нѣтъ, не ѣлъ, — отвѣтилъ я.

— Такъ вотъ, Витте и всѣ, которые съ нимъ, въ орденахъ, лентахъ, такой, братъ, ухи не ѣдали! Хорошо здѣсь. Зайдемъ въ трактиръ — съѣдимъ уху. А потомъ я спать поѣду. Вѣдь я сегодня «Жизнь за Царя» пою.

Въ трактирѣ мы сѣли за столъ у окна.

— Посмотри на мою Волгу, — говорилъ Шаляпинъ, показывая въ окно. — Люблю Волгу. Народъ другой на Волгѣ. Не сквалыжники. Вездѣ какъ то жизнь для денегъ, а на Волгѣ деньги для жизни.

Было явно: этому высокому размашистому юношѣ радостно — ѣсть уху съ калачемъ и вольно сидѣть въ трактирѣ...

Тамъ я его и оставилъ...

**
*

Когда я пріѣхалъ къ Мамонтову, тотъ обезпокоился, что Шаляпина нѣтъ со мной.

— Знаете, вѣдь онъ сегодня поетъ! Театръ будетъ полонъ.. Поѣдемъ къ нему...

Однако, въ гостиницѣ, гдѣ жилъ Шаляпинъ, мы его не застали. Намъ сказали, что онъ поѣхалъ съ барышнями кататься по Волгѣ...

**
*

Въ театрѣ, за кулисами, я увидѣлъ Труффи. Онъ былъ во фракѣ, завитъ. Въ зрительный залъ уже собиралась публика, но Шаляпина на сценѣ не было. Мамонтовъ и Труффи волновались.

И вдругъ Шаляпинъ появился. Онъ живо раздѣлся въ уборной до-нага и сталъ надѣвать на себя ватныя толщинки.

Труффи и Мамонтовъ были въ уборной. Быстро одѣваясь и гримируясь, Шаляпинъ говорилъ, смѣясь, Труффи:

— Ви, маэстро, не забудьте, пожалуйста, мои эффектныя фермато.

Потомъ, положивъ ему руку на плечо, сказалъ серьезно: — Труффочка, помнишь — тамъ не четыре, а пять. Помни паузу.

И острыми глазами Шаляпинъ строго посмотрѣлъ на дирижера.

Публика наполнила театръ.

Труффи сѣлъ за пультъ. Раздавались нетерпѣливые хлопки публики.

Началась увертюра.

Послѣ аріи Сусанина «Чуютъ правду» — публика была ошеломлена. Шаляпина вызывали безъ конца.

И я видѣлъ, какъ Ковалевскій, со слезами на глазахъ, говорилъ Мамонтову:

— Кто этотъ Шаляпинъ? Я никогда не слыхалъ такого пѣвца!

Къ Мамонтову въ ложу пришли Витте и другіе и выражали свой восторгъ. Мамонтовъ привелъ Шаляпина со сцены въ ложу. Всѣ удивлялись его молодости.

За ужиномъ, послѣ спектакля, на которомъ собрались артисты и друзья, Шаляпинъ сидѣлъ, окруженный артистками, и тамъ шелъ несмолкаемый хохотъ. Послѣ ужина Шаляпинъ поѣхалъ съ ними кататься по Волгѣ.

— Эта такая особенная человѣка! — говорилъ Труффи. — Но такой таланта я вижу въ первый разъ.

ВЪ МОСКВѢ.

Въ началѣ театральнаго сезона въ Москвѣ, въ частной оперѣ Мамонтова, мной были приготовлены къ постановкѣ оперы: «Рогнѣда» Сѣрова, «Опричникъ» Чайковскаго и «Русалка» Даргомыжскаго.

Въ мою мастерскую на Долгоруковской улицѣ, которую мы занимали вмѣстѣ съ В. А. Сѣровымъ, часто приходилъ Шаляпинъ. Если засиживался поздно, оставался ночевать.

Шаляпинъ былъ всегда веселъ и остроумно передразнивалъ пѣвцовъ русскихъ и итальянскихъ, изображая ихъ движенія, походку на сценѣ. Онъ совершенно точно подражалъ ихъ пѣнію. Эта тонкая карикатура была смѣшна.

Своей подвижностью, избыткомъ энергіи, множествомъ переживаній — веселье, кутежи, ссоры, — онъ такъ себя утомлялъ, что потомъ засыпалъ на двадцать часовъ и разбудить его не было возможности. Особенностью его было также, что онъ могъ постоянно ѣсть. Онъ былъ богатырскаго сложенія.

Я не видалъ Шаляпина, чтобы онъ когда либо читалъ или училъ роль. И все же — онъ все зналъ и никто такъ серьезно не относился къ исполненію и музыкѣ, какъ онъ. Въ этомъ была для меня какая то неразгаданная тайна. Какой либо романсъ онъ проглядывалъ одинъ разъ и уже его зналъ и пѣлъ.

Когда онъ бывалъ серьезно разстроенъ или о чемъ-нибудь скорбѣлъ, то дѣлался молчаливъ и угрюмъ. Ничто не могло разсѣять его дурного настроенія. Онъ стоялъ у окна и стучалъ пальцемъ по стеклу, или какъ то разсѣянно стряхивалъ съ себя пыль, или крошки со стола, которыхъ не было.

Сначала я не понималъ, что съ нимъ, и спросилъ его однажды:

— Что съ тобой?

— Какъ тебѣ сказать, — отвѣтилъ онъ, — ты не поймешь. Я, въ сущности, и объяснить какъ то не могу. Понимаешь ли, какъ бы тебѣ сказать... въ искусствѣ есть... Постой, какъ это назвать... есть «чуть-чуть». Если это «чуть-чуть» не сдѣлать, то нѣтъ искусства. Выходитъ около. Дирижеры не понимаютъ этого, а потому у меня не выходитъ то, что я хочу... А если я хочу и не выходитъ, то какъ же? У нихъ все вѣрно, но не въ этомъ дѣло. Машина какая-то. Вотъ многіе артисты поютъ вѣрно, стараются, на дирижера смотрятъ, считаютъ такты — и скука!.. А ты знаешь ли, что есть дирижеры, которые не знаютъ, что такое музыка. Мнѣ скажутъ: сумасшедшій, а я говорю истину. Труффи слѣдитъ за мной, но сдѣлать то, что я хочу — трудно. Вѣдь оркестръ, музыканты играютъ каждый день, — даже по два спектакля въ воскресенье, — нельзя съ нихъ и спрашивать, играютъ, какъ на балахъ. Опера то и скучна. «Если, Федя, все дѣлать, что ты хочешь, — говоритъ мнѣ Труффи, — то хотя это и вѣрно, но это требуетъ такого напряженія, что послѣ спектакля придется лечь въ больницу». Въ операхъ есть мѣста, гдѣ нуженъ эффектъ, его ждутъ — возьметъ ли теноръ верхнее до, а остальное такъ, вообще. А вотъ это невѣрно.

Стараясь мнѣ объяснить причину своей неудовлетво-

ренности, Шаляпинъ много говорилъ и, въ концѣ концовъ, сказалъ:

— Знаешь, я все таки не могу объяснить. Вѣрно я тебѣ говорю, а въ сущности не то. Все не то. Это надо чувствовать. Понимаешь, все хорошо, но запаха цвѣтка нѣтъ. Ты самъ часто говоришь, когда смотришь картину — не то. Все сдѣлано, все выписано, нарисовано — а не то. Цвѣтокъ то отсутствуетъ. Можно уважать работу, удивляться труду, а любить нельзя. Работать, говорятъ, нужно. Вѣрно. Но вотъ, и быкъ, и волъ трудится, работаетъ двадцать часовъ, а онъ не артистъ. Артистъ думаетъ всю жизнь, а работаетъ иной разъ полчаса. И выходитъ — если онъ артистъ. А какъ — неизвѣстно.

На репетиціи Шаляпинъ пѣлъ вполголоса, часто останавливалъ дирижера, прося повторить и, повторяя, пѣлъ полнымъ голосомъ. Отбивалъ громко тактъ ногой, даже своему другу Труффи. Труффи не обижался и дѣлалъ такъ, какъ хотѣлъ Шаляпинъ. Но говорилъ мнѣ, смѣясь:

— Этотъ Чортъ Иванычъ Шаляпинъ — таланта огромная. Но онъ постоянно мѣняетъ и всегда хорошо. Другая дирижеръ палочка броситъ и уйдетъ. Но я его люблю, понимаю, какая это артистъ. Онъ чувствуетъ музыку и понимаетъ, что хотѣлъ композиторъ. Какъ онъ поетъ Лепорелло Моцарта. А Даргомыжскаго. Я, когда дирижирую, — плачу, удивляюсь и наслаждаюсь. Но я такъ устаю. Онъ требуетъ особаго вниманія. Это такая великая артистъ...

Въ первый же сезонъ частной оперы, когда выступалъ Шаляпинъ, вся Москва говорила уже о немъ, и когда мы съ нимъ обѣдали въ ресторанѣ «Эрмитажъ» или «Континенталь», то вся обѣдающая публика смотрѣла на Шаляпина.

Шаляпинъ не любилъ многолюдныхъ мѣстъ, и когда

попадалъ въ большіе рестораны, то старался сѣсть въ сторонкѣ, чтобы не возбуждать вниманія.

При большомъ ресторанѣ «Эрмитажъ» былъ садъ. И въ этотъ садъ отъ ресторана шла большая терраса. Какъ-то лѣтомъ мы пришли туда съ Шаляпинымъ. Шаляпинъ на террасѣ сидѣть не хотѣлъ. Мы прошли внутрь ресторана и сѣли сбоку отъ буфета, за небольшой ширмой.

Посѣтители замѣтили Шаляпина и стали передвигать столы такъ, чтобы имъ было видно за ширмой Шаляпина.

Насъ было трое. Третій былъ пріятель Шаляпина — Лодыженскій. Одѣтъ онъ былъ странно. На головѣ — котелокъ, поддевка, повязанная серебрянымъ кавказскимъ поясомъ. И былъ онъ похожъ на человѣка, торгующаго лошадьми. Такихъ бывало много на скачкахъ. Шаляпинъ вдругъ подозвалъ полового и приказалъ ему принести пятокъ яицъ и спиртовку.

Я подумалъ, что онъ хочетъ глотать сырыя яйца — для голоса, что онъ иногда и дѣлалъ.

Нѣтъ. Онъ зажегъ спиртовку, попросилъ у Лодыженскаго его котелокъ, и, держа его надъ огнемъ, вылилъ въ него яйца.

— Что ты дѣлаешь? — возмущался Лодыженскій. — Пропалъ котелокъ!

— Чортъ съ нимъ! — отвѣчалъ Шаляпинъ.

Котелокъ дымитъ, а Шаляпинъ накладываетъ изъ котелка къ себѣ на тарелку яичницу.

Публика возмутилась. Особенно сердился какой-то лицеистъ: «это вызовъ! какой хамъ!»

Всѣ посѣтители ресторана, услыхавъ, какъ Шаляпинъ готовитъ яичницу, подходили къ буфету, будто выпить, а на самомъ дѣлѣ, — посмотрѣть вбокъ за ширму.

Возвращаясь къ своимъ столамъ, они громко выражали негодованіе. Доносились слова:

— Босякъ! Невѣжа!..

А Шаляпинъ оставался серьезенъ и продолжалъ съ нами разговаривать, какъ ни въ чемъ не бывало. Конечно, яичницу онъ не ѣлъ, но ловко дѣлалъ видъ, что ѣстъ.

Такихъ озорныхъ продѣлокъ за нимъ было не мало.

Впрочемъ, были и люди, не прощавшіе Шаляпину его большихъ гонораровъ.

Какъ то весной, въ ресторанѣ Крынкина на Воробьевыхъ горахъ, мы сидѣли на террасѣ за столикомъ. Былъ солнечный день. Мы ѣли окрошку. Изъ оконъ террасы была видна Москва-рѣка, горы въ садахъ, и я писалъ маленькій этюдъ.

Шаляпинъ пошелъ погулять.

Неподалеку отъ меня, за столомъ, сидѣли какіе то посѣтители. Одинъ былъ въ формѣ телеграфиста. Онъ взглянулъ въ окно на Шаляпина, который стоялъ у изгороди и, вздохнувъ, сказалъ пріятелямъ:

— Хорошо ему, легко живется, споетъ — и, пожалуйте деньги. Штука не хитрая. Правды-то нѣтъ! Голосъ и голосъ! Другое дѣло можетъ нужнѣй. Молчитъ и работаетъ. А этотъ оретъ на всю Москву — «кто я?!»

— Послушайте, — сказалъ я. — Вы, я вижу — люди почтенные. За что вы не любите Шаляпина? Поетъ онъ для васъ. Можете взять билеты, послушать его — получите большое удовольствіе.

— Поетъ! Мы знаемъ, что поетъ. А сколько онъ получатъ?

— И вы тоже получаете.

— Нѣтъ, сколько онъ получатъ. Это разница. Я вотъ здѣсь, вотъ эти Горы Воробьевы и дворецъ Его Императорскаго Высочества обслуживаю. Понять надо! Серьезное дѣло! Сколько онъ получатъ, и сколько я? Разница! Вотъ что!

Человѣкъ былъ въ большомъ гнѣвѣ, и я не зналъ, что отвѣтить.

Когда вернулся Шаляпинъ и сѣлъ со мной за столъ, сердитые люди поднялись и стали одѣваться. Уходя, они зло посмотрѣли въ нашу сторону.

***

У Шаляпина образовалось много знакомствъ въ Москвѣ и лѣтомъ онъ часто гостилъ въ деревнѣ Путятино, у пѣвицы частной оперы Т. С. Любатовичъ.

Однажды онъ заѣхалъ ко мнѣ и просилъ меня поѣхать съ нимъ къ Любатовичъ:

— Поѣдемъ. Возьми ружье, ты вѣдь охотникъ. Тамъ дичи навѣрно много. Глушь, мѣсто замѣчательное. Татьяна — баба хорошая. Ты знаешь, вѣдь я женюсь.

— Какъ женишься? На комъ? — удивился я.

— На Іолѣ Торнаги. Ну, балерину у насъ знаешь? Она, братъ, баба хорошая, серьезная. Ты шафером будешь. Тамъ поблизости въ деревнѣ я вѣнчаюсь. Должно быть Труффи пріѣдетъ, Малининъ, Рахманиновъ, Мамонтовъ. А какъ ты думаешь, можно мнѣ въ деревнѣ въ поддевкѣ вѣнчаться? Я терпѣть не могу эти сюртуки, пиджаки разные, потомъ шляпы. Картузъ же — умнѣй, лучше. Козырекъ — онъ солнце загораживаетъ, и вѣтромъ не сноситъ. Въ вагонѣ ѣду — я люблю смотрѣть въ окошко. Въ Пушкино, къ Карзинкинымъ недавно ѣхалъ, высунулся въ окошко, у меня панама и улетѣла. Двадцать пять рублей заплатилъ...

СВАДЬБА.

У подъѣзда одноэтажнаго домика въ три окошка стояли подводы. Возчики долго дожидались и говорили «пора ѣхать, попъ дожидается».

— Федоръ, — говорили Шаляпину, — пора ѣхать.

Но Шаляпинъ замѣшкался. Всталъ поздно.

— Постой, сейчасъ, — говорилъ онъ, — только папиросъ набью.

Невѣста, уже одѣтая въ бѣлое платье, и всѣ мы, гости, уже сѣли на подводы.

Наконецъ, выбѣжалъ Шаляпинъ и сѣлъ со мной на подводу. Онъ былъ одѣтъ въ поддевку, на головѣ — бѣлый чесучовый картузъ.

Мы проѣхали мостъ, перекинутый черезъ прудъ. Здѣсь въ крайней избѣ я жилъ съ пріятелемъ своимъ, охотникомъ Колей Хитровымъ. Онъ выбѣжалъ изъ избы, подбѣжалъ къ намъ и сѣлъ на облучекъ рядомъ съ возчикомъ.

— Господи, до чего я напугался! — обернувшись къ намъ сталъ онъ разсказывать. — Говорятъ, здѣсь каторжникъ бѣгаетъ. А меня вчера заставили садъ сторожить — тамъ ягоды воруютъ, клубнику. Вдругъ слышу по мосту кто то бѣжитъ и звякаетъ кандалами. Мостъ пробѣжалъ, и ко мнѣ! Я скорѣй домой, схватилъ ружье и сталъ палить изъ окна. Мужики сбѣжались, ругаются: «Что ты, изъ дому стрѣляешь, деревню зажжешь!» А я

имъ — «Каторжникъ сейчасъ пробѣжалъ въ кандалахъ къ саду Татьяны Спиридоновны». — Мужики — кто за косы, кто за вилы — ловить его. Мы всѣ побѣжали къ саду. Слышимъ: кандалами звякаетъ за садомъ. «Вонъ онъ гдѣ!» — кричу я. Подбѣжали, и вдругъ видимъ... лошадь, и ноги у ней спутаны цѣпью. Вотъ меня мужики ругали!..

— Замѣчательный парень у тебя этотъ Коля, — смѣясь сказалъ мнѣ Шаляпинъ. — Откуда достаешь такихъ?

**
*

Ѣхали лѣсами и полями. Вдали, за лѣсомъ, послышался ударъ грома. Быстро набѣжали тучи, сверкнула молнія, и насъ окатилъ проливной дождь. Кое у кого были зонтики, но у насъ зонтиковъ не было, и мы пріѣхали въ церковь мокрехоньки.

Начался обрядъ вѣнчанія. Я держалъ большой металлическій вѣнецъ, очень тяжелый. Рука скоро устала и я тихо спросилъ Шаляпина:

— Ничего, если я на тебя корону надѣну?

— Вали, — отвѣтилъ онъ.

Вѣнецъ былъ великъ и опустился Шаляпину прямо на уши...

**
*

По окончаніи вѣнчанія, мы пошли къ священнику, — на улицѣ все еще лилъ дождь.

Въ небольшомъ сельскомъ домикѣ гости едва помѣстились. Матушка и дочь священника хлопотали, приготовляя чай. Мы съ Шаляпинымъ пошли на кухню, раздѣлись и положили на печку сушить платье.

— Нельзя-ли, — спросилъ Шаляпинъ священника, — достать вина или водки?

— Водки нѣтъ, — а кагоръ для церкви есть.

И мы, чтобы согрѣться, усердно наливали въ чай кагору.

Когда двинулись въ обратный путь, священникъ надѣлилъ насъ зонтиками...

**
*

У Путятина, намъ загородили дорогу крестьяне, протянувъ поперекъ колеи ленту. Ее держали въ рукахъ дѣвушки и визгливо пѣли какую то пѣсню, славя жениха и невѣсту. Въ пѣснѣ этой были странныя слова, которыя я запомнилъ:

Мы видѣли, мы встрѣчали
Бродягу въ сюртукѣ, въ сюртукѣ, въ сюртукѣ...

Мужики просили съ молодыхъ выкупъ на водку.
Я вынулъ рублевку и далъ.
Бабы говорили:
— Мало! А намъ то на пряники?
Другіе тоже дали крестьянамъ денегъ.
Ленту собрали и мы поѣхали.

**
*

Вернувшись къ Татьянѣ Спиридоновнѣ, мы увидѣли столы, обильно уставленные винами и ѣдой.

Поздравляя молодыхъ, всѣ цѣловались съ ними. Кричали «горько».

Къ вечеру Колѣ Хитрову опять выпалъ жребій сторожить садъ. И когда я, распростившись, уходилъ къ себѣ на деревню, Шаляпинъ вышелъ со мной.

— Пойдемъ посмотримъ, какъ твой пріятель караулитъ...

Въ глубинѣ сада, огороженнаго канавой съ разваленнымъ частоколомъ, мы увидѣли огонекъ фонаря.

Шаляпинъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, мы легли въ траву и тихо поползли къ канавѣ. Фонарь, горѣвшій въ шалашикѣ, покрытомъ рогожей, освѣщалъ испуганное лицо Коли. Вытаращивъ глаза, онъ смотрѣлъ въ темную ночь.

— А этого сторожа надо зарѣзать! — не своимъ голосомъ сказалъ Шаляпинъ.

— Кто такой? — завопилъ неистово Коля. — Буду стрѣлять!

И выскочивъ изъ шалаша, пустился бѣжать изъ сада.

— Держи его! — кричалъ Шаляпинъ. — Не уйдешь!..

Коля кинулся къ дому Татьяны Спиридоновны. Прибѣжавъ туда, онъ крикнулъ:

— Разбойники!..

Всѣ переполошились. Высыпали на улицу.

Подходя къ дому, мы увидѣли Іолу Игнатьевну, молодую. Въ безпокойствѣ она говорила, картавя, по-русски:

— Господи! Гдѣ Федя, что съ нимъ?..

Шаляпинъ былъ въ восторгѣ.

ЧАСТНАЯ ОПЕРА.

Сезонъ въ частнои оперѣ въ Москвѣ, въ театрѣ Мамонтова, открылся оперой «Псковитянка» Римскаго-Корсакова.

Я, помню, измѣрилъ ростъ Шаляпина и сдѣлалъ дверь въ декораціи нарочно меньше его роста, чтобы онъ вошелъ въ палату, наклоненный, и здѣсь выпрямился, съ фразой:

— Ну, здравія желаю вамъ, князь Юрій, мужи псковичи, присѣсть позволите.

Такъ онъ казался еще огромнѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. На немъ была длинная и тяжелая кольчуга изъ кованнаго серебра. Эту кольчугу, очень древнюю, я купилъ на Кавказѣ у старшины хевсуръ. Она плотно облегала богатырскія плечи и грудь Шаляпина. И костюмъ Грознаго сдѣлалъ Шаляпину я.

Шаляпинъ въ Грозномъ былъ изумителенъ. Какъ бы вполнѣ обрѣлъ себя въ образѣ суроваго русскаго царя, какъ бы пріялъ въ себя его непокойную душу. Шаляпина не было на сценѣ, былъ ожившій Грозный.

Въ публикѣ говорили:

— Жуткій образъ...

Таковъ же онъ былъ и въ Борисѣ Годуновѣ...

Помню первое впечатлѣніе:

Я слушалъ, какъ Шаляпинъ пѣлъ Бориса, изъ ложи Теляковскаго. Это было совершенно и восхитительно.

Въ антрактѣ я пошелъ за кулисы. Шаляпинъ стоялъ въ бармахъ Бориса. Я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Ну, знаешь ли, сегодня ты въ ударѣ.

— Сегодня, — сказалъ Шаляпинъ, — понимаешь ли, я почувствовалъ, что я въ самомъ дѣлѣ Борисъ. Ей Богу! Не съ ума ли я сошелъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ я. — Но только сходи съ ума почаще...

Публика была потрясена. Вызовамъ, крикамъ, и аплодисментамъ не было конца. Артисты это называютъ «войти въ роль». Но Шаляпинъ больше, чѣмъ входилъ въ роль — онъ поистинѣ перевоплощался. Въ этомъ была тайна его души, его генія.

Когда я въ ложѣ разсказалъ Теляковскому, что Шаляпинъ сегодня вообразилъ себя подлиннымъ Борисомъ, тотъ отвѣтилъ:

— Да, онъ изумителенъ сегодня. Но причина, кажется, другая. Сегодня онъ поссорился съ Куперомъ, съ парикмахеромъ, съ хоромъ, а послѣ ссоръ онъ поетъ всегда какъ бы утверждая свое величіе... Во многомъ онъ правъ. Вѣдь онъ въ пониманіи музыки выше всѣхъ здѣсь.

***

Составъ артистовъ частной оперы въ Москвѣ былъ удивительный. Въ «Фаустѣ», напримѣръ: Маргариту пѣла Ванъ Зандъ, Фауста — Анжело Мазини, Мефистофеля — Шаляпинъ.

Шаляпинъ тогда впервые выступалъ съ Мазини, и на репетиціи, помню, все посматривалъ на него. Мазини не пѣлъ, а только условливался съ дирижеромъ и проходилъ мѣста на сценѣ.

По окончаніи репетиціи Шаляпинъ мнѣ сказалъ:

— Послушай, а Мазини какой-то особенный. Баринъ. Что за штука? Въ тріо мнѣ говоритъ: «Пой такъ», — и мы съ Ванъ Зандъ, представь, три раза повторили. Обращается ко всѣмъ на «ты». Бевиньяни его слушается. Іола говорила, что замѣчательный пѣвецъ. Я еще не слыхалъ...

Ванъ Зандъ, Мазини, Шаляпинъ... Врядъ ли «Фаустъ» шелъ въ такомъ составѣ гдѣ-нибудь въ Европѣ...

Шаляпинъ былъ въ восторгѣ отъ Мазини. Говорилъ: у него особенное горло. «вотъ онъ умѣетъ пѣть».

За ужиномъ послѣ спектакля, на которомъ Ванъ Зандъ не присутствовала. рядомъ сидѣли Мазини, Девойодъ, молодой теноръ Пеццони, Дюранъ и многіе другіе артисты, всѣ говорили по-итальянски.

Къ концу ужина Мазини, не пившій шампанскаго, налилъ себѣ краснаго вина и протянулъ стаканъ къ Шаляпину.

— Ты замѣчательный артистъ! — сказалъ онъ. — Пріѣзжай ко мнѣ въ Миланъ гостить. Я тебѣ покажу кое-что въ нашемъ ремеслѣ. Ты будешь хорошо пѣть.

И вставъ, подошелъ къ Шаляпину, взялъ его за щеки и поцѣловалъ въ лобъ...

***

Шаляпинъ не забылъ приглашенія Мазини и весной поѣхалъ въ Миланъ.

Вернувшись лѣтомъ въ Москву, онъ былъ полонъ Италіей и въ восторгѣ отъ Мазини.

Одѣтъ былъ въ плащѣ, какъ итальянецъ. Курилъ длинныя сигары, изъ которыхъ передъ тѣмъ вытаскивалъ соломинку. А выкуривъ сигару, бросалъ окурокъ черезъ плечо.

Въ сезонѣ, въ «Донъ Жуанѣ», съ Падилло, Шаля-

Шаляпинъ — «Борисъ Годуновъ» — въ первые годы карьеры. (Костюмъ — по эскизу В. М. Васнецова).

пинъ пѣлъ Лепорелло уже по-итальянски, съ поразительнымъ совершенствомъ. Да и говорилъ по-итальянски, какъ итальянецъ. А въ голосѣ его появился лиризмъ и mezzo voce.

**
*

Однажды въ Парижѣ, не такъ давно, когда Шаляпинъ еще не былъ боленъ, за обѣдомъ въ его домѣ, его старшій сынъ Борисъ, послѣ того, какъ мы говорили съ Шаляпинымъ о Мазини, спросилъ отца:

— А что, папа, Мазини былъ хорошій пѣвецъ?

Шаляпинъ, посмотрѣвъ на сына, сказалъ:

— Да, Мазини не былъ пѣвецъ, это вотъ я, вашъ отецъ — пѣвецъ, а Мазини — былъ Серафимъ отъ Бога.

Вотъ какъ Шаляпинъ умѣлъ цѣнить настоящее искусство.

**
*

Мы продолжали въ тотъ вечеръ говорить о Мазини:

— Помнишь, — сказалъ я, — Мазини на сценѣ мало игралъ, почти не гримировался, а вотъ стоитъ передъ глазами образъ, который онъ создавалъ въ «Фавориткѣ», въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Какая мѣра!.. Какое обаяніе!

— Еще-бы! Вѣдь онъ уменъ... Онъ мнѣ, братъ, сказалъ: «Бери больше, покуда поешь, а то пошлютъ къ чорту и никому не будешь нуженъ!» Мазини вѣдь пѣлъ сначала на улицахъ. Зналъ жизнь...

— А вотъ, я встрѣтилъ какъ-то въ Венеціи Мазини, онъ меня позвалъ въ какой-то кабачекъ пить красное вино, тамъ былъ какой-то старикъ, гитаристъ, онъ взялъ у него гитару и долго пѣлъ со старикомъ. Помню, я себя чувствовалъ не на землѣ: Мазини замѣчательно аккомъ-

панировалъ на гитарѣ. Въ окна свѣтила луна и черныя гондолы качались на Canale Grande. Это было такъ красиво, — мнѣ мнилось, будто я улетѣлъ въ другой вѣкъ поэзіи и счастья. Никогда не забуду этого вечера.

— А я не слыхалъ, какъ онъ поетъ съ гитарой. Должно быть хорошо... А вотъ, скажи, что это стоитъ — эта ночь, когда Мазини пѣлъ съ гитарой? Сколько франковъ?

— Ну, не знаю, — отвѣтилъ я, — ничего не стоитъ!..

— Вотъ и глупо, — сказалъ Шаляпинъ.

— Почему? Онъ же самъ жилъ въ это время, онъ же артистъ. Онъ восторгался ночью.

— Да, можетъ быть. Онъ былъ странный человѣкъ... Въ Миланѣ, въ галлереѣ, — знаешь, тамъ бываютъ артисты, пѣвцы, кофе пьютъ, — онъ мнѣ однажды сказалъ: «Всѣ они не умѣютъ пѣть».

— Какъ-же, постой... Когда я писалъ портретъ съ Мазини, отдыхая, онъ обычно пѣлъ съ гитарой и, помню, однажды сказалъ мнѣ: «Я вижу, тебѣ нравится, какъ я пою». — «Я не слыхалъ ничего лучше» — отвѣтилъ я. — «Это что! — сказалъ мнѣ Мазини. — У меня былъ учитель, которому я не достоинъ застегнуть сапоги. Это былъ Рубини. Онъ умеръ». — И Мазини перекрестился всей рукой. — «А я слышалъ Рубини». — сказалъ я. — «Ты слышалъ Рубини?» «Да, четырнадцати лѣтъ, мальчикомъ, я слышалъ Рубини. Можетъ быть я не понялъ, но по моему, вы, Анджело. вы поете лучше». «Неужели?» — Мазини радостно засмѣялся...

— Какая несправедливость, — сказалъ вдругъ Шаляпинъ, — Мазини чуть ни до восемидесяти лѣтъ пилъ красное вино, а я не могу. У меня же сахаръ нашли. И чортъ его знаетъ, откуда онъ взялся!.. А ты знаешь, что Мазини на старости сдѣлался антикваромъ?.. Я тоже. братъ. хожу по магазинамъ и всякія вещи покупаю. Вотъ.

фонари купилъ. Можетъ быть, придется торговать. Вотъ, видишь-ли, я дошелъ до пониманія Тиціана. Вотъ это, видишь, у меня Тиціанъ, — показалъ онъ на большую картину съ нагими женщинами.

И, вставъ изъ-за стола, повелъ меня смотрѣть полотно.

— Вотъ видишь, подписи нѣтъ, а холстъ Тиціана. Но я отдамъ реставрировать, такъ, вѣроятно, найдутъ и подпись. Что-жъ ты молчишь? Это же Тиціанъ? — тревожился Шаляпинъ.

— Не знаю Федя, — сказалъ я. — Можетъ быть молодой. Но что-то мнѣ не особенно нравится.

— Ну вотъ, значитъ меня опять надули.

Шаляпинъ разстроился до невозможности.

ШАЛЯПИНЪ И ВРУБЕЛЬ.

На Долгоруковской улицѣ въ Москвѣ, въ домѣ архитектора Червенко, была у меня мастерская.

Для Сѣрова Червенко построилъ мастерскую рядомъ съ моей. Ходъ былъ одинъ.

Пріѣхавъ изъ Кіева, Врубель поселился у меня въ мастерской.

Врубель былъ отрѣшенный отъ жизни человѣкъ, — онъ весь былъ поглощенъ искусствомъ. Часто по вечерамъ приходилъ къ намъ Шаляпинъ, иногда и послѣ спектакля.

Тогда я посылалъ дворника Петра въ трактиръ за пивомъ, горячей колбасой, калачами.

На мольбертѣ стоялъ холстъ Врубеля. Большая странная голова съ горящими глазами, съ полуоткрытымъ сухимъ ртомъ. Все было сдѣлано рѣзкими линіями и начало волосъ уходило къ самому верху холста. Въ лицѣ было страданіе. Оно было почти бѣлое.

Прійдя ко мнѣ, Шаляпинъ остановился и долго смотрѣлъ на полотно:

— Это что-жъ такое? Я ничего подобнаго не видалъ. Это же не живопись. Я не видалъ такого человѣка.

Онъ вопросительно смотрѣлъ на меня.

— Это кто же?

Шаляпинъ въ «Фаустѣ». — Первые годы карьеры. (Костюмъ -- по эскизу В. Д. Полѣнова).

— Это вотъ Михаилъ Александровичъ Врубель пишетъ.

— Нѣтъ. Этого я не понимаю. Какой же это человѣкъ?

— А нарисовано какъ! — сказалъ Сѣровъ. — Глаза. Это, онъ говоритъ, «Неизвѣстный».

— Ну, знаешь, этакую картину я бы не хотѣлъ у себя повѣсить. Наглядишься, отведешь глаза, а онъ все въ глазахъ стоитъ... А гдѣ же Врубель?

— Должно быть, еще въ театрѣ, а можетъ быть ужинаетъ съ Мамонтовымъ.

Шаляпинъ повернулъ мольбертъ къ стѣнѣ, чтобы не видѣть головы «Неизвѣстнаго».

— Странный человѣкъ этотъ Врубель. Я не знаю, какъ съ нимъ разговаривать. Я его спрашиваю. «Вы читали Горькаго?», а онъ: «Кто это такой?» Я говорю: «Алексѣй Максимовичъ Горькій, писатель», — «Не знаю». — Не угодно ли? Въ чемъ же дѣло? Даже не знаетъ, что есть такой писатель и спрашиваетъ меня: «А вы читали, Гомера?» Я говорю: «нѣтъ». «Почитайте, не плохо... Я всегда читаю его на ночь».

— Это вѣрно, — говорю я, — онъ всегда на ночь читаетъ. Вонъ, видишь, подъ подушкой у него книга. Это Гомеръ.

Я вынулъ изящный небольшой томикъ и далъ Шаляпину.

Шаляпинъ открылъ, перелисталъ книгу и сказалъ:

— Это же не по-русски.

— Врубель знаетъ восемь иностранныхъ языковъ. Я его спрашивалъ, отчего онъ читаетъ именно Гомера. «За день, — отвѣтилъ онъ, — устанешь, наслушаешься всякой мерзости и скуки, а Гомеръ уводитъ...» Врубель очень хорошій человѣкъ, но со стран-

ностями. Онъ, напримѣръ, приходитъ въ совершенное разстройство, когда манжеты его рубашки испачкаются или промнутся. Онъ уже не можетъ жить спокойно. И если нѣтъ свѣжей подъ рукою, броситъ работу и поѣдетъ покупать рубашку. Онъ часъ причесывается у зеркала и тщательно отдѣлываетъ ногти. А въ газетахъ утромъ читаетъ только отдѣлъ спорта и скачки. Скачки онъ обожаетъ, но не играетъ. Обожаетъ лошадей. Ѣздитъ верхомъ, какъ жокей. Пріятели у него все — спортсмэны, цирковые атлеты, наѣздницы. Онъ вѣдь съ циркомъ и изъ Кіева пріѣхалъ.

Отворилась дверь, и вошелъ М. А. Врубель.

— Какъ странно, — сказалъ онъ, — вотъ здѣсь, по сосѣдству, залъ отдается подъ свадьбы и балы. Когда я подъѣхалъ и платилъ извозчику, я увидѣлъ, что въ домѣ балъ. А у подъѣзда — лежитъ контрабасъ, а за нимъ — музыкантъ на тротуарѣ. И разыгрывается какой то скандалъ. Въ этомъ было что-то невѣроятно смѣшное. Бѣгутъ городовые, драка.

— Люблю скандалы, — вскинулся Шаляпинъ, — пойдемте посмотримъ.

— Все кончилось, — сказалъ Врубель, — повезли всѣхъ въ полицію.

— Послушайте, Михаилъ Александровичъ, — вотъ вы образованный человѣкъ, а вотъ здѣсь стояла картина ваша, такая жуткая, что это за человѣкъ «Неизвѣстный?»

— А это изъ лермонтовскаго «Маскарада» вы же знаете, читали.

— Не помню..., — сказалъ Шаляпинъ.

— Ну, забыть трудно, — отвѣтилъ Врубель.

— Я бы не повѣсилъ такую картину у себя.

— Боитесь, что къ вамъ придетъ такой господинъ? А можетъ придти...

— А все таки, какой же это человѣкъ «Неизвѣстный», въ чемъ тутъ дѣло?

— А это другъ вашъ, котораго вы обманули.

— Это все ерунда. Дружба. Обманъ. Всѣ только и думаютъ, какъ-бы тебя обойти. Вотъ я дѣлаю полные сборы, а спектакли безъ моего участія проходятъ чуть ни при пустомъ залѣ. А что я получаю? Это же несправедливо. А, говорятъ, Мамонтовъ меня любитъ! Если любишь, плати. Вотъ вы Горькаго не знаете, а онъ правду говоритъ: «тебя эксплоатируютъ». Вообще, въ Россіи не любятъ платить... Я сказалъ третьяго дня Мамонтову, что хочу получать не помѣсячно, а по спектаклямъ, какъ гастролеръ. Онъ и скисъ. Молчитъ и я молчу.

— Да, но вѣдь Мамонтовъ зато для васъ поставилъ всѣ оперы, въ которыхъ вы создали себя и свою славу, онъ имѣетъ тоже право на признательность.

— А каменщикамъ, плотникамъ, архитекторамъ, которые строили театръ, я тоже долженъ быть признателенъ? И, можетъ быть, даже имъ платить? Въ чемъ дѣло? «Псковитянка!». Я же Грозный, я дѣлаю сборы. Трезвинскій не сдѣлаетъ. Это вы господскіе разговоры ведете.

— Да, я веду господскіе разговоры, а вотъ вы то не совсѣмъ...

— Что вы мнѣ говорите «господскіе»! — закричалъ, поблѣднѣвъ, Шаляпинъ. — Что за господа! Пороли народъ и этимъ жили. А вы знаете, что я по паспорту крестьянинъ, и меня могутъ выпороть на конюшнѣ?

— Это неправда, — сказалъ Врубель. — Послѣ реформъ Александра II, никого, къ сожалѣнію, не порятъ.

— Какъ «къ сожалѣнію»? — крикнулъ Шаляпинъ. — Что это онъ говоритъ, какого барина раздѣлываетъ изъ себя.

— Довольно, — сказалъ Врубель.

Что то непріятное и тяжелое прошло въ душѣ. Шаляпинъ крикнулъ: — И впрямь, къ чорту все, и эту тему!

— Мы разные люди.

Врубель одѣлся и ушелъ.

— Кто онъ такой этотъ Врубель, что онъ говоритъ? — продолжалъ въ гнѣвѣ Шаляпинъ. — Гнилая правда.

— Да, Федоръ Ивановичъ, когда разговоръ зайдетъ о деньгахъ, всегда какая нибудь гадость выходитъ, — сказалъ Сѣровъ и замигалъ глазами. — Но Мамонтову театръ тоже, кажется, много стоитъ. Его вѣдь всѣ за театръ ругаютъ. Только вы не бойтесь, Федоръ Иванович, вы получите...

— Ѣсть что то хочется, — сказалъ нѣсколько погодя Шаляпинъ. — Поѣхать въ «Гурзуфъ», что ли, или къ «Яру»? Константинъ, у тебя деньги есть, а то у меня только три рубля.

И онъ вынулъ изъ кармана свернутый трешникъ.

— Рублей пятнадцать... Нѣтъ — двѣнадцать. Этого мало.

Я обратился къ Сѣрову:

— Антонъ, у тебя нѣтъ денегъ?

— Мало, — сказалъ Сѣровъ и полѣзъ въ карманъ.

У него оказалось семь рублей.

— Я вѣдь не поѣду, вотъ возьмите пять рублей.

— Куда же ѣхать, — сказалъ я, — этихъ денегъ не хватитъ.

Поѣздка не состоялась, и Шаляпинъ ушелъ домой.

КОНЕЦЪ ЧАСТНОЙ ОПЕРЫ.

Въ характерѣ Шаляпина произошла нѣкоторая перемѣна. По утрамъ, просыпаясь поздно, онъ долго оставался въ постели. Передъ нимъ лежали всѣ выходящія газеты, и первое, что онъ читалъ, была театральная хроника, къ которой онъ всегда относился съ большимъ раздраженіемъ.

— Когда ругаютъ, — говорилъ онъ, — то невѣрно, а когда хвалятъ, то тоже невѣрно, потому что ничего не понимаютъ. Кашкинъ еще куда ни шло, ну, а Кругликовъ — это что жъ! Странный человѣкъ. Вообще у насъ критика бутербродная...

Утромъ приходили знакомые, поклонники. Шаляпинъ принималъ ихъ лежа въ постели. Въ это время нянька приносила къ нему родившагося сына Игоря. Ребенокъ былъ со свѣтлыми кудрями, и Шаляпинъ игралъ съ нимъ, несчетно цѣлуя и радуясь.

Когда его спрашивали, что онъ намѣренъ пѣть новое, онъ нехотя отвѣчалъ, что не знаетъ; не знаетъ, будетъ ли и вообще-то пѣть еще.

А мнѣ всегда говорилъ серьезно и наединѣ:

— Ты скажи, Константинъ, Мамонтову, что я хочу жить лучше, что у меня, видишь ли, сынъ, и я хочу купить домъ. Въ сущности, въ чемъ же дѣло? У всѣхъ-же есть дома. Я тоже хочу имѣть свой домъ. Отчего мнѣ не имѣть своего дома?

Шаляпинъ былъ озабоченъ матеріальнымъ благополучіемъ, а Мамонтовъ говорилъ, что онъ требуетъ такой оплаты, какой частный театръ дать не можетъ. Нѣтъ такихъ сборовъ. Гастроли Мазини не могутъ проходить цѣлый годъ, такъ какъ публика не можетъ оплатить такого сезона. Таманьо не могъ сдѣлать десять полныхъ сборовъ по такимъ повышеннымъ цѣнамъ.

Изъ за денежныхъ расчетовъ между Шаляпинымъ и Мамонтовымъ происходили частыя недоразумѣнія.

— Есть богатые люди, почему же я не могу быть богатымъ человѣкомъ? — говорилъ Шаляпинъ. — Надо сдѣлать театръ на десять тысячъ человѣкъ и тогда мѣста будутъ дешевле.

Мамонтовъ былъ совершенно съ нимъ согласенъ, но построить такого театра не могъ.

Постоянная забота о деньгахъ, полученіяхъ, принимала у Шаляпина болѣзненный характеръ. Какъ-то случалось такъ, что онъ никогда не имѣлъ при себѣ денегъ — всегда три рубля и мелочь. За завтракомъ-ли, въ поѣздкѣ съ друзьями, онъ растерянно говорилъ:

— У меня же съ собой только три рубля...

Это было всегда забавно.

**
*

Лѣтомъ Шаляпинъ гдѣ нибудь гостилъ у богатыхъ людей или у друзей: у Козновыхъ, Ушковыхъ. И болѣе всего у меня.

Когда мы пріѣзжали ко мнѣ въ деревню на охоту или на рыбную ловлю, мужички приходили поздравить насъ съ пріѣздомъ. Имъ надо было дать на водку, на четверть, и я давалъ 1 руб. 20 коп.

Шаляпинъ возмущался и ругательски меня ругалъ.

— Я же здѣсь хочу построить домъ, а ты развращаешь народъ! Здѣсь жить будетъ нельзя изъ за тебя.

— Федя, да вѣдь это же охотничій обычай. Мы настрѣляли тетеревовъ въ ихъ лѣсу сколько, а ты сердишься, что я даю на чай. Вѣдь это ихъ лѣсъ, ихъ тетерева.

Сѣровъ, мигая, говорилъ:

— Ну, довольно, надоѣло.

И Шаляпинъ умолкалъ.

**
*

Государственный контролеръ Тертій Ивановичъ Филипповъ обратился какъ то къ Шаляпину, чтобы тотъ пріѣхалъ въ Петербургъ для участія въ его хорѣ.

Шаляпинъ спросилъ Мамонтова, какъ въ данномъ случаѣ поступить.

— Какъ же, Феденька, — отвѣтилъ Мамонтовъ, — вы же заняты въ театрѣ у меня, билеты проданы. Это невозможно.

И Мамонтовъ написалъ Филиппову письмо, что не можетъ отпустить Шаляпина.

Въ это время уже заканчивалась постройка Архангельской желѣзной дороги.

— Какая странность, — говорилъ мнѣ Мамонтовъ, — вѣдь ему же извѣстно, что Шаляпинъ находится у меня въ труппѣ. Ему надо было прежде всего обратиться ко мнѣ...

Въ концѣ концовъ, Шаляпинъ уѣхалъ все же въ Петербургъ пѣть въ хорѣ. Между Филипповымъ и Мамонтовымъ вышла ссора...

**
*

Въ это время (1889 г.) я былъ привлеченъ къ со-

трудничеству княземъ Тенишевымъ, назначеннымъ комиссаромъ русскаго отдѣла на Парижской выставкѣ 1900 года. Великая княгиня Елизавета Федоровна также поручила мнѣ сдѣлать проектъ кустарнаго отдѣла и помочь ей въ устройствѣ его.

И вдругъ въ Парижѣ я узналъ, что Мамонтовъ разоренъ и арестованъ.

Вернувшись въ Москву, я съ художниками Васнецовымъ и Сѣровымъ навѣстили Мамонтова въ тюрьмѣ.

Савва Ивановичъ былъ совершенно покоенъ и твердъ и не могъ намъ объяснить, почему надъ нимъ стряслась бѣда.

Я поѣхалъ къ Витте. Онъ принялъ меня въ мрачномъ настроеніи. Сказалъ мнѣ:

— Что-жъ, у нихъ сердца мало.

У кого, «у нихъ»? подумалъ я.

И спросилъ:

— Скажите мнѣ, Сергѣй Юльевичъ, въ чемъ вина Мамонтова?

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ рѣзко. — Вы не думайте, я самъ удивляюсь, почему это случилось.

Сѣровъ, написавшій въ это время не одинъ портретъ императора Николая II, надумалъ поѣхать къ Государю.

Государь ему сказалъ:

— Да, жалко старика. Я сейчасъ же прикажу, чтобы его перевели въ его домъ. Тамъ, у себя, онъ будетъ ждать, покуда разберутъ его дѣло, и что скажетъ законъ.

Но дома у Мамонтова уже не было. Все быстро продали съ аукціона — и заводы, и дома.

Я сейчасъ же навѣстилъ Савву Ивановича въ домѣ его сына, куда его перевели подъ домашній арестъ. Савва Ивановичъ держалъ себя такъ, будто съ нимъ ничего

не случилось. Его прекрасные глаза, какъ всегда, смѣялись. И онъ только грустно сказалъ мнѣ:

— А Феденькѣ Шаляпину я написалъ, но онъ что то меня не навѣстилъ.

**
*

Частная опера продолжалась подъ управленіемъ Винтеръ — сестры артистки Любатовичъ. Я не былъ въ театрѣ подъ ея управленіемъ. Тамъ дѣлалъ постановки М. А. Врубель, съ которымъ Шаляпинъ поссорился окончательно. А потомъ, кажется, и со всѣми въ театрѣ.

ОБѢДЪ У КН. ТЕНИШЕВОЙ.

Я вернулся въ Парижъ и занимался устройствомъ русскаго отдѣла выставки. Однажды утромъ, какъ сейчасъ помню, пріѣхалъ Шаляпинъ въ гостиницу на рю Коперникъ и поселился со мной. Была весна, апрѣль. Я торопился съ работами. Перваго мая открывалась выставка. Въ русскомъ отдѣлѣ все было готово. Во время работъ по размѣщенію экспонатовъ Шаляпинъ былъ всегда со мной — на выставкѣ. Для этого даже получилъ отдѣльный пропускъ. Но скучалъ и говорилъ:

— Ну довольно, кончай, пойдемъ завтракать. Ты посмотри на мой Парижъ, — говорилъ онъ съ акцентомъ, подражая какому то антрепренеру.

Шаляпинъ былъ веселъ. Говорилъ:

— Я здѣсь буду пѣть.

Княгиня Тенишева приглашала Шаляпина къ себѣ и князь усердно угощалъ его роскошными обѣдами и розовымъ шампанскимъ, приговаривая:

— Пейте. Все вздоръ.

И оба усердно выпивали.

Но вышло недоразумѣніе. Княгиня позвала Шаляпина на большой обѣдъ въ ихъ особнякѣ на рю Бассано. Было приглашено много народу.

Въ концѣ обѣда княгиня просила Шаляпина спѣть. Шаляпинъ отказался, говоря, что у него нѣтъ съ собой

нотъ. Но оказалось, что уже былъ приглашенъ піанистъ и пріобрѣтены ноты его репертуара.

Пришлось согласиться.

Шаляпинъ пѣлъ. Приглашенные гости-иностранцы были въ восхищеніи отъ замѣчательнаго артиста. Онъ пѣлъ много и былъ въ ударѣ.

Утромъ на другой день Тенишевъ прислалъ Шаляпину въ подарокъ булавку съ брилліантомъ.

А Федоръ Ивановичъ какъ разъ въ это время сидѣлъ у меня и писалъ счетъ за исполненный концертъ. Счетъ былъ внушительный, и тутъ же былъ посланъ князю Тенишеву съ его же посланнымъ.

Въ полдень, отправляясь завтракать на выставку, мы встрѣтили у подъѣзда того же посланнаго. Онъ принесъ большой пакетъ съ деньгами отъ кн. Тенишева и попросилъ Шаляпина дать расписку въ полученіи.

Въ ресторанѣ за завтракомъ я сказалъ смѣясь:

— Что-жъ ты, Федя, получилъ и булавку, и деньги.

— А какъ же, булавка это подарокъ, а я за подарокъ не пою. Это же былъ концертъ. Я пѣлъ почти три часа. Какія же тутъ булавки!

— Ты такъ передъ отъѣздомъ и не повидалъ Савву Ивановича? — спросилъ я.

— Нѣтъ, я же не понимаю въ чемъ дѣло. Арестъ. А ты думаешь, что онъ виноватъ?

— Нѣтъ, я не думаю, что онъ виноватъ. Этого не можетъ быть, — сказалъ я убѣжденно.

— Это, должно быть, Тертій ему устроилъ праздникъ. Онъ же контролеръ. У него всѣ виноваты.

— А вотъ ты Тертію за концертъ счета не напишешь.

— Ну, нѣтъ! Я тоже ему счетикъ написалъ! Заплатилъ. Но ужъ больше меня въ хоръ пѣть не зоветъ.

И Шаляпинъ засмѣялся.

На выставкѣ мы завтракали въ ресторанѣ «Бояръ», гдѣ стѣны были изъ одного стекла. Весеннее солнце весело играло по столамъ. Недалеко, въ сторонѣ, сидѣлъ какой то господинъ и все посматривалъ на насъ.

— Это русскій, — сказалъ Шаляпинъ.

Рядомъ съ нимъ сидѣли двое иностранцевъ. Разбавляя абсентъ, они лили въ длинные бокалы, поверхъ которыхъ лежали кусочки сахара, воду. Русскій позвалъ гарсона и заказалъ ему тотъ же напитокъ, что пили иностранцы, но щелчкомъ сшибъ сахаръ съ бокала и велѣлъ налить его дополна абсентомъ. Гарсонъ вопросительно посмотрѣлъ на чудака. Русскій, вставъ, сказалъ:

— Федоръ Ивановичъ, ваше здоровье! — И однимъ духомъ выпилъ весь стаканъ абсента.

— Постой, — сказалъ Шаляпинъ. И поднявшись, подошелъ къ русскому.

— Что это вы пьете?

— Безъ воды надо это пить, они не понимаютъ.

— Ну-ка, налей.

И Шаляпинъ тоже выпилъ абсентъ безъ воды.

— А крѣпкая штука, въ первый разъ пью. Водка то наша — просто вода...

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ИМПЕРАТОРСКІЕ ТЕАТРЫ.

По открытіи Парижской выставки въ маѣ 1900 года, я получилъ письмо отъ управляющаго московскими императорскими театрами В. А. Теляковскаго, въ которомъ онъ мнѣ предлагалъ принять на себя веденіе художественной части московскихъ императорскихъ театровъ и сообщить о времени моего пріѣзда въ Москву.

Я сказалъ объ этомъ Шаляпину.

— Придется и тебѣ пѣть въ императорскомъ театрѣ.

— Врядъ ли, — отвѣтилъ мнѣ Федоръ Ивановичъ, — они меня тамъ терпѣть не могутъ. Да къ тому же считаютъ революціонеромъ.

— Какой ты революціонеръ? Гдѣ-жъ ты будешь пѣть? Мамонтовъ вѣдь разоренъ.

На этомъ разговоръ нашъ оборвался.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву, на другой же день утромъ, ко мнѣ пріѣхалъ очень скромнаго вида человѣкъ, одѣтый въ сѣрую военную тужурку. Онъ былъ немножко похожъ лицомъ на простого русскаго солдата. Въ свѣтло-сѣрыхъ глазахъ его я прочелъ вниманіе и умъ.

Онъ просто сказалъ мнѣ:

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы вошли въ составъ управленія театрами. Страдаетъ у насъ художественная сторона. Невозможно видѣть невѣжественность постановокъ. Я видѣлъ ваши работы у Мамонтова и мнѣ хотѣ-

лось бы, чтобы вы работали въ театрѣ. Жалѣю, что нельзя привлечь Мамонтова, съ нимъ такое несчастье.

— А какъ же съ оперой? — сказалъ я. — Вѣдь опера — это Шаляпинъ. Какая же русская опера безъ Шаляпина?

— Да, это правда, — согласился Теляковскій. — но это очень трудно провести. Хотя я объ этомъ всегда думалъ.

Въ тотъ же день я пріѣхалъ къ Теляковскому и мы съ нимъ проговорили до шести часовъ утра.

Черезъ два дня состоялось мое назначеніе, и я познакомилъ Теляковскаго съ талантливымъ художникомъ А. Я. Головинымъ.

Послѣ первыхъ нашихъ постановокъ — балетовъ «Донъ Кихотъ» и «Волшебное Зеркало», — всѣ газеты разразились неслыханной бранью. Артисты отказались надѣвать мои костюмы. Декораціи Головина повѣшены были машинистами вкривь и вкось.

Грингмутъ въ передовой статьѣ писалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: «декадентство и невѣжество на образцовой сценѣ».

На генеральной репетиціи «Донъ Кихота», въ Большомъ Театрѣ, на Теляковскаго, который сидѣлъ въ первомъ ряду, бросилась съ истерическими рыданіями какая то полная женщина, видимо, желая нанести ему оскорбленіе дѣйствіемъ...

Теляковскій схватилъ ее за руки и спросилъ:

— Кто это такая?

Оказалось — супруга декоратора Гельцера.

Любопытно, что еще до происшествія изъ конторы императорскихъ театровъ въ тотъ день было сообщено по телефону въ Петербургъ, что управляющему нанесено оскорбленіе за проведеніе невѣжества и декадентства.

Московскія газеты всѣхъ направленій и оттѣнковъ прямо сошли съ ума.

И странно: театръ, обычно пустовавшій въ дни балетныхъ спектаклей, на представленіяхъ балетовъ «Донъ Кихотъ» и «Волшебное Зеркало» былъ полонъ.

Шаляпинъ тѣмъ временемъ велъ ежедневно переговоры съ Теляковскимъ. И Теляковскій говорилъ мнѣ, смѣясь:

— Ну, и особенный человѣкъ вашъ Шаляпинъ. Вы знаете, какіе пункты онъ вноситъ въ контрактъ. Напримѣръ: Постоянная годовая ложа бенуара для его друга Горькаго. Потомъ еще три ложи для его друзей, которыхъ, оказывается, онъ даже и поименно не знаетъ. Потомъ плата, невиданная въ императорскихъ театрахъ — полторы и двѣ тысячи за спектакль. При томъ — онъ уже нѣсколько разъ терялъ подписанные мной съ нимъ контракты. Наконецъ, знаете, что я сдѣлалъ? Я подписалъ ему чистый бланкъ, чтобы онъ вставилъ самъ пункты, какіе ему нравятся. Все равно, кромѣ платы, ничего выполнить невозможно. Напримѣръ: у его уборной должны находиться, по его требованію, два вооруженныхъ солдата съ саблями наголо...

Я не могъ слушать эти разсказы безъ смѣха.

— Зачѣмъ же это ему нужно?

Теляковскій тоже отвѣчалъ смѣясь:

— А какъ же! Для устрашенія репортеровъ...

Черезъ нѣкоторое время Теляковскій вновь мнѣ сказалъ:

— Шаляпинъ то вашъ опять контрактъ потерялъ. Жена его положила въ шкафъ, а шкафъ перемѣнилъ мебельщикъ. Все ищетъ, пока поетъ безъ контракта. Чтобъ удовлетворить его требованія, пришлось повысить цѣны на его спектакли. Что дѣлать? Великій артистъ. Явленіе исключительное... Я лично разсказалъ Государю

о Шаляпинѣ, контрактахъ, декадентахъ. Государь смѣялся и сказалъ, что ему всѣ только и говорятъ, что о декадентахъ въ императорскомъ театрѣ.

Вскорѣ, по уходѣ Волконскаго, Теляковскій былъ назначенъ директоромъ императорскихъ театровъ въ Петербургѣ.

Императорскіе театры — опера и балетъ, дѣлали съ тѣхъ поръ полные сборы, и казенныя субсидіи театрамъ уменьшились, благодаря этому, болѣе чѣмъ вдвое.

Газеты долго еще продолжали писать о декадентствѣ. И вдругъ — тонъ измѣнился. Про меня начали писать «нашъ маститый», «превзошелъ себя». Уже привыкнувъ къ ругани, я даже испугался: ужъ не постарѣлъ ли я?..

Шаляпинъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и своей славы.

СПЕКТАКЛЬ ВЪ ЧЕСТЬ ЛУБЭ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ президентъ французской республики Лубэ.

Весной, въ китайскомъ театрѣ въ Царскомъ Селѣ, былъ назначенъ парадный спектакль. Я дѣлалъ декораціи для акта балета «Фонтаны» изъ «Конька Горбунка», оперы «Фаустъ» — «Садъ Маргариты», а также для сцены «Смерть Бориса», въ которой участвовалъ Шаляпинъ.

Подошелъ вечеръ спектакля. Шаляпинъ одѣвался и гримировался Борисомъ. Режиссеры волновались, какъ бы не опоздалъ.

— Начинайте, начинайте, — говорилъ Шаляпинъ.

Въ это время въ уборную къ нему зашелъ великій князь Владиміръ Александровичъ.

Сѣвъ противъ гримировавшагося Шаляпина, онъ спросилъ его:

— Ну какъ? Что нибудь новое учите?

— Некогда, Ваше Императорское Высочество, — отвѣтилъ Шаляпинъ. — Некогда.

— А что же?

— У меня француженка, Ваше Высочество, и какая! Что учить? Когда учить? Все равно все забудешь... Какая француженка! Вы поймете...

— А, а! — засмѣялся басомъ великій князь. — Что же, все можетъ быть. И давно это съ вами случилось?

— На дняхъ.

— Федоръ Ивановичъ, — говорилъ оробѣлый режиссеръ, — увертюра кончается, вашъ выходъ.

— Я слышу, — сказалъ Шаляпинъ, и быстро поднялся.

Я вышелъ съ нимъ на сцену. У выходной двери, сзади декорацій боярской думы, режиссеръ, державшій дверь, чтобы выпустить въ нужный моментъ Шаляпина, слѣдилъ по клавиру.

Шаляпинъ, стоя около меня, разговаривалъ съ балетной танцовщицей.

— Господи, если бы я не былъ женатъ... Вы такъ прекрасны! Но это все равно, моя дорогая...

Тутъ режиссеръ открылъ дверь, и Шаляпинъ, мгновенно пріявъ обликъ обреченнаго царя, шагнулъ въ дверь со словами:

— Чуръ, чуръ, дитя, не я твой лиходѣй...

Въ голосѣ его зазвучала трагедія.

Я удивился его опыту и этой невѣроятной увѣренности въ себѣ.

Онъ былъ поразителенъ.

Государь и президентъ, а также и весь залъ, безъ конца аплодировали ему.

На другой день Теляковскій поднесъ ему въ подарокъ отъ Государя большіе золотые часы, сплошь покрытые брилліантами.

СКАНДАЛЪ.

Послѣ спектакля Лубэ уѣхалъ. Всѣ артисты были приглашены къ ужину. Мы съ Шаляпинымъ уѣхали въ ресторанъ «Медвѣдь». Къ намъ присоединился основатель великорусскаго оркестра Андреевъ.

Въ залѣ ресторана, къ намъ подошелъ какой то человѣкъ высокаго роста, поздоровался съ Андреевымъ и обратился къ Шаляпину:

— Я никакъ не могу достать билетъ на вашъ спектакль. Вы теперь знаменитость, а я васъ помню, когда вы еще ею не были. Дайте ка мнѣ два билета.

— Я же не ношу съ собой билетовъ, — отвѣтилъ Шаляпинъ. — Обратитесь въ кассу театра.

— Не надо, — сказалъ пришедшій.

И, обратившись къ Андрееву, добавилъ:

— Загордился не въ мѣру! Забылъ, какъ въ Казани пятерку у меня выклянчилъ.

Шаляпинъ поблѣднѣлъ. Я схватилъ его за руку и сказалъ.

— Онъ же пьянъ.

Но Шаляпинъ, вскочивъ, какъ тигръ, сразу перевернулъ обидчика въ воздухѣ.

Всѣ, сидѣвшіе кругомъ, бросились на Шаляпина, повисли на немъ.. Но онъ въ одно мгновеніе всѣхъ раскидалъ и вышелъ въ раздѣвальню. — Ѣдемъ!

Онъ весь трясся...

И мы уѣхали на Стрѣлку.

— Вотъ видишь, — сказалъ Шаляпинъ, — я нигдѣ не могу бывать. Ни въ ресторанѣ, нигдѣ. Вѣчные скандалы.

Протянувъ руку, онъ налилъ себѣ вина.

— Смотри, — сказалъ я, — что это, рука у тебя въ крови?

— Да, — отвѣтилъ онъ, — что то этотъ палецъ не двигается, распухъ что то. Должно быть, я ему здорово далъ.

И спросилъ у Андреева:

— Кто онъ такой?

— Да ювелиръ одинъ, я его знаю. Онъ парень хорошій. Ты вѣдь это зря, Федя, онъ спьяну.

— Что такое — хорошій? Какіе же я могу ему дать билеты! Я же ихъ въ карманѣ не ношу. Вообще, у меня никакихъ билетовъ нѣтъ. Я оговорилъ въ контрактѣ, что буду самъ распредѣлять часть билетовъ публикѣ, но контрактъ, понимаешь, Іола потеряла. А изъ за этого чортъ знаетъ что выходитъ... Не вѣритъ вѣдь никто, что у меня билетовъ нѣтъ. Будто я дать не хочу. Придется кассу сдѣлать у меня въ домѣ.

— Ерунда, — говорю я. — Что же у твоихъ воротъ будетъ всю ночь стоять народъ въ очереди?

— Ну, такъ тогда пускай мнѣ дадутъ полицію, я буду разгонять. Я же говорю, что въ этой странѣ жить нельзя.

Шаляпинъ опять разстроился.

***

Въ это время метръ д'отель на серебряномъ подносѣ подалъ Шаляпину и намъ бокалы съ шампанскимъ.

Тамъ-же лежала карточка. Метръ д'отель показалъ на дальній столъ.

— Это оттуда вамъ приказали подать.

Шаляпинъ взялъ бокалъ и сталъ пристально смотрѣть на сидѣвшихъ за дальнимъ столомъ. Тамъ зааплодировали и весь залъ подхватилъ.

Аплодируя, кричали:

— Спойте, Шаляпинъ, спойте.

— Вотъ видишь, я правъ — жить нельзя. — Шаляпинъ вновь поблѣднѣлъ. — Уйдемъ, а то будетъ скандалъ...

Дорогой Шаляпинъ говорилъ:

— Я же ѣсть хочу. Поѣдемъ къ Лейнеру, тамъ сядемъ въ отдѣльный кабинетъ.

У Лейнера кабинета не оказалось. Пришлось пойти въ Малый Ярославецъ.

Въ Маломъ Ярославцѣ, — о, радость, — мы встрѣтили Глазунова съ віолончелистомъ Вержбиловичемъ.

Они сидѣли одни за столикомъ въ пустомъ ресторанѣ и пили коньякъ.

Глазуновъ заказалъ яблоко. Вержбиловичъ сказалъ:

— Мы блины съ нимъ ѣли. — Сидимъ — поминаемъ Петра Ильича Чайковскаго.

Онъ обратился ко мнѣ:

— Помните, — какъ мы здѣсь часто обѣдали?

И къ Шаляпину:

— Жаль, не пришлось ему послушать васъ. А то-бъ онъ написалъ для васъ. Вотъ Николай Андреевичъ*) верхнимъ чутьемъ взялъ. Учуялъ, что Шаляпинъ будетъ.

— Вѣрно, — подтвердилъ Глазуновъ. — Дѣйствительно почуялъ, что будетъ артистъ.

---

*) Римскій-Корсаковъ.

Шаляпинъ при встрѣчѣ съ большими артистами всегда мѣнялъ тонъ. Бывалъ чрезвычайно любезенъ и ласковъ.

— Коньякъ хорошъ, — сказалъ Глазуновъ. — И пріятно послѣ блиновъ. Совѣтую съ яблокомъ.

Шаляпинъ разсказывалъ за ужиномъ про трудности своей жизни и о томъ, что ему недостаточно платятъ.

Глазуновъ и Вержбиловичъ слушали молча и разсѣянно.

ВЕСНА.

Слышу, въ коридорѣ звонокъ. Отворяю — Федоръ Ивановичъ Шаляпинъ. Раздѣваясь говоритъ:

— Весна, оттепель!

Смотритъ на меня вопросительно:

— Ты въ деревню не ѣдешь? Я свободенъ эту недѣлю. Ты тамъ на тягу ходишь въ лѣсъ. Я бы тоже хотѣлъ пойти. Я какъ-то не знаю, что такое тяга.

Въ коридорѣ опять звонокъ. Отворяю — Павелъ Александровичъ Сучковъ въ пенснэ, въ котелкѣ, лицо веселое. Раздѣваясь говоритъ:

— Весна. Я ѣду къ тебѣ. Тянетъ, понимаешь ли, тянетъ. Понять надо, да, да...

— Куда тебя тянетъ? — спрашиваетъ его Федоръ Ивановичъ, закуривая папиросу.

— На природу тянетъ. Вальдшнепы тянутъ, жаворонки прилетѣли. Вы ничего не понимаете. Я сейчасъ ѣхалъ на извозчикѣ къ тебѣ. Онъ меня везетъ по тѣневой сторонѣ. Я говорю — возьми налѣво, гдѣ солнце. А онъ говоритъ: никакъ невозможно. — Держи лѣво, — говорю ему. А онъ: «чего? Мнѣ изъ за васъ городовой морду побьетъ». Довольно всего этого. Я ѣду къ тебѣ сегодня же съ ночнымъ. Тамъ заѣду къ Герасиму и сажусь на кряковую утку. На рѣкѣ, у лѣса.

— Если ты ѣдешь одинъ, — говорю я, то возьми паспортъ. А то можетъ нагрянуть урядникъ, лицо у те-

бя такое серьезное, подумаетъ: что это за человѣкъ такой сердитый живетъ, взять его подъ сомнѣніе. А ты — камергеръ...

— Постой. — Павелъ Александровичъ озабоченно полѣзъ въ боковой карманъ, поискалъ и досталъ паспортъ.

— Ну-ка, дай. — Федоръ Ивановичъ взялъ у него изъ рукъ паспортъ. — Что же это такое? При-чи-сленный... Какая гадость. — Федоръ Ивановичъ захохоталъ.

— Постой. Дай сюда, — разсердился Павелъ Александровичъ.

Онъ взялъ паспортъ у Шаляпина и мрачно спросилъ: «гдѣ это?».

— Да вотъ тутъ, — показалъ Шаляпинъ. — Ну, «состоящій» «утвержденный», а то «причисленный» — ерунда. Какой то мелкій чинуша.

— Постой, — уже совсѣмъ въ сердцахъ сказалъ Сучковъ. — Дай чернила. И сѣвъ за столъ, вычеркнулъ изъ паспорта обидное слово.

— Причисленный — непричисленный, все это вздоръ, пошлости. Но весна — и я ѣду. Сажусь на кряковую утку тамъ на рѣкѣ, у лѣса...

— Позволь, въ чемъ дѣло? То есть, какъ же ты на утку сядешь? — спросилъ Шаляпинъ.

— Довольно шутокъ. Ничего не понимаешь и не поймешь. Пой себѣ, пой, но въ охотники не лѣзь. и всѣ вы ничего не понимаете. Что вамъ весна? Понимаете, что значитъ до весны дожить. Дожить до весны — счастье. А вамъ все равно, у васъ тамъ, — онъ показалъ на грудь, — пусто. Я ѣду.

— И я, Павелъ, ѣду съ тобой, — сказалъ серьезно Шаляпинъ. — Но только въ чемъ же, все таки, дѣло. Что значитъ сѣсть на утку? Надо же ясно говорить.

— Все равно не поймешь, — сказалъ Павелъ Александровичъ. — Не охотникъ — и молчи.

— Постой, — вступился я. — Все очень просто. Берется утка и небольшой деревянный кружокъ, плоскій, на палкѣ. Къ кружку веревкой привязывается за лапу утка. Палку съ кружкомъ и уткой ставятъ на воду въ рѣкѣ, недалеко отъ берега. Утка плаваетъ на привязи около кружка и кричитъ. А селезни летятъ на зовъ утки и ихъ съ берега стрѣляютъ.

— А когда же на нее садятся? — серьезно спросилъ Федоръ Ивановичъ.

— Довольно пошлостей, — разсердился Павелъ Александровичъ. — Вздоръ. Не то. Утка домашняя не годится. На нее не сядешь. Понимаешь? У ней селезень около всегда свой, а утокъ Герасимъ приготовилъ — ручныхъ, дикихъ, помѣсь съ кряквой. Эти утки орутъ. Зовутъ селезней весной и тѣ летятъ къ нимъ изъ пространства. Понимаешь? Женихи летятъ. А ты сидишь на берегу въ кустахъ и стрѣляешь — одного, другого, десятаго.

— Вотъ какая исторія... — сказалъ Шаляпинъ. — Бабы вообще безсердечны. Убиваютъ любовника, а ей все равно. Теперь понимаю въ чемъ дѣло и тоже ѣду...

**
*

На Ярославскомъ вокзалѣ мы всѣ собрались. Публика поглядывала на могучую фигуру Федора Ивановича, одѣтаго охотникомъ, въ высокихъ новыхъ сапогахъ.

Когда сѣли въ вагонъ, всѣ были въ хорошемъ настроеніи.

Въ весенней ночи горѣли звѣзды. Къ утру пріѣхали на станцію, сѣли въ розвальни, покатили по талой дорогѣ, объѣзжая большія лужи.

Въ глубинѣ весенняго неба летѣли журавли и лѣсъ оглашался пѣніемъ птицъ.

О молодость! О весна! Россія!

Федоръ Ивановичъ потерялъ папиросы и разсердился.

Въ моемъ домѣ, въ лѣсу, у самой рѣчки, пахло сосной. Въ большой комнатѣ — мастерской — шипѣлъ самоваръ, деревенскія лепешки, ватрушки, пирожки. А въ окна видны были горящія на солнцѣ сосны, проталины и лужи у сарая. Куры кудахтали — весна, весна...

Герасимъ принесъ въ корзинѣ утокъ. Объяснялъ Федору Ивановичу, что утки эти не домашнія, а помѣсь дикой съ домашней. Эта оретъ, а на домашнюю сегодня не возьмешь...

***

Къ вечеру, на берегу разлившейся рѣки, въ кустахъ, разсѣлись охотники. А въ водѣ, недалеко отъ берега, поставили кружки, у которыхъ плавали привязанныя за лапу утки и орали во все горло.

Селезни дуромъ летѣли на утиный призывъ. Ихъ тутъ и стрѣляли.

На утро они были поданы къ завтраку. Федоръ Ивановичъ былъ очень доволенъ, хотя, къ сожалѣнію, простудился. Насморкъ. Вѣроятно, потому что одѣлся очень тепло въ ангорскія кофты.

Пріѣздъ въ деревню. — Возчикъ Батрановъ, художникъ С. А. Виноградовъ и Ф. И. Шаляпинъ.

НА ОТДЫХѢ.

Это лѣто Шаляпинъ и Сѣровъ проводили со мной въ деревнѣ близъ станціи Итларь.

Я построился въ лѣсу, по близости рѣчки Нерли. У меня былъ чудесный новый домъ изъ сосноваго лѣса.

Моими друзьями были охотники крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, — милѣйшіе люди. Мнѣ казалось, что Шаляпинъ впервые видитъ крестьянъ, — онъ не умѣлъ какъ то съ ними говорить, немножко ихъ побаивался. А если и говорилъ, то всегда какую то ерунду, которую они выслушивали съ какимъ то недовѣріемъ.

Онъ точно роль игралъ — человѣка душа-нараспашку; все на кого то жаловался, намекалъ на горькую участь крестьянъ, на ихъ тяжелый трудъ, на ихъ бѣдность. Часто вздыхалъ и подпиралъ щеку кулакомъ.

Друзья мои охотники слушали про всѣ эти тяжкія невзгоды народа, но отвѣчали какъ то невпопадъ и видимо скучали.

Почему взялъ на себя Шаляпинъ обязанность радѣтеля о народѣ — было непонятно. Да и онъ самъ чувствовалъ, что роль не удается и часто выдумывалъ вещи уже вовсе несуразныя: про какихъ то помѣщиковъ, будто бы ѣздившихъ на тройкѣ, запряженной голыми дѣвками, бившихъ ихъ кнутами, и прочее въ томъ же родѣ.

— Этого у насъ не бываетъ, — говаривалъ ему усмѣхаясь охотникъ Герасимъ Дементьевичъ.

А однажды, когда Шаляпинъ сказалъ, что народъ нарочно спаиваютъ водкой, чтобы онъ не сознавалъ своего положенія, замѣтилъ:

— Федоръ Иванычъ, и ты выпить не дуракъ. Съ Никономъ то Осипычемъ на мельницѣ, нако-сь, гуся зажарили, такъ полведра вы вдвоемъ то кончили. Тебя на сѣнѣ на телѣгѣ везли, а ты мертво спалъ. Кто васъ неволилъ?..

**
*

Былъ полдень. Шаляпинъ всталъ и медленно одѣвался. Умываться ему подавалъ у террасы дома расторопный Василій Харитоновъ Бѣловъ, маляръ, старшій мастеръ декоративной мастерской. Онъ служилъ у меня съ десятилѣтняго возраста, когда я впервые охотился въ этихъ мѣстахъ, — отецъ его упросилъ меня взять его, — «дитевъ больно много — прямо одолѣли».

Отъ меня Василій Бѣловъ ушелъ въ солдаты. Служилъ гдѣ-то въ Польшѣ и опять вернулся ко мнѣ. Человѣкъ онъ былъ серьезный и положительный. Лицо имѣлъ круглое, сплошь покрытое веснушками, глаза, какъ оловянныя пуговицы, роста небольшого, выправка — солдатская. Говорилъ отчетливо: «Такъ точно, никакъ нѣтъ». Федоръ Ивановичъ его очень любилъ. Любилъ съ нимъ поговорить.

Разговоры были особенные и очень потѣшали Шаляпина. Онъ говорилъ, что Василій замѣчательный человѣкъ и хохоталъ отъ души. А Василій хмурился и говорилъ потомъ на кухнѣ, что у Шаляпина только смѣхунъ въ головѣ, сурьеза никакого, — хи-хи да ха-ха, а жалованье получаетъ здоровое...

Василій имѣлъ особое свойство — все путать. На этотъ разъ, подавая умываться Шаляпину изъ ковша, разсказалъ, что студенты, — народъ самый, что ни есть, отчаянный, — въ Москвѣ, на Садовой, въ домѣ Соловейчика, гдѣ находится декоративная мастерская, женщину третьева дня зарѣзали и въ каретѣ скорой медицинской помощи ее отправили въ больницу. Онъ самъ видѣлъ. — До чего кричала! Вотъ какой народъ эти студенты — хуже нѣтъ.

— Что же, — спросилъ Шаляпинъ, — красива, что ли, она была или богата?

— Чего красива! — съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Василій. — Толстая, лѣтъ подъ шестьдесятъ. Сапожникова жена, бѣдные, въ подвалѣ жили.

— Ты что-то врешь, Василій, — сказалъ Шаляпинъ.

— Вотъ, у васъ съ Кинстинтинъ Ликсеичемъ Василій все вретъ. Вѣры нѣту.

— Такъ зачѣмъ же студентамъ рѣзать какую то толстую старую бабу, жену бѣднаго сапожника, ты подумай?

— Такъ вѣдь, студенты!.. народъ такой!..

**
*

Шаляпинъ, умывшись, пришелъ въ мою большую мастерскую. Тамъ ужъ кипѣлъ самоваръ. Подали оладьи горячіе, пирожки съ вязигой, сдобныя лепешки, выборгскіе крендели.

Василій вошелъ и подалъ Шаляпину «Московскій Листокъ», который онъ привезъ съ собой, и сказалъ:

— Вотъ, сами прочтите, а то все говорите: «Василій вретъ».

И ушелъ.

Шаляпинъ прочелъ:

«Студенты Московскаго Университета, въ количествѣ

семи человѣкъ, исключаются за невзносъ платы». Далѣе слѣдовало: «Въ Тверскомъ участкѣ по Садовой улицѣ, въ домѣ Соловейчика, мѣщанка Пелагея Митрохина, 62 лѣтъ, въ припадкѣ остраго алкоголизма, поранила себя сапожнымъ ножемъ горло и въ каретѣ скорой медицинской помощи была доставлена въ больницу, гдѣ скончалась не приходя въ сознаніе».

— Ловко Василій читаетъ, — смѣялся Шаляпинъ. — Замѣчательный человѣкъ.

**
*

Однажды они съ Сѣровымъ выдумали забаву:

При входѣ ко мнѣ въ мастерскую былъ у двери вбитъ сбоку гвоздь. Василій всегда браво входилъ на зовъ, вѣшалъ на гвоздь картузъ, вытягивался и слушалъ приказанія.

И вотъ, однажды, Сѣровъ вынулъ гвоздь и вмѣсто него написалъ гвоздь краской на пустомъ мѣстѣ, и тѣнь отъ него.

— Василій! — крикнулъ Шаляпинъ.

Василій, войдя, по привычкѣ, хотѣлъ повѣсить картузъ на гвоздь. Картузъ упалъ. Онъ быстро поднялъ картузъ и вновь его повѣсилъ. Картузъ опять упалъ.

Шаляпинъ захохоталъ.

Василій посмотрѣлъ на Шаляпина, на гвоздь, сообразилъ въ чемъ дѣло, молча повернулся и ушелъ.

Придя на кухню, говорилъ, обидѣвшись:

— Въ головѣ у ихъ мало. Одно вредное. Съ утра все хи-хи, да ха-ха. А жалованье всѣ получаютъ во какое!

**
*

— Василій, ну-ка скажи, — помню, спросилъ у него

въ другой разъ Шаляпинъ, — видалъ ты русалку водяную или лѣсового черта?

— Лѣсового ее не видалъ, и русалку не видалъ, а есть. У насъ прапорщикъ въ полку былъ — Усачевъ... Красивъ до чего, ловокъ. Ну, и за полячками бѣгалъ. Онѣ, конечно, съ нимъ то-се. Пошелъ на прудъ купаться. Ну, и шабашъ — утопили.

— Такъ можетъ онъ самъ утонулъ?

— Ну, нѣтъ. Почто ему топиться то? Онѣ утопили. Всѣ говорили. А лѣсовиковъ много по ночи. Здѣсь мѣсто такое, что лѣсовые заводятъ. Вотъ Феоктистъ надысь разсказывалъ, что съ нимъ было. Здѣсь вотъ, у кургана, ночью шелъ, такъ огонь за нимъ бѣжалъ. Онъ отъ него, а ему кто-то по мордѣ какъ дастъ! Такъ онъ, сердешный, до чего бѣжалъ — задохся весь. Видитъ, идетъ пастушенокъ, да какъ его кнутовищемъ вытянетъ! А время было позднее, насилу дома то отдышался.

— Ну и врешь, — сказалъ Шаляпинъ, — Феоктисту по мордѣ дали въ трактирѣ на станціи. Пріятеля встрѣтилъ, пили вмѣстѣ. А какъ платить — Феоктистъ отказался: «Ты меня звалъ». Вотъ и получилъ.

— Ну вотъ, — огорчился Василій. — А мнѣ говоритъ: «Это меня лѣсовикъ поподчевалъ ночью здѣсь, къ Кинстинтину Лисѣичу шелъ».

И такіе разговоры были у Шаляпина съ Василіемъ постоянно.

***

Къ вечеру ко мнѣ пріѣхали гости. Гофмейстеръ Н., архитекторъ Мазыринъ — мой школьный товарищъ, человѣкъ дѣвическаго облика, по прозвищу Анчутка.

Мазыринъ, по моему порученію, привезъ мнѣ лѣ-

карства для деревни. Между прочимъ, цѣлую бутыль касторового масла.

— Это зачѣмъ же столько касторового масла? — спросилъ Шаляпинъ.

Я сказалъ:

— Я его люблю принимать съ чернымъ хлѣбомъ.

— Ну, это врешь. Это невозможно любить.

Я молча взялъ стаканъ, налилъ касторовaго масла, обмакнулъ хлѣбъ и съѣлъ.

Шаляпинъ въ удивленіи смотрѣлъ на меня и сказалъ Сѣрову:

— Антонъ! Ты посмотри, что Константинъ дѣлаетъ. Я же запаха слышать не могу.

— Очень вкусно, — сказалъ я. — У тебя просто нѣтъ силы воли преодолѣть внушеніе.

— Это вѣрно, — встрялъ въ разговоръ Анчутка, — характера нѣтъ.

— Не угодно ли, характера нѣтъ! А ты самъ попробуй...

Мазыринъ сказалъ:

— Налей мнѣ.

Я налилъ въ стаканъ. Онъ выпилъ съ улыбкой и вытеръ губы платкомъ.

— Въ чемъ же дѣло? — удивился Шаляпинъ. — Налей и мнѣ.

Я налилъ ему полстакана. Шаляпинъ, закрывъ глаза, выпилъ залпомъ.

— Пріятное препровожденіе времени у васъ тутъ! — сказалъ гофмейстеръ.

Шаляпинъ поблѣднѣлъ и бросился вонъ изъ комнаты...

— Что дѣлается, — засмѣялся Сѣровъ и вышелъ вслѣдъ за Шаляпинымъ.

**
*

Шаляпинъ лежалъ у сосны, а Василій Бѣловъ поилъ его водой.

Отлежавшись, Шаляпинъ пососалъ лимонъ и обвязалъ голову мокрымъ полотенцемъ.

Мрачнѣе ночи вернулся онъ къ намъ.

— Благодарю. Угостили. А вотъ Анчутка — ничего. Странное дѣло...

Онъ взглянулъ на бутыль и крикнулъ:

— Убери скорѣй, я же видѣть ее не могу...

И снова опрометью кинулся вонъ.

ПРІѢЗДЪ ГОРЬКАГО.

Утромъ рано, чѣмъ свѣтъ, когда мы всѣ спали, отворилась дверь и въ комнату вошелъ Горькій.

Въ рукахъ у него была длинная палка. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлое непромокаемое пальто. На головѣ — большая сѣрая шляпа. Черная блуза, подпоясанная простымъ ремнемъ. Большіе начищенные сапоги на высокихъ каблукахъ.

— Спать изволятъ? — спросилъ Горькій.

— Раздѣвайтесь, Алексѣй Максимовичъ, — отвѣтилъ я. — Сейчасъ я распоряжусь — чай будемъ пить.

Федоръ Ивановичъ спалъ, какъ убитый, послѣ всѣхъ тревогъ. Съ нимъ спала моя собака Фебъ, которая его очень любила.

Гофмейстеръ и Сѣровъ спали наверху въ свѣтелкѣ.

— Здѣсь у васъ, должно быть, грибовъ много, — говорилъ Горькій за чаемъ. — Люблю собирать грибы. Мнѣ Федоръ говорилъ, что вы страстный охотникъ. Я бы не могъ убивать птицъ. Люблю я пѣвчихъ птицъ.

— Вы куръ не ѣдите? — спросилъ я.

— Какъ сказать... Ѣмъ, конечно... Яйца люблю есть. Но курицу вѣдь рѣжутъ... Непріятно... Я, къ счастью, этого не видалъ, и смотрѣть не могу.

— А телятину ѣдите?

— Да какъ же, ѣмъ. Окрошку люблю. Конечно, это все несправедливо.

— Ну, а ветчину?

— Свинья все таки животное эгоистическое. Ну, конечно, тоже бы не слѣдовало.

— Свинья по четыре раза въ годъ плодится, — сказалъ Мазыринъ. — Если ихъ не ѣсть, то онѣ такъ расплодятся, что сожрутъ всѣхъ людей.

— Да, въ природѣ нѣтъ высшей справедливости, — сказалъ Горькій. — Мнѣ въ сущности, жалко птицъ и коровъ тоже. Молоко у нихъ отнимаютъ, дѣтей ѣдятъ. А корова, вѣдь, сама мать. Человѣкъ — скотина порядочная. Если бы меньше было людей, было бы гораздо лучше жить.

— Не хотите-ли, Алексѣй Максимовичъ, поспать съ дороги? — предложилъ я.

— Да пожалуй, — сказалъ Горькій. — У васъ вѣдь сарай есть. Я бы хотѣлъ на сѣнѣ поспать, давно на сѣнѣ не спалъ.

— У меня свѣжее сѣно. Только тамъ, въ сараѣ, барсукъ ручной живетъ. Вы не испугаетесь? Онъ не кусается.

— Не кусается — это хорошо. Можетъ быть, онъ только васъ не кусаетъ?

— Постойте, я пойду, его выгоню.

— Ну пойдемте, я посмотрю, что за звѣрюга.

Я выгналъ изъ сарая барсука. Онъ выскочилъ на свѣтъ, сѣлъ на травку и сталъ гладить себя лапами.

— Все время себя охорашиваетъ, — сказалъ я, — чистый звѣрь.

— А морда то у него свиная.

Барсукъ какъ то захрюкалъ и опять проскочилъ въ сарай.

Горькій проводилъ его взглядомъ и сказалъ:

— Стоитъ ли ложиться?

Видно было, что онъ боялся барсука, и я устроилъ

ему постель въ комнатѣ моего сына, который остался въ Москвѣ.

**
*

Къ обѣду я заказалъ изжарить куръ и гуся; уху изъ рыбы, пойманной нами, раковъ, которыхъ любилъ Шаляпинъ; жареные грибы, пирогъ съ капустой, слоеные пирожки, ягоды со сливками.

За ѣдой гофмейстеръ разсказалъ о томъ, какъ ѣздилъ на открытіе мощей преподобнаго Серафима Саровскаго, гдѣ былъ и Государь, говорилъ, что самъ видѣлъ исцѣленія больныхъ: человѣкъ, который не ходилъ шестнадцать лѣтъ — всталъ и пошелъ.

— Исцѣленіе! — засмѣялся Горькій. — Это бываетъ и въ клиникахъ. Вотъ во время пожара параличные сразу выздоравливаютъ и начинаютъ ходить. Причемъ здѣсь всѣ эти угодники?

— Вы не вѣрите, что есть угодники? — спросилъ гофмейстеръ.

— Нѣтъ, я не вѣрю ни въ какихъ святыхъ.

— А какъ же, — сказалъ гофмейстеръ, — Россія то создана честными людьми вѣры и праведной жизни.

— Ну, нѣтъ. Тунеядцы ничего не могутъ создать. Россія создавалась трудомъ народа.

— Пугачевыми, — сказалъ Сѣровъ.

— Ну, неизвѣстно, что было бы, если бы Пугачевъ побѣдилъ.

— Врядъ ли, все же Алексѣй Максимовичъ, отъ Пугачева можно было ожидать свободы, — сказалъ гофмейстеръ. — А сейчасъ вы находите — народъ не свободенъ?

— Да, какъ сказать... въ деревняхъ посвободнѣе, а въ городахъ скверно. Вообще, города не такъ построе-

ны. Если бы я строилъ, то прежде всего построилъ бы огромный театръ для народа, гдѣ бы пѣлъ Федоръ. Театръ на двадцать пять тысячъ человѣкъ. Вѣдь церквей же настроено на десятки тысячъ народу.

— Какъ же строить театръ, когда дома еще не построены? — спросилъ Мазыринъ.

— Вы бы, конечно, сначала построили храмъ? — сказалъ Горькій гофмейстеру.

— Да, пожалуй.

— Позвольте, господа, — сказалъ Мазыринъ. — Никогда не надо начинать съ театра, храма, домовъ, а первое, что надо строить — это остроги.

Горькій, поблѣднѣвъ, вскочилъ изъ за стола и закричалъ:

— Что онъ говоритъ? Ты слышишь, Федоръ? Кто это такой?

— Я — кто такой? Я — архитекторъ, — сказалъ спокойно Мазыринъ. — Я знаю, я строю, и каждый подрядчикъ, каждый рабочій хочетъ васъ надуть, поставить вамъ плохіе матеріалы, кирпичъ ставитъ на пескѣ, цементъ уворовать, бетонъ, желѣзо. Не будь острога, они бы вамъ показали. Вотъ я и говорю — городъ съ острога надо начинать строить.

Горькій нахмурился:

— Не умно.

— Я то дѣло говорю, я то строилъ, а вы сочиняете... и говорите глупости, — неожиданно выпалилъ Мазыринъ.

Всѣ сразу замолчали.

— Постойте, что вы, въ чемъ дѣло, — вдругъ спохватился Шаляпинъ. — Алексѣй Максимычъ, ты на него не обижайся, это Анчутка сдуру...

Мазыринъ всталъ изъ за стола и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ въ большое окно моей ма-

стерской я увидѣлъ, какъ онъ пошелъ по дорогѣ съ чемоданчикомъ въ рукѣ.

Я вышелъ на крыльцо и спросилъ Василія:

— Куда пошелъ Мазыринъ?

— На станцію, — отвѣтилъ Василій. — Они въ Москву поѣхали.

Отъ всего этого разговора осталось непріятное впечатлѣніе. Горькій все время молчалъ.

**
*

Послѣ завтрака, Шаляпинъ и Горькій взяли корзинки и пошли въ лѣсъ за грибами.

— А каковъ Мазыринъ-то! — сказалъ, смѣясь, Сѣровъ. — Анчутка-то!.. А похожъ на дѣвицу...

— Горькій — романтикъ, — сказалъ гофмейстеръ. — Странно, почему онъ все сердится. Талантливый писатель, а тонъ у него точно у обиженной прислуги. Все не такъ, всѣ во всемъ виноваты, конечно, кромѣ него...

Вернувшись, Шаляпинъ и Горькій за обѣдомъ ни къ кому не обращались и разговаривали только между собой. Прочіе молчали. Анчутка еще висѣлъ въ воздухѣ.

Къ вечеру Горькій уѣхалъ.

НА РЫБНОЙ ЛОВЛѢ.

Былъ дождливый день. Мы сидѣли дома.

— Вотъ дождикъ перестанетъ, — сказалъ я, — пойдемъ ловить рвбу на удочку. Послѣ дождя, рыба хорошо беретъ.

Шаляпинъ, скучая, пѣлъ:

Вдоль да по рѣчкѣ,
Рѣчкѣ по Казанкѣ,
Сѣрый селезень плыветъ...

Одно и то же, безконечно.

А Сѣровъ сидѣлъ и писалъ изъ окна этюдъ — сарай, пни, колодезь, корову.

Скучно въ деревнѣ въ ненастную пору.

— Федя, брось ты этого селезня тянуть. Надоѣло.

— Ты слышишь, Антонъ, — сказалъ Шаляпинъ Сѣрову (имя Сѣрова — Валентинъ. Мы звали его Валентошей, Антошей, Антономъ), — Константину не нравится, что я пою. Плохо пою. А кто же, позвольте васъ спросить, поетъ лучше меня, Константинъ Алексѣевичъ?

— А вотъ есть. Цыганка одна поетъ лучше тебя.

— Слышишь, Антонъ, Коська то вѣдь съ ума сошелъ. Какая цыганка?

— Варя Панина. Поетъ замѣчательно. И голосъ дивный.

— Ты слышишь, Антонъ, Коську пора въ больницу отправить. Это какая же, позвольте васъ спросить, Константинъ Алексѣевичъ, Варя Панина?

— Въ Стрѣльнѣ поетъ. За пятерку пѣсню поетъ. И поетъ какъ надо... Ну, погода разгулялась, пойдемъ-ка лучше ловить рыбу...

Я захватилъ удочки, сажалку и лесы. Мы пошли мокрымъ лѣсомъ, спускаясь подъ горку, и вышли на лугъ.

Надъ сосѣднимъ бугромъ, надъ крышами мокрыхъ сараевъ, въ небесахъ, полукругомъ свѣтилась радуга. Было тихо, тепло и пахло дождемъ, сѣномъ и рѣкой.

На берегу мы сѣли въ лодку и, опираясь деревяннымъ коломъ, поплыли внизъ по теченію. Показался желтый песчаный обрывъ по ту сторону рѣки. Я остановился у берега, воткнулъ колъ, привязалъ веревку, и, распустивъ ее, переплылъ на другую сторону берега.

На той сторонѣ я тоже вбилъ колъ въ землю и привязалъ къ нему туго второй конецъ веревки. А потомъ, держа веревку руками, переправился назадъ, гдѣ стоялъ Шаляпинъ.

— Садись, здѣсь хорошее мѣсто.

Съ Шаляпинымъ вмѣстѣ я , вновь перебирая веревку, доплылъ до середины рѣки и закрѣпилъ лодку.

Вотъ здѣсь будемъ ловить.

Отмѣривъ грузомъ глубину рѣки, я на удочкахъ установилъ поплавокъ, чтобы наживка едва касалась дна, и набросалъ съ лодки прикормки — пареной ржи.

— Вотъ смотри: на этотъ маленькій крючокъ надо надѣть три зернышка и опускай въ воду. Видишь маленькій грузъ на лескѣ. Смотри, какъ идетъ поплавокъ по теченію. Онъ чуть-чуть виденъ. Я нарочно такъ сдѣлалъ. Какъ только его окунетъ — ты тихонько подсѣкай концомъ удилища. И поймаешь.

— Нѣтъ, братъ, этакъ я никогда не ловилъ. Я просто

сажаю червяка и сижу, покуда рыба клюнетъ. Тогда и тащу.

Мой поплавокъ медленно шелъ по теченію рѣки, и вдругъ пропалъ. Я дернулъ кончикъ удочки, — рыба медленно шла, подергивая конецъ. У лодки я ее подхватилъ подсачкомъ.

— Что поймалъ? — спросилъ Шаляпинъ. — Какая здоровая.

— Язь.

Шаляпинъ тоже внимательно слѣдилъ за поплавкомъ и вдругъ изо всѣхъ силъ дернулъ удочку. Леска оборвалась.

— Что-жъ ты такъ, наотмашь? Обрадовался сдуру. Леска то тонкая, а рыба большая попала.

— Да что ты мнѣ разсказываешь, леска у тебя ни къ черту не годится!

Покуда я передѣлывалъ Шаляпину снасть, онъ запѣлъ:

«Вдоль да по рѣчкѣ»...

— На рыбной ловлѣ не поютъ, — сказалъ я.

Шаляпинъ, закидывая удочку, еще громче сталъ пѣть:

«Сѣрый селезень плыветъ...

Я, какъ былъ одѣтый, всталъ въ лодкѣ и бросился въ воду. Доплылъ до берега и крикнулъ:

— Лови одинъ.

И ушелъ домой.

**
*

Къ вечеру пришелъ Шаляпинъ. Онъ наловилъ много крупной рыбы. Весело говорилъ:

— Ты, братъ, не думай, я живо выучился. Я, братъ, теперь и пѣть брошу, буду только рыбу ловить. Антонъ,

вѣдь это чортъ знаетъ какое удовольствіе! Ты то не ловишь!

— Нѣтъ. Я люблю смотрѣть, а самъ не люблю ловить.

Шаляпинъ велѣлъ разбудить себя рано утромъ на рыбную люволю. Но когда его будилъ Василій Бѣловъ, раздался крикъ:

— Чего же, сами приказали, а теперь швыряетесь.

— Постой, Василій, — сказалъ я, — давай ведро съ водой. Залѣзай на чердакъ, поливай сюда, черезъ потолокъ пройдетъ.

— Что же вы. сукины дѣти, дѣлаете со мной! — оралъ неистово Шаляпинъ.

Мы продолжали поливать. Шаляпинъ озлился и выбѣжалъ въ рубашкѣ — достать насъ съ чердака. Но на крутой лѣсенкѣ его встрѣтили ведромъ холодной воды. Онъ сдался и хохоталъ...

— Ну, что здѣсь за рыба, — говорилъ Герасимъ Дементьевичъ. — Надо ѣхать на Новенькую мельницу. Тамъ рыба крупная. Къ Никону Осиповичу.

На Новенькую мельницу мы взяли съ собой походную палатку, закуски, краски и холсты. Все это — на отдѣльной телѣгѣ. А сами ѣхали на долгушѣ, и съ нами пріятель мой, рыболовъ и слуга Василій Княжевъ, человѣкъ замѣчательный.

Ѣхали проселкомъ, то полями ржаными, то частымъ ельникомъ, то строевымъ, сосновымъ лѣсомъ. Заѣзжали въ Буково къ охотнику и другу моему, крестьянину Герасиму Дементьевичу, который угощалъ насъ рыжиками въ сметанѣ, наливалъ водочки.

Проѣзжали мимо погоста, заросшаго березами, гдѣ на деревянной церкви синѣли купола и гдѣ Шаляпинъ въ овощной лавкѣ накупилъ баранокъ, маковыхъ лепешекъ, мятныхъ пряниковъ, орѣховъ. Набилъ орѣхами

карманы поддевки и всю дорогу съ Сѣровымъ ихъ грызъ.

Новенькая мельница стояла у большого лѣса. По песчаному огромному бугру мы спустились къ ней. Весело шумѣли, блистая брызгами воды, колеса.

Мельникъ Никонъ Осиповичъ, большой, крѣпкій, кудрявый старикъ, весь осыпанный мукой, радостно встрѣтилъ насъ.

На бережку, у свѣтлой воды и зеленой ольхи, поставили палатку, приволокли изъ избы мельника большой столъ. На столѣ поставили большой самоваръ, чашки. Развернули закуску, вино, водку. А вечеромъ разожгли костеръ, и въ котелкѣ кипѣла уха изъ налимовъ.

Никонъ Осиповичъ былъ ранѣе старшиной въ селѣ Заозерьѣ и смолоду пѣвалъ на клиросѣ. Онъ полюбилъ Федора Ивановича. Говорилъ:

— Эхъ, парень казовый! Ловокъ.

А Шаляпинъ все у него разспрашивалъ про старинныя пѣсни. Никонъ Осиповичъ ему напѣвалъ:

Дѣдушка, дѣвицы
Разъ мнѣ говорили,
Нѣтъ ли небылицы
Иль старинной были.

Разныя пѣсни вспоминалъ Никонъ Осиповичъ.

Ѣдутъ съ товарами
Въ путь изъ Косимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы...

И «Лучину» выучилъ пѣть Шаляпина Никонъ Осиповичъ.

Мы сидѣли съ Сѣровымъ и писали вечеръ и мельницу красками на холстѣ. А Никонъ Осиповичъ съ Шаля-

пинымъ сидѣли за столомъ у палатки, пили водку и пѣли «Лучинушку».

Кругомъ стояли помольцы...

Никонъ Осиповичъ пѣлъ съ Шаляпинымъ «Лучину» и оба плакали. Кстати, плакали и помольцы.

— Вотъ бы царь то послухалъ, — сказалъ Никонъ Осиповичъ, — «Лучина» то за душу беретъ. Тоже, можетъ, поплакалъ бы. Узналъ бы жисть крестьянскую.

— Я смотрю — здорово они выпили: четверть то водки пустая стоитъ.

Никонъ Осиповичъ сказалъ мнѣ потомъ:

— А здоровъ пѣть то Шаляпинъ. Эхъ, и парень золотой. Да чего — онъ при дѣлѣ, что-ль, какомъ?

— Нѣтъ пѣвчій, — отвѣтилъ я.

— Вона что, да... То то онъ втору то ловко держитъ. Онъ, поди, при приходѣ какомъ въ Москвѣ.

— Нѣтъ, въ театрѣ поетъ.

— Ишь ты, въ театрѣ. Жалованье, поди получаетъ?

— Еще бы. Споетъ пѣсню — сто цѣлковыхъ.

— Да полно врать то. Этакія деньги за пѣсни.

Шаляпинъ просилъ меня не говорить, что онъ солистъ Его Величества, а то изъ деревень сбѣгутся смотрѣть на него, жить не дадутъ...

Пріѣздъ на мельницу. — Шаляпинъ и помольцы.

ФАБРИКАНТЪ.

Въ это лѣто Шаляпинъ долго гостилъ у меня. Онъ затѣялъ строить домъ по близости и купилъ у крестьянина Глушкова восемьдесятъ десятинъ лѣсу.

Проектъ дачи онъ попросилъ сдѣлать меня. Архитекторомъ пригласилъ Мазырина.

Осматривая свои владѣнія, онъ увидѣлъ по берегамъ рѣчки Нерли забавныя постройки, въ родѣ большихъ сараевъ, гдѣ къ осени ходила по кругамъ лошадь и большимъ колесомъ разминала картофель, — маленькія фабрики крестьянъ. Процѣживая размятый картофель, они дѣлали муку, которая шла на крахмалъ. А назывался этотъ продуктъ что-то въ родѣ «лекомъ дикстринъ». Я, въ сущности, и сейчасъ не знаю, что это такое.

Шаляпинъ познакомился съ крестьянами-фабрикантами. Одинъ изъ нихъ, Василій Макаровъ, былъ столь же высокаго роста, какъ и Шаляпинъ, — мы прозвали его Русланъ. А другой, Глушковъ — маленькаго роста, сердитый и вдумчивый.

Къ моему ремеслу художника они относились съ явнымъ неодобреніемъ. И однажды Василій Макаровъ спросилъ меня:

— И чего это вы дѣлаете — понять невозможно. Вотъ Левантинъ Ликсандровичъ Сѣровъ лошадь опоенную, которую живодеру продали, въ телѣгу велѣлъ запречь и у лѣса ее кажинный день списываетъ. И вотъ

старается. Чего это? Я ему говорю: «Левантинъ Лисандрычъ, скажи пожалуйста, чего ты эту клячу безногую списываешь. Ты бы посмотрѣлъ жеребца то Глушковскаго, вороного, двухлѣтній. Вотъ жеребецъ — чисто звѣрь, красота конь! Его бы списывалъ. А ты что? Кому такая картина нужна? Глядѣть зазорно. Гдѣ такого дурака найдешь, чтобы такую картину купилъ». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, эта лошадь, опоенная мнѣ больше вашего жеребца вороного нравится». Вотъ ты и возьми. Чего у его въ головѣ — понять нельзя. Вотъ, Шаляпинъ, мы ему разсказываемъ, а онъ тоже смѣется, говоритъ: «Они безъ понятіевъ». А онъ, видно, парень башковатый. Все у насъ выпытываетъ — почемъ крахмалъ, лекомъ дикстринъ... Намекаетъ, какъ бы ему фабрику здѣсь поставить. Значитъ, у него капиталъ есть, ежели его на фабриканта заворачиваетъ. Видать, что не зря лясы точитъ. Тоже, знать, пустяки бросать хочетъ. Ну, чего тутъ пѣсенникомъ въ кіатрѣ горло драть? Знать, надоѣло. Тоже говоримъ ему: «Ежели на положеніе фабриканта встанете, то пѣть тебѣ бросать надо, а то всурьезъ никто тебя не возьметъ. Настоящіе люди дѣла съ тобой дѣлать не станутъ»... ничочемъ...

Вскорѣ мы съ Сѣровымъ замѣтили, что Шаляпинъ все чаще съ Глушковымъ и Василіемъ Макаровымъ бесѣдуетъ. И все — по секрету отъ насъ. Вечерами у нихъ время проводитъ.

Я спросилъ его однажды:

— Что, Федя, ты кажется здѣсь фабрику строить хочешь?

Шаляпинъ дѣловито посмотрѣлъ на меня.

— Видишь ли, Константинъ. У меня есть деньги и я думаю: почему, скажи пожалуйста, вотъ хотя бы Морозовъ или Бахрушинъ — они деньги не держатъ въ банкѣ изъ четырехъ процентовъ, а строютъ фабрики? Они

не поютъ, а наживаютъ милліоны.. А я все пой и пой. Почему же я не могу быть фабрикантомъ? Что же, я глупѣе ихъ? Вотъ и я хочу построить фабрику.

— Съ трубой? — спросилъ я.

— Что это значитъ — «съ трубой»? Вѣроятно, съ трубой.

— Такъ ты здѣсь воздухъ испортишь. Дымъ изъ трубы пойдетъ. Я терпѣть не могу фабрикъ. Я тебѣ ее сожгу, если построишь.

— Вотъ, нельзя говорить съ тобой серьезно. Все у тебя ерунда въ головѣ.

***

Сидимъ мы съ Сѣровымъ недалеко отъ дома и пишемъ съ натуры красками. Въ калитку идетъ Шаляпинъ, Василій Макаровъ и около въ припрыжку еле поспѣваетъ маленькаго роста Глушковъ. Идутъ, одѣтые въ поддевки, и серьезно о чемъ-то совѣщаются...

Когда Шаляпинъ поровнялся съ нами, мы оба почтительно встали и, снявъ шапки, поклонились, какъ бы хозяину.

Шаляпинъ презрительно обронилъ въ нашу сторону:

— Просмѣетесь.

И сердито посмотрѣлъ на насъ...

***

Шаляпинъ сердился, когда мы при немъ заговаривали о фабрикѣ.

— Глупо! Лекомъ дикстринъ даетъ сорокъ процентовъ на капиталъ. Понимаете?

— А что вамъ скажетъ Горькій, когда вы фабрику

построите и начнете рабочихъ эсплоатировать? — спросилъ однажды Сѣровъ.

— Позвольте, я не капиталистъ, у меня деньги трудовыя. Я пою. Это мои деньги.

— Они не посмотрятъ, — сказалъ я. — Придешь на фабрику, а тамъ бунтъ. Что тогда?

— Я же сначала сдѣлаю небольшую фабрику. Почему же бунтъ? Я же буду платить. И потомъ я самъ управлять не буду. Возьму Василія Макарова. Крахмалъ вѣдь необходимъ. Рубашки же всѣ крахмалятъ въ городахъ. Вѣдь это сколько же нужно крахмалу!.. Въ сущности, что я вамъ объясняю. Вѣдь вы же въ этомъ ничего не понимаете.

— Это вѣрно, — сказалъ Сѣровъ.

И почти все время, пока Шаляпинъ гостилъ у меня, у него въ головѣ сидѣлъ «лекомъ дикстринъ».

***

Кончилась эта затѣя вдругъ.

Однажды, въ прекрасный іюльскій день, на широкомъ озерѣ Вашутина, когда мы ловили на удочки большихъ щукъ и у костра ѣла уху изъ котелка, Василій Княжевъ сказалъ:

— Эхъ, Ѳедоръ Ивановичъ, когда вы фабрику то построите, веселье это самое у васъ пройдетъ. Вотъ какъ васъ обдѣлаютъ, за милую душу. До нитки раздѣнутъ. Плутни много.

И странно, этотъ простой совѣтъ рыболова и бродяги такъ подѣйствовалъ на Шаляпина, что съ тѣхъ поръ онъ больше не говорилъ о фабрикѣ и забылъ о «лекомъ дикстринѣ».

НА ОХОТѢ.

Къ вечеру мы прошли къ краю озера, гдѣ были болота, — Герасимъ сказалъ, что здѣсь будетъ перелетъ утокъ.

Мѣсто поросло кустами ивняка, осокой. Небольшіе плесы.

Герасимъ шепнулъ мнѣ:

— Шаляпина надо подалѣ поставить. Горячъ больно, не подстрѣлилъ бы. Не приведи Богъ. Я съ нимъ нипочемъ на охоту не пойду. Очинно опасно.

Вечерѣло. Потухла дальняя заря. Вдали съ озера показалась стая утокъ. Летѣли высоко, въ сторонѣ отъ насъ.

Вдругъ раздались выстрѣлы: одинъ, другой...

— Ишь что дѣлаетъ, — сказалъ стоявшій рядомъ со мной Герасимъ. — Гдѣ же они отъ него летятъ! Болѣ двухсотъ шаговъ, а онъ лупитъ! Горячъ.

Утки стаями летѣли отъ озера черезъ болото надъ нами, но всѣ — внѣ выстрѣловъ.

А Шаляпинъ безпрерывно стрѣлялъ, — по всему болоту разстилался синій дымъ.

**
*

Въ быстромъ полетѣ показались чирки.

— Береги! — крикнулъ вдругъ Герасимъ.

Я выстрѣлилъ вдогонку чиркамъ. Выстрѣлилъ и Герасимъ. Видно было, какъ чирокъ упалъ.

Низко надъ нами пролетѣли кряковыя утки. Герасимъ выстрѣлилъ дублетомъ, и утка упала. Былъ самый перелетъ.

Пальба шла, какъ на войнѣ...

Когда стемнѣло, то Герасимъ, вставивъ въ ротъ пальцы, громко свистнулъ.

Мы собрались.

— Ну, ружьецо ваше, — сказалъ мнѣ Шаляпинъ, — ни къ черту не годится.

— Т. е. какъ же это? Это ружье Берде. Лучше нѣтъ.

— Имъ же стрѣлять надо только въ упоръ. Погодите, вотъ когда я здѣсь построюсь, вы увидите, какое у меня ружьецо будетъ!

— Дайте-ка я понесу Федору Иванычу ружье, — лукаво сказалъ Герасимъ. И взявъ ружье у Шаляпина, его разрядилъ, — «Горячъ очень!»

Убитыхъ кряковыхъ утокъ и чирка мы на берегу озера распотрошили, посыпали внутрь соли, перцу и зарыли неглубоко въ песокъ.

Василій Княжовъ и Герасимъ нарубили сушняка по сосѣдству въ мелколѣсьи и развели на этомъ мѣстѣ большой костеръ.

Была тихая свѣтлая ночь. Дымъ и искры отъ костра неслись ввысь.

— А не плохо ты живешь, Константинъ, я бы всю жизнь такъ жилъ.

— Да, Константинъ понимаетъ, — сказалъ Сѣровъ.

Разгребая коломъ костеръ, Герасимъ вытащилъ утокъ и на салфеткѣ снялъ съ нихъ перья, которыя отвалились сами собой.

Изъ фляжки налили по стакану коньяку. Герасимъ сказалъ:

— Федоръ Иванычъ, попробуйте жаркое наше охотницкое.

И протянулъ ему за лапу чирка. Шаляпинъ, выпивъ коньякъ, сталъ ѣсть чирка.

— Замѣчательно!

— Чирокъ первая утка, — сказалъ Герасимъ. — Скусна-а!..

Въ котелкѣ сварился чай. Ѣли просфоры ростовскія. А Василій Княжевъ разставлялъ донныя удочки, насаживая на крючки мелкую рыбешку. Короткія удилища онъ вставлялъ въ песокъ и далеко закидывалъ лески съ наживкой. Сверху удилища на лескѣ висѣли бубенчики.

— Надо разставлять палатку, — сказалъ я.

— Слышишь, звонитъ? — вскинулся Шаляпинъ, и побѣжалъ къ берегу.

— Подсачекъ! — закричалъ онъ съ рѣки.

Большая рыба кружила у берега. Василій подхватилъ ее подсачкомъ и выкинулъ на берегъ.

— Шелесперъ.

— Ну и рыбина, это что же такое. Я понимаю. Спасибо, Константинъ. Я даже никогда не слыхалъ, чтобы ночью ловили рыбу.

**
*

Шаляпину нравилось жить въ деревнѣ, нравились деревенскія утѣхи — рыбная ловля и охота.

Но только, надо правду сказать, рыболовъ Василій Княжевъ не очень долюбливалъ ловить съ нимъ рыбу.

— Упуститъ рыбину, а я виноватъ. Вотъ ругается, — прямо дѣться некуда!

И деревенскій охотникъ, Герасимъ Дементьичъ, тоже отлынивалъ ходить съ нимъ на охоту. Говорилъ:

— Что я?.. Собака Фебъ, и тотъ уходитъ отъ его съ охоты. Гонитъ его на каждую лужу: «Ищи»! А у собаки то чутье, она вѣдь чуетъ, что ничего нѣтъ, и не ищетъ. Ну, и собака, значитъ, виновата. Я говорю: «Федоръ Иванычъ, вѣдь видать, что она не прихватываетъ — нѣту на этой лужѣ ничего. Кабы было, она сама прихватывать зачнетъ. Видать вѣдь». — «Нѣтъ, — говоритъ, — здѣсь обязательно въ кустахъ утки должны сидѣть». — Попали разъ на утокъ то, ну, Фебъ и выгоняетъ. Такъ чисто войну открылъ. Мы съ Иванъ Васильевичемъ на землю легли. А онъ прямо въ осоку самъ за утками бросился. Чуть не утопъ. Раненую утку ловилъ. А та ныряетъ. Кричитъ: «Держи ее». Вѣдь это что, — горячъ больно.

Герасимъ лукаво посмотрѣлъ на меня и продолжалъ:

— А незадача — бранится... Ишь мы съ тобой прошли однова — Никольское, Мелоча и Порубь — восемь верстъ прошли, и — ничего, ты не сердишься. Закусить сѣли, выпили, это самое, коньячку, а съ Шаляпинымъ трудно. Подошли съ нимъ у Никольскаго — всего полторы версты, говорю — завернемъ, здѣсь ямка есть болотная въ низинкѣ — чирки бываютъ. Обошли — нѣтъ ничего. Онъ говоритъ: «Ты что меня гоняешь, такъ то, зря? Гдѣ чирки? Что-жъ говорилъ? Зря нечего ходить». Идетъ и сердится. Устали, сѣли закусить. Онъ, значитъ, колбасу ѣстъ, ножемъ рѣжетъ, изъ фляжки зеленой пьетъ. Мнѣ ничего не поднесетъ — сердится. — «Попусту водишь!». А вѣдь птицу за ногу не привяжешь. Птица летуча. Сейчасъ нѣтъ, а глядишь къ вечеру и прилетѣла...

Впрочемъ, Герасимъ любилъ Шаляпина. Однажды онъ мнѣ разсказывалъ:

— Помните, когда на «Новенькую» ѣхали, ко мнѣ въ

Буково заѣхали, у насъ тамъ на горкѣ омшайники большіе. Шаляпинъ спрашиваетъ: «Что за дома — окошекъ нѣтъ»? Говорю: «омшайники, въ сторонѣ стоятъ, туда прячемъ одежу и зерно — овесъ и рожь, горохъ, гречу. Оттого въ сторонѣ держимъ — на пожарный случай, деревня сгорѣть можетъ, а одежина и хлѣбъ — останется». — «Покажи, — говоритъ, — пойдемъ въ омшайникъ». — Ну, пошли, отперъ я ему дверь, — понравился омшайникъ Федору Иванычу. «Хорошъ, говоритъ, омшайникъ, высокій, мнѣ здѣсь поспать охота». Ну, снялъ я ему тулупъ, положилъ на полъ, подушку принесъ. — «Вотъ, говоритъ, тебѣ папиросы и спички, не бойся, я курить не буду». Такъ чего! До другого дня спалъ. Въ полдень вышелъ. «Хорошо, говоритъ, спать въ омшайникѣ. Мухъ нѣтъ и лѣсомъ пахнетъ»... — Потомъ на Новенькую мельницу кады къ Никонъ Осиповичу ѣхали, такъ говорилъ мнѣ, на лѣсъ показывалъ: «Я вотъ этотъ лѣсъ куплю себѣ и построю домъ, буду жить. Хорошо тутъ у васъ. Хлѣбомъ пахнетъ. Я вѣдь самъ мужикъ. Вотъ, рожь когда вижу, глазъ отвести не могу. Нравится. Ѣсть сейчасъ же мнѣ хочется»... Ну, значитъ, проѣзжая село «Пречистое», въ лавочку заѣхали. А, въ лавочкѣ что: баранки, орѣхи, мятные пряники, колбаса. Онъ и говоритъ Семену лавочнику: «Раздобудь мнѣ рюмочку водки». Тотъ: «Съ удовольствіемъ. У меня есть своя». Вотъ, онъ выпилъ, меня угостилъ. Таранью закусывали и колбасой копченой. Такъ замѣтьте: онъ всѣ баранки, что въ лавкѣ были, съѣлъ и колбасу копченую. Вотъ здоровъ! Чисто богатырь какой. «Герасимъ, говоритъ, скажу тебѣ по правдѣ, я дѣломъ занятъ совсѣмъ другимъ, но какъ деньги хорошія наживу, вотъ такъ жить буду, какъ сейчасъ. Здѣсь жить буду, у васъ. Какъ вы живете». — «Ну, говорю, Федоръ Иванычъ, крестьянская то жисть не легка. Съ капиталомъ можно». А видать вѣдь,

Кистинтинъ Ликсѣичъ, что душа у него русская. Вотъ съ Никономъ Осипычемъ — мельникомъ — какъ выпили они и «Лучину» пѣли. Я слушалъ, не утерпѣть, — слеза прошибаетъ... А гляжу — и онъ самъ поетъ и плачетъ...

**
*

Въ тишинѣ ночи до насъ донеслись голоса, — по дорогѣ къ деревнѣ Кубино кто то ѣхалъ.

— Эвона! Знать, они тамъ. Костеръ жгутъ.

Кто то крикнулъ во тьмѣ:

— Кинстинтинъ Лисѣичъ!

— Это должно быть Бѣловъ кричитъ, — сказалъ Сѣровъ.

— Василій, — кричали мы, — заворачивай сюда.

Изъ за кустовъ показалась лошадь. Возчикъ Феоктистъ и Василій, спрыгнувъ съ тарантаса, подбѣжали къ намъ.

— Федоръ Иванычъ, къ вамъ изъ Москвы пріѣхали. Велѣли, чтобъ безпремѣнно сейчасъ пріѣзжали.

— Кто пріѣхалъ?

— Велѣли сказать, что пріѣхалъ Еврей Федорычъ, онъ, говоритъ, знаетъ, такъ ему и скажи.

Шаляпинъ нахмурился.

— А нынче какое число то?

— 21 іюля.

— Да развѣ двадцать первое? Ахъ чертъ, а я думалъ восемнадцатое. Мнѣ завтра пѣть надо въ Москвѣ. Обѣщалъ Щукину. Въ «Эрмитажѣ» въ Каретномъ ряду. А я и забылъ.

— Вотъ и Еврей Федорычъ говорилъ: «Онъ, знать, забылъ». По комнатѣ ходитъ и за голову держится. Воду все пьетъ. Смотрѣть жалость беретъ: «Шаляпинъ, го-

Шаляпинъ —
у деревенской лавки.

воритъ, меня до самоубійства доведетъ. Скажите ему, что я деньги привезъ, три тыщи».

— А что же онъ самъ сюда не пріѣхалъ? — спросилъ Шаляпинъ.

— Хотѣлъ, да потомъ говоритъ: «Не охота ѣхать, у васъ все лѣса тутъ, глухота, еще зарѣжутъ разбойники».

— Что же, — въ раздумьи сказалъ Шаляпинъ, — ѣхать, что ли?

И онъ смотрѣлъ на насъ.

— Поѣзжай, Федя, — сказалъ я. — А что пѣть будешь?

— Сальери. Я одинъ не поѣду.

Доѣхавъ до деревни, наняли подводу. Дорогой я спросилъ Шаляпина:

— А кто этотъ, Еврей Федоровичъ?

— У Щукина служитъ. Не знаю.

Когда мы пріѣхали ко мнѣ, пріѣзжій бросился къ Шаляпину на шею.

— Федя, что ты со мной дѣлаешь Я же умираю! Щукинъ меня ругаетъ. Всѣ билеты уже проданы. Вотъ я тебѣ и денегъ привезъ. Ѣдемъ, пожалуйста — поѣздъ въ три часа изъ Ярославля на Москву. Утромъ пріѣдемъ, репетиція будетъ.

— Ну, какая тамъ репетиція. Ѣдемъ утромъ въ десять часовъ — въ шесть вечера будемъ въ Москвѣ.

— Ой, умоляю, ѣдемъ въ три. Умоляю!..

— Ну, нѣтъ, братъ, я ѣсть хочу. Поѣзжай въ три и скажи, что я пріѣду.

— Какъ же я безъ тебя пріѣду? Мнѣ же голову оторвутъ! Пожалѣй меня! У меня порокъ сердца. Курить нельзя, вина пить нельзя. Икота начинается. Тебѣ кланяются Рафалли и Лева. Они такъ тебя любятъ, такъ любятъ, говорятъ: «Ахъ, Шаляпинъ, это же артистъ!!!»

— Ну ка, давай деньги.

— Деньги вотъ. И расписку вотъ подпиши.

Шаляпинъ внимательно пересчиталъ деньги, положилъ въ карманъ и долго читалъ расписку.

— Это что же за идіотъ у васъ тамъ такую расписку писалъ? Что это значитъ: «симъ солистъ его величества обязуется»...

— Ой, — сказалъ пріѣзжій, — не угробливай меня, Федя, у меня порокъ сердца.

Шаляпинъ усмѣхнулся, взялъ листъ бумаги и написалъ другую расписку...

КУПАНЬЕ.

Гостя у меня въ деревнѣ, Шаляпинъ, вставъ, шелъ купаться на рѣку.

Передъ тѣмъ, какъ войти въ воду, Шаляпинъ долго сидѣлъ въ купальнѣ завернувшись въ мохнатую простыню.

Съ нимъ ходилъ архитекторъ Мазыринъ и мой слуга Василій Бѣловъ.

Мазыринъ былъ маленькаго роста, тщедушный. Прійдя въ купальню, быстро раздѣвался, бросался въ воду и нырялъ.

Шаляпинъ говорилъ мнѣ:

— Чортъ его знаетъ, Анчутка прямо морской конекъ. А я не могу. Долженъ попробовать, холодна ли вода. И нырять не могу. Да и купальня у тебя мала.

Случившійся тутъ Василій Бѣловъ посовѣтовалъ Шаляпину купаться прямо въ рѣкѣ.

Гдѣ-жъ вамъ тамъ нырять. Не по росту!

Шаляпинъ послушался Василія и на другой день полѣзъ прямо въ рѣку.

Хотѣлъ нырнуть, но запутался въ водорослях и бодягѣ. И — разсердился ужасно.

— Что же это у васъ дѣлается, Константинъ Алексѣевичъ? Бодяга! Купаться нельзя. Это же не рѣка.

— Какъ не рѣка? Вода кристалльная. Дивная рѣка!

— Вотъ что, — прервалъ Шаляпинъ, — позови му-

жиковъ и вели имъ, чтобы они скосили эту траву въ рѣкѣ. Когда я здѣсь куплю землю и построю домъ, я всю рѣку велю скосить.

На другой день я попросилъ сосѣдей и они косили водоросли въ рѣкѣ. Шаляпинъ смотрѣлъ.

— Я бы тоже косилъ, да не умѣю.

— Какъ не умѣете? — изумился Мазыринъ. — Вы же говорили, что крестьяниномъ были?

— Да, но никогда не косилъ и не пахалъ. Отецъ пахалъ.

Я ничего не сказалъ. Отецъ Шаляпина, когда бывалъ у него въ Москвѣ, часто приходилъ и ко мнѣ на Долгоруковскую улицу. Онъ говорилъ о себѣ, что никогда не занимался крестьянствомъ. Былъ волостнымъ писаремъ при вятской слободкѣ, а также служилъ въ Городской Управѣ, тоже писаремъ.

— А Федоръ говоритъ, что онъ крестьянинъ. Ну, нѣтъ. Съ раннихъ лѣтъ ничего не дѣлалъ. Изъ дому все убѣгалъ и пропадалъ. Живъ, аль нѣтъ — не знаешь. Сапожникомъ не былъ никогда. Нужды не видалъ. Гдѣ же! Я же завсегда ему деньги давалъ. И тогда-то онъ жаденъ до денегъ былъ, и сейчасъ такой же. Съ пѣвчими убѣжалъ. Ну, и съ тѣхъ поръ не возвращался. Не проходи мимо пѣвчіе на Пасхѣ, не позови я ихъ къ себѣ въ домъ на угощенье, онъ бы не пѣлъ теперь. Дишкантъ они у него нашли. Ну, и сманили...

На слѣдующій день Шаляпинъ купался уже въ рѣкѣ спокойно и плавалъ, какъ огромная рыбина, часа два подрядъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1905 ГОДЪ.

Наступилъ 1905-й годъ.

Была всеобщая забастовка.

Въ ресторанѣ «Метрополь» въ Москвѣ Шаляпинъ пѣлъ «Дубинушку». Появились красныя знамена. Улицы были не освѣщены, электричество не горѣло. Всѣ сидѣли по домамъ. Никто ничего не дѣлалъ и никто не зналъ, что будетъ.

Утромъ ко мнѣ пришелъ Шаляпинъ, обезпокоенный. Раздѣлся въ передней, вошелъ ко мнѣ въ спальню, посмотрѣлъ на дверь сосѣдней комнаты, затворилъ ее, и, подойдя ко мнѣ близко, сказалъ шепотомъ:

— Ты знаешь ли, меня хотятъ убить.

Я удивленно спросилъ:

— Кто тебя хочетъ убить? Что ты говоришь? За что?

— А чортъ ихъ знаетъ. За «Дубинушку», должно быть.

— Постой, но вѣдь ее всегда всѣ студенты пѣли. Я помню, съ пятнадцати лѣтъ. То ли еще пѣли!

— Ну вотъ, поѣдемъ сейчасъ ко мнѣ. Я тебѣ покажу кое-что.

Дорогой, на извозчикѣ, Шаляпинъ говорилъ:

— Понимаешь, у меня фигура такая, всѣ же меня узнаютъ. Загримироваться, что ли?

— Ты не бойся.

— Какъ не бойся? Есть же сумасшедшая сволочь. Кого хочешь убьетъ.

Когда пріѣхали, Шаляпинъ позвалъ меня въ кабинетъ и показалъ на большой письменный столъ. На столѣ лежали двѣ большихъ кучи писемъ.

— Прочти.

Я вынулъ одно письмо и прочелъ. Тамъ была грубая ругань: письмо кончалось угрозой — «Если ты будешь пѣть «Жизнь за Царя», гебѣ не жить».

— А возьми ка отсюда, — показалъ онъ на другую кучу.

Я взялъ письмо. Тоже безобразная ругань: «Если вы не будете пѣть, Шаляпинъ, «Жизнь за Царя», то будете убиты».

Вотъ видишь, — сказалъ Шаляпинъ, — какъ же мнѣ быть? Я же пѣвецъ. Это же Глинка! Въ чемъ дѣло? Эти же сукины дѣти кричатъ «свобода», а не понимаютъ, что такое свобода. Знаешь ли что? Я уѣзжаю!

— Куда?

— Заграницу. Бѣда — денегъ нельзя взять. Поѣзда не ходятъ... Поѣдемъ на лошадяхъ въ деревню.

— Простудишься, осень. Ѣхать далеко. Да и не надо. Въ Библіи сказано: «Не бѣги изъ осажденнаго города».

— Ну да, но что дѣлается! Горькій сидитъ дома и, понимаешь ли, забаррикадировался. Насилу къ нему добился. Онъ говоритъ: «Революція начинается. Ты не выходи, а если что — прячься въ подвалъ или погребъ». Хороша жизнь. Какія то вчера сукины дѣти подходили къ воротамъ.

— Поѣдемъ ко мнѣ, Федя. У насъ тамъ, на Мясницкой тихо. А то возьмемъ ружья и пойдемъ въ Мытищи на охоту. Я «бурмистра» возьму. Онъ зайцевъ хорошо гоняетъ.

И Шаляпинъ переѣхалъ ко мнѣ...

**
*

Впрочемъ, на другой день пошли поѣзда и мы уѣхали въ Петербургъ.

Моя квартира помѣщалась надъ квартирой Теляковскаго, на Театральной улицѣ. Мы пріѣхали утромъ и въ десять часовъ спустились къ Теляковскому.

Онъ встрѣтилъ Шаляпина радостно:

— Вотъ пріѣхали — отлично. А я только что говорилъ съ Москвой по телефону, чтобъ вы ѣхали. Вамъ надо оставаться въ Петербургѣ.

Шаляпинъ сталъ разсказывать Теляковскому объ анонимныхъ письмахъ, угрозахъ.

— Я тоже получаю много анонимныхъ писемъ. Вѣдь вы, Федоръ Иванычъ, человѣкъ выдающійся. Что же дѣлать? Въ Петербургѣ будетъ вамъ спокойнѣе. Я ужъ составилъ репертуаръ. Вы поете Гремина въ «Онѣгинѣ», Варяжскаго гостя въ «Садко», «Фауста», Фарлафа въ «Русланѣ». Покуда никакихъ царей не поете. «Дубинушку» пока пѣть тоже подождите.

— Я остановлюсь въ номерахъ Мухина, — сказалъ Шаляпинъ.

— Да зачѣмъ? У Константина Алексѣича на верху большая квартира.

— Отлично, — согласился Шаляпинъ.

Я ждалъ Шаляпина до вечера, но онъ какъ ушелъ съ утра, такъ и не возвращался.

Когда стемнѣло, я ушелъ работать въ мастерскую и вернулся къ себѣ поздно ночью. Въ моей комнатѣ на постели сладко спалъ Шаляпинъ. Я легъ въ сосѣдней комнатѣ. Утромъ Шаляпинъ продолжалъ спать.

Я ушелъ и вернулся въ четыре часа дня — Шаляпинъ все спалъ. Спалъ до вечера.

Вечеромъ мы пошли къ Лейнеру.

— Знаешь ли, — разсказывалъ Шаляпинъ, — куда ни попадешь, просто разливанное море. Пьютъ. Встрѣтилъ, помнишь, того ювелира, — уйти нельзя, не пускаетъ; все объяснялъ, какъ онъ, послѣ скандала, въ клиникѣ лежалъ. Я вѣдь руку ему вывихнулъ. Оказался хорошій парень. «Нѣтъ, ужъ теперь я тебя не отпущу, убійцу моего». Напились.

***

Послѣ обѣда мы поѣхали въ Маріинскій театръ и со сцены прошли въ ложу къ Теляковскому.

Шелъ балетъ.

Шаляпинъ сказалъ Теляковскому, что хотѣлъ бы поѣхать заграницу.

— А что-же, поѣзжайте, — одобрилъ Теляковскій. — Въ Москву ѣхать не стоитъ, тамъ безпокойно.

— А мнѣ надо ѣхать, — сказалъ я.

— Зачѣмъ? Поѣзжайте въ Парижъ. Кстати, соберете тамъ матеріалы для «Спящей красавицы»...

Я послушался совѣта, Шаляпинъ остался въ Россіи.

СЛАВА.

Будучи въ Парижѣ я какъ то встрѣтилъ чиновника посольства Никифорова. Онъ сказалъ мнѣ. — «въ Москвѣ то нехорошо, а вашъ пріятель Шаляпинъ — революціонеръ, погибъ на баррикадахъ, — и показалъ какую-то иллюстрацію, на которой были изображены — Горькій, Шаляпинъ, Телешевъ и еще кто-то, какъ главные революціонеры. Я подумалъ: «что за странность. Неужели и Телешевъ? Женился на богатѣйшей женщинѣ. А Шаляпинъ? Нужели и онъ революціонеръ, — такъ любитъ копить деньги! Горькій — тотъ по крайней мѣрѣ всегда былъ въ оппозиціи ко всякой власти. И неужели Шаляпинъ погибъ на баррикадахъ?..». Что то не вѣрилось...

***

Я вернулся въ Москву вскорѣ послѣ возстанія.

Я жилъ въ Каретномъ ряду, во второмъ этажѣ. Поднявшись къ себѣ, увидѣлъ свою квартиру въ разрушеніи. Окна выбиты. Стѣны кабинета разбиты артиллерійскими снарядами. Столъ и мебель засыпаны штукатуркой. Ящики изъ стола выворочены, бумаги на полу. Сосѣдняя квартира Тесленко была тоже разрушена.

Вскорѣ въ кухонную дверь вошла остававшаяся при квартирѣ горничная. На цѣпочкѣ она держала мою соба-

ку Феба, — онъ обрадовался мнѣ, урчалъ носомъ и какъ бы хотѣлъ что то сказать.

— Вотъ, баринъ, — сказала горничная, — дѣло то какое вышло. Окна велѣли вѣдь завѣшивать, — по всей Москвѣ стрѣлъ шелъ. Я подошла къ окну — рыбкамъ въ акваріумѣ воду мѣнять, а оттелева вонъ, со двора жандармскаго управленія, какъ ахнутъ въ сосѣднюю квартиру! Я взяла Феба, да и убѣжала къ роднымъ... А когда прошло это самое, опять переѣхала на кухню. А то убили бы здѣсь.

Шаляпина не было въ Москвѣ, ни на какихъ баррикадахъ онъ не сражался...

***

Жизнь въ Москвѣ потекла нормально. Слово «товарищъ» не было слышно на улицѣ...

Вскорѣ пріѣхалъ изъ Петербурга и Шаляпинъ. Помню его выступленіе въ Большомъ театрѣ въ оперѣ «Жизнь за Царя».

Послѣ окончанія спектакля онъ долго сидѣлъ въ уборной и говорилъ встревоженно:

— Надо подождать. Пойдемъ черезъ ходъ со сцены. Не люблю встрѣчаться послѣ спектакля съ почитателями. Выйдешь на улицу, — аплодисменты, студенты, курсистки...

И онъ былъ правъ. Мы вышли на улицу со сцены, — проходомъ, гдѣ выходили рабочіе и хористы. И все же, когда мы подходили къ каретѣ, несмотря на густой снѣгъ, слѣпившій глаза, толпа какихъ то людей бросилась къ намъ. Кто то крикнулъ:

— Шаляпина качать!

Двое, подбѣжавъ, схватили Шаляпина — одинъ поперекъ, другой за ноги. Шаляпинъ увернулся, сгребъ

какого то подбѣжавшаго къ нему парня и поднявъ его кверху — бросилъ въ толпу. Парень крякнулъ, ударившись о мостовую. Толпа растерялась. Шаляпинъ и я быстро сѣли въ карету и уѣхали.

— Что? Говорилъ я тебѣ, видишь!

Дома мы увидѣли, что кисть правой руки Шаляпина распухла. На утро онъ не могъ двинуть пальцами.

Я былъ пораженъ силой Шаляпина — съ какой легкостью онъ поднялъ надъ собой и бросилъ человѣка въ толпу.

Шаляпинъ уже совсѣмъ пересталъ посѣщать рестораны. И когда надо было куда нибудь ѣхать, всегда задумывался:

— Нельзя мнѣ нигдѣ бывать. Я стараюсь себя сдерживать, но иногда — не могу. То мнѣ предлагаютъ выпить, то ѣхать еще куда то ужинать, и когда я отказываюсь, — то вижу злые глаза. «Господинъ Шаляпинъ, не желаете вступить со мной въ знакомство, презираете? Я тоже пою...» и прочее. Ну какъ ты будешь тутъ? Одолѣваютъ. Вѣдь онъ не то, что любитъ меня. Нѣтъ. Онъ себя показываетъ. Онъ не прощаетъ мнѣ, что я пою, что я на сценѣ имѣю успѣхъ. Онъ хочетъ владѣть мной, проводить со мной время. И какъ иногда хочется дать въ морду этакому господину!.. Отчего я не встрѣчалъ этого заграницей? Никогда не встрѣчалъ...

— Ничего не подѣлаешь, Федя, — сказалъ я, — вѣдь это слава. Ты великій артистъ.

— Повѣрь мнѣ, я терпѣть не могу славы. Я даже не знаю, какъ мнѣ говорить съ разными встрѣчными людьми. Съ трудомъ придумываю — что сказать. Вотъ ты можешь. Я удивляюсь. Въ деревнѣ съ мужиками, съ охотниками любишь жить, разговаривать. Я же не могу. И какъ устаешь отъ этой всей ерунды! Имъ кажется, что очень легко пѣть, разъ есть голосъ. Спѣлъ — и Ша-

ляпинъ. А я беру за это большія деньги. Это не нравится... И каждый разъ, когда я пою, я точно держу экзаменъ. Иду какъ бы на штурмъ, на враговъ. И не легко мнѣ даются эти побѣды... Они и я — разные люди. Они любятъ слушать пѣніе, смотрѣть картины, но артиста у насъ не любятъ, какъ не любятъ и поэтовъ. Пушкина дали убить. А вѣдь это былъ Пушкинъ!.. Въ ресторанѣ выпилъ рюмку водки, возмущаются: «Пьетъ. Пѣвецъ пить не долженъ». Въ чемъ дѣло? Ты всегда не такой, какъ имъ хочется. Получаетъ много. А я за концертъ назначилъ вдвое — бранились, но пришли. На «Демона» въ бенефисъ еще поднялъ цѣны — и жалѣю, что не вдвое, ошибся. Все равно было бы полно...

Когда мы подъѣхали къ дому, Шаляпинъ сказалъ мнѣ:

— Что то не хочется спать. Поѣдемъ куда нибудь ужинать. У тебя деньги есть?

— Есть.

— У меня же только три рубля... Поѣдемъ, тамъ на Тверской, говорили мнѣ, кавказскій погребокъ есть въ подвалѣ. Тамъ армянинъ шашлыки дѣлаетъ. Хорошіе шашлыки, по кавказски.

— Знаю, — говорю, — но тамъ всегда много артистовъ ужинаетъ.

— Это тамъ «Шалтырь», что ли?

— Какой «Шалтырь»? — удивился я. — Ты хочешь сказать «Алатръ»?

— Ну да, «Алатръ». Я туда побаиваюсь ѣхать.

И мы поѣхали съ Ф. И. за городъ.

У Страстного монастыря отпустили карету и взяли лихача.

— Ты что же съ нимъ не торговался? — спросилъ дорогой меня Шаляпинъ.

— Вѣдь цѣна извѣстна, пятерку надо дать. Въ Гурзуфъ — это далеко.

— Пятерка! Да вѣдь пятерка — это огромныя деньги.

— Не разстраивайся, — говорю, — Федя.

***

Въ «Гурзуфѣ», поднимаясь по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, мы встрѣтили выходящую навеселѣ компанію. Одна изъ женщинъ закричала: «Шаляпинъ! Вернемтесь, онъ намъ споетъ».

Шаляпинъ быстро прошелъ мимо и не раздѣваясь прошелъ въ кабинетъ.

— Заприте дверь и никого не пускайте, — сказалъ онъ метръ-д-отелю.

Метръ д-отель посмотрѣлъ на дверь и увидѣлъ, что въ ней нѣтъ замка. Шаляпинъ выпустилъ метръ д-отеля, захлопнулъ дверь и держалъ ручку. Въ дверь послышался стукъ, хотѣли отворить. Но Шаляпинъ уперся ногой въ притолоку и не пускалъ.

— Жить же нельзя въ этой странѣ!

Наконецъ послышался голосъ метръ-д-отеля.

— Готово-съ, отворите...

Все же — съ метръ д-отелемъ въ кабинетъ ворвалась компанія. Женщины, весело смѣясь, подбѣжали къ Шаляпину, протягивали къ нему руки, кричали:

— Не сердитесь. не сердитесь! Несравненный, дивный, мы любимъ васъ, Шаляпинъ. Обожаемъ.

Шаляпинъ разсмѣялся. Женщины усадили его на диванъ, окружили. Обнимали и шептали ему что-то на ухо.

Мужчины, стоявшіе въ сторонѣ, держали подносъ съ налитыми бокалами шампанскаго.

— Прошу прощенія, — вставая сказалъ Шаляпинъ,

— вы поймите меня, я же не виноватъ. Я пою, я артистъ, и только. А мнѣ не даютъ жить. Вы не думайте, что я не хочу видѣть людей. Это не вѣрно. Я люблю людей. Но я боюсь, боюсь оскорбленія.

— Федоръ Иванычъ, — сказалъ одинъ изъ мужчинъ, — но согласитесь, мы тоже любимъ васъ. Что же дѣлать? Вотъ, дамы наши, какъ услышали, что вы пріѣхали, всѣхъ насъ бросили. Вы сами видите, въ какое печальное положеніе мы попали. Взвыть можно. Пожалѣйте и насъ, и позвольте вамъ предложить выпить съ нами шампанскаго. Мы вѣдь съ горя пьемъ.

Федоръ Иванычъ развеселился. Выпилъ со всѣми на ты, сѣлъ за піанино и запѣлъ, самъ себѣ аккомпанируя:

«Ахъ ты Ванька, разудала голова...».

Лишь къ утру компанія москвичей довезла Шаляпина, окруженнаго дамами, домой...

НА РЕПЕТИЦІЯХЪ.

Въ Москвѣ на Балчугѣ, у Каменнаго моста, я лежалъ больной тифомъ въ моей мастерской.

Однажды утромъ пришелъ ко мнѣ Шаляпинъ. Раздѣлся въ передней и, войдя ко мнѣ, сказалъ:

— Ты сильно болѣлъ, мнѣ говорили. Что же это съ тобой? Похудѣлъ, однѣ кости.

Шаляпинъ сѣлъ около меня, у столика.

— Видишь ли, я пришелъ къ тебѣ посовѣтоваться. Я ухожу изъ Императорскихъ театровъ. Всѣ дирижеры мнѣ бойкотъ объявили. Всѣ обижены. Они же ничего не понимаютъ. Я имъ говорю: «Можетъ быть, вы лучше меня, любите вашихъ женъ, дѣтей, но дирижеры вы никакіе»... Представь, всѣ обидѣлись. И я больше не пою, ухожу изъ театра. Я же могу всегда получать больше, чѣмъ мнѣ платятъ. Гдѣ хочешь, за границей, въ Америкѣ... Ты знаешь, твой Теляковскій закатилъ мнѣ въ контрактѣ какую неустойку — двѣсти тысячъ! Ты какъ думаешь, онъ возьметъ?

— Что такое, — отвѣтилъ я, — «возьметъ Теляковскій»... Теляковскій ничего не можетъ ни взять, ни отдать. На это есть государственный контроль, который возьметъ, конечно.

— Ну, я такъ и зналъ, въ этой странѣ жить нельзя.

И Шаляпинъ ушелъ.

⁂

Дирижировалъ Коутсъ. Шаляпинъ пѣлъ Грознаго, Галицкаго, Бориса. Все — въ совершенствѣ.

Театръ, какъ говорятъ, ломился отъ публики. И въ каждомъ обликѣ Шаляпинъ представалъ по новому. И всякое новое воплощеніе его было столь убѣдительно, что вы не могли представить себѣ другой образъ.

Это были именно тѣ люди, тѣ характеры, какими показывалъ ихъ Шаляпинъ.

На репетиціяхъ Шаляпинъ бывалъ всегда гнѣвенъ. Часто дѣлалъ замѣчанія дирижеру. Отношеніе Шаляпина къ искусству было серьезно и строго. Если что нибудь не выходило, онъ приходилъ въ бѣшенство и настаивалъ на точномъ исполненіи его замысловъ.

При появленіи Шаляпина на сценѣ во время репетиціи — наступала полная тишина и всѣ во всѣ глаза смотрѣли на Шаляпина. Чиновники въ вицъ-мундирахъ при видѣ Шаляпина уходили со сцены.

⁂

Шаляпинъ былъ ко всѣмъ и ко всему придирчивъ.

Однажды, на генеральной репетиціи «Хованщины» Мусоргскаго, которую онъ режиссировалъ, Шаляпинъ, выйдя въ сценѣ «Стрѣлецкое гнѣздо», сказалъ:

— Гдѣ Коровинъ?

Театръ былъ полонъ постороннихъ — родственниковъ и знакомыхъ артистовъ.

Я вышелъ изъ среднихъ рядовъ партера и подошелъ къ оркестру. Обратившись ко мнѣ, Шаляпинъ сказалъ.

— Константинъ Алексѣевичъ. Я понимаю, что вы не читали исторію Петра, но вы должны были прочесть хотя бы либретто. Что же вы сдѣлали день, когда на

сценѣ должна быть ночь. Тутъ же говорится: «Спитъ стрѣлецкое гнѣздо».

— Федоръ Иванычъ, — отвѣтилъ я, — конечно, я не могу похвастаться столь глубокимъ знаніемъ исторіи Петра, какъ вы, но все же долженъ вамъ сказать, что это день и не иначе. Хотя и «спитъ стрѣлецкое гнѣздо». И это ясно долженъ знать тотъ, кто знаетъ «Хованщину».

Въ это время изъ за кулисъ выбѣжалъ режиссеръ Мельниковъ. Въ рукахъ у него былъ клавиръ. Онъ показалъ его Шаляпину и сказалъ:

«Здѣсь написано: «полдень».

Шаляпинъ никогда не могъ забыть мнѣ этого.

КАМЕНЬ.

... На сценѣ стоялъ камень, вѣчный камень. Онъ былъ сдѣланъ въ родѣ какъ изголовье. Этотъ камень ставили во всѣхъ операхъ. На немъ сидѣли, пѣли дуэты, на камнѣ лежала Тамара, въ «Русалкѣ» — Наташа, и въ «Борисѣ Годуновѣ» ставили камень.

Какъ то разъ Шаляпинъ пришелъ ко мнѣ и смѣясь сказалъ:

— Слушай, да вѣдь это чортъ знаетъ что — режиссеры наши все ставятъ этотъ камень на сцену. Давай послѣ спектакля этотъ камень вытащимъ вонъ. Ты позовешь ломового, мы его увеземъ на Москва-рѣку и бросимъ съ моста.

Но камень утащить Шаляпину режиссеры не дали.

— Не одинъ, — говорили, — Федоръ Ивановичъ, вы поете, камень необходимъ для другихъ...

Трезвинскій даже сказалъ ему:

— Вы, декаденты!..

АНТРЕПРЕНЕРША ИЗЪ БАКУ.

Шаляпинъ любилъ ссориться, издѣваться надъ людьми, завидовалъ богатству, — страсти стихійно владѣли его послушной душой. Онъ часто мнѣ говорилъ, что въ молодости своей никогда не испыталъ добраго къ нему вниманія, — его всегда ругали, понукали.

— Трудно давался мнѣ пятачекъ. Волга, бродяжные ночлеги, трактирщики, крючники, работа у пароходныхъ пристаней, голодная жизнь... Я получаю теперь очень много денегъ, но когда у меня хотятъ взять рубль или двугривенный — мнѣ жалко. Это какіе то м о и деньги. Я вѣдь въ нихъ, въ грошахъ, прожилъ свою юность. Помню, какъ одна антрепренерша въ Баку не хотѣла мнѣ заплатить. — я былъ еще на выходахъ, — и я поругался съ ней. Она кричала:

— Въ шею! Гоните эту сволочь! Чтобъ духу его здѣсь не было!

— На меня бросились ея служащіе, прихвостни. Вышла драка. Меня здорово помяли. И я ушелъ пѣшкомъ въ Тифлисъ.

— А черезъ десять лѣтъ мнѣ сказали, что какая-то пожилая женщна хочетъ меня видѣть: «Скажите ему, что онъ у меня пѣлъ въ Баку и что я хочу его повидать». Я вспомнилъ ее и крикнулъ:

— Гоните въ шею эту сволочь!

— И ее выгнали изъ передней.

— Ты могъ бы поступить и по другому, — сказалъ я.

— Брось, я не люблю прощать. Пускай и она знаетъ. Такъ лучше. А то бы считала меня дуракомъ. Ты не знаешь, что такое антрепренеръ. А ты думаешь, даже Мамонтовъ или Дягилевъ, если бы я дался, не стали бы меня эксплоатировать. Брось, я, братъ, знаю. Понялъ...

ДЕНЬГИ.

Сколько ни вспоминаю Федора Шаляпина въ его прежней жизни, когда онъ часто гащивалъ у меня въ деревнѣ и въ Крыму, въ Гурзуфѣ, не проходило дня, чтобы не было какой либо вспышки. Въ особенности, когда вопросъ касался искусства и... денегъ.

Когда кто нибудь упомянетъ о какомъ нибудь артистѣ, Шаляпинъ сначала молча слушаетъ, а потомъ его вдругъ прорветъ:

— Вотъ вы говорите «хорошій голосъ», но онъ же идіотъ, онъ же не понимаетъ, что онъ поетъ. И даже объяснить не можетъ, кого изображаетъ.

И начинается... Изъ за денегъ та же исторія. Съ шоферами, съ извозчиками, въ ресторанѣ... Ему всегда казалось, что съ него берутъ лишнее.

Въ магазинѣ Шанксъ на Кузнецкомъ мосту онъ увидалъ какъ-то въ окнѣ палку.

Палка понравилась.

Шаляпинъ зашелъ въ магазинъ. Приказчикъ, узнавъ его, съ поклономъ подалъ ему палку.

Шаляпинъ долго ее примѣрялъ, осматривалъ, ходилъ по магазину.

— А ручка эта металлическая?

— Серебряная.

— Что-жъ стоитъ эта палка?

— Пятьдесятъ рублей.

— Что то очень дорого.

— Что же для васъ то, Федоръ Ивановичъ, пятьдесятъ рублей, — имѣлъ неосторожность сказать приказчикъ.

— То есть, что это значитъ — для васъ? Что я на улицѣ, что ли, деньги нахожу?..

И пошло...

Собрались приказчики, пришелъ завѣдывающій.

— Какъ онъ смѣетъ мнѣ говорить, «для васъ»...

И Шаляпинъ въ гнѣвѣ ушелъ изъ магазина, не купивъ палки...

Въ ресторанѣ, потребовавъ счетъ, Шаляпинъ тщательно его провѣрялъ, потомъ подписывалъ и говорилъ:

— Пришлите домой.

Помню, мы съ Сѣровымъ однажды сыграли съ нимъ шутку:

Шаляпинъ пригласилъ меня и Сѣрова завтракать въ «Эрмитажъ».

Я упросилъ директора, Егора Ивановича Мочалова поставить въ счетъ холоднаго поросенка, котораго не подавали.

Егоръ Ивановичъ подалъ счетъ Шаляпину. Тотъ внимательно просмотрѣлъ его и сказалъ:

— Поросенка же не было.

— Какъ не было? — сказалъ я. — Ты же ѣлъ!

— Антонъ, — обратился Шаляпинъ къ Сѣрову, ты же видѣлъ — поросенка не было.

— Какъ не было? — изумился Сѣровъ, — ты же ѣлъ!

Шаляпинъ посмотрѣлъ на меня и на Сѣрова и, задохнувшись, сказалъ:

— Въ чемъ же дѣло? Никакого поросенка я не ѣлъ.

Егоръ Ивановичъ стоялъ молча, понуривъ голову.

— Я не понимаю... Вѣдь это же мошенничество.

Шаляпинъ, какъ всегда въ минуты сильнаго волненія водилъ рукой по скатерти, какъ бы сметая соръ, котораго не было.

— Отличный поросенокъ, — сказалъ я, — ты съѣлъ скоро, не замѣтилъ въ разговорѣ.

Шаляпинъ тяжело дышалъ, ни на кого не смотря.

Тутъ Егоръ Ивановичъ не выдержалъ.

— Это они шутить изволятъ. Велѣли въ счетъ поросенка поставить...

Шаляпинъ готовъ былъ вспылить, но посмотрѣвъ на Сѣрова, разсмѣялся.

***

Пріятели знали эту слабую струнку Шаляпина.

Разъ онъ позвалъ послѣ концерта пріятелей — композитора Юрія Сахновскаго и Курова, который писалъ музыкальныя рецензіи въ газетахъ, — поужинать въ «Метрополь» въ Москвѣ.

Шаляпинъ самъ заказалъ ужинъ. Подали холодное мясо и водку.

Тутъ Сахновскій сказалъ:

— Я мяса не ѣмъ, а закуски нѣтъ.

Позвалъ полового и приказалъ:

— Разстегаи съ осетриной и икры.

Шаляпинъ помрачнѣлъ.

Когда разстегаи были съѣдены, Сахновскій сказалъ:

— Федоръ, Корещенко скажетъ тебѣ слово. Мнѣ самому неудобно — ты пѣлъ мой романсъ.

Корещенко поднялъ рюмку.

— Что ты съ ума сошелъ! — воскликнулъ Сахновскій. — Надо шампанскаго!

Шаляпинъ поморщился и велѣлъ подать бутылку шампанскаго.

Вино розлили по бокаламъ, но всѣмъ не хватило.

Когда Корещенко началъ свою рѣчь, Сахновскій знакомъ подозвалъ полового и что то шепнулъ ему.

Черезъ нѣсколько мгновеній половой принесъ на подносѣ шесть бутылокъ шампанскаго и сталъ методически откупоривать.

Шаляпинъ пересталъ слушать Корещенко и съ безпокойствомъ поглядѣлъ на бутылки.

— Въ чемъ дѣло?

— Не безпокойся, Федя, куда ты все торопишься? Не допилъ я... Не безпокойся. Хорошо посидится — еще выпьемъ.

— Но я не могу сидѣть, я усталъ, — сказалъ съ раздраженіемъ Федоръ Ивановичъ. — Ты вѣдь концерта не пѣлъ.

— А ты выпей и отдохни, — невозмутимо продолжалъ Сахновскій. — Не допилъ я!.. Куда торопиться?..

Шаляпинъ съ каждымъ словомъ все болѣе хмурился.

— А о винѣ не безпокойся, Федя — все тѣмъ же невозмутимымъ голосомъ пѣлъ Сахновскій. — За вино я заплачу.

— Не въ этомъ дѣло! — вспылилъ Шаляпинъ. — Припишите тамъ въ мой счетъ. — Усталъ я!

И уѣхалъ домой мрачный.

**
*

Избалованный заслуженнымъ успѣхомъ, Шаляпинъ не терпѣлъ неудачъ ни въ чемъ.

Однажды, играя на билліардѣ у себя съ пріятелемъ моимъ — архитекторомъ Кузнецовымъ, онъ проигралъ ему всѣ партіи. Замучился, но выиграть не могъ. Кузнецовъ игралъ много лучше.

Въ концѣ концовъ, Шаляпинъ, молча, ни съ кѣмъ не простясь, ушелъ спать.

А много времени спустя, собираясь ко мнѣ въ деревню, какъ бы невзначай спросилъ:

— А этотъ твой Кузнецовъ будетъ у тебя?

— А что? — въ свою очередь спросилъ я.

— Грубое животное! Я бы не хотѣлъ его видѣть.

«Билліардъ» — подумалъ я.

ШАЛЯПИНЪ И СѢРОВЪ.

Часто достаточно было пустяка, чтобы Шаляпинъ пришелъ въ неистовый гнѣвъ, и эта раздражительность съ годами все возрастала. Съ Врубелемъ онъ поссорился давно и навсегда. Да и съ Сѣровымъ.

Узнавъ однажды, что у меня будетъ Шаляпинъ, Сѣровъ не поѣхалъ ко мнѣ въ деревню. Меня это удивило. И каждый разъ, когда впослѣдствіи я приглашалъ его къ себѣ одновременно съ Шаляпинымъ, отмалчивался и не пріѣзжалъ.

Я спросилъ какъ-то Сѣрова:

— Почему ты избѣгаешь Шаляпина?

Онъ хмуро отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Довольно съ меня.

И до самой смерти не видѣлся больше съ Шаляпинымъ.

Разъ Шаляпинъ спросилъ меня:

— Не понимаю, за что Антонъ на меня обидѣлся.

— Ну, что вамъ друзья, Федоръ Иванычъ, — отвѣтилъ я, —

«Было бы вино
Да вотъ и оно»,

какъ ты самъ говоришь въ роли Варлаама.

Въ сущности, когда кто нибудь нуженъ былъ — Сѣровъ-ли, Васнецовъ, — то онъ былъ «Антоша дорогой», либо «дорогой Викторъ Михалычъ». А когда нужды не

было, слава и разгулы съ услужливыми друзьями заполняли ему жизнь...

Странные люди окружали Шаляпина. Онъ могъ надъ ними вдоволь издѣваться, и изъ этихъ людей образовалась его свита, съ которой онъ расправлялся круто.

Шаляпинъ сказалъ, и плохо бывало тому, кто не соглашался съ какимъ либо его мнѣніемъ. Отрицая самовластіе, онъ самъ былъ одержимъ самовластіемъ.

Когда онъ обѣдалъ дома, что случалось довольно рѣдко, то семья его молчала за обѣдомъ, какъ набравъ въ ротъ воды.

КОГДА ШАЛЯПИНЪ НЕ ПѢЛЪ.

Шаляпинъ довольно часто отказывался пѣть; и иногда — въ самый послѣдній моментъ, когда уже собиралась публика.

Его замѣнялъ въ такихъ случаяхъ по большей части Власовъ.

Въ связи съ этими частыми замѣнами по Москвѣ ходилъ анекдотъ:

— Шаляпинъ ѣхалъ на извозчикѣ изъ гостей навеселѣ:

— Скажи-ка, — спросилъ онъ извозчика, — ты поешь?

— Гдѣ же мнѣ, баринъ, пѣть? Съ чаво? Во, когда крѣпко выпьешь, то бываетъ вспомнишь и запоешь.

— Ишь ты, — сказалъ Шаляпинъ, — а вотъ я, когда пьянъ, такъ за меня Власовъ поетъ...

Не было дома въ Москвѣ, гдѣ бы не говорили о Шаляпинѣ. Ему приписывали самые невѣроятные скандалы, которыхъ не было, и выставляли его въ неприглядномъ видѣ.

Но стоило ему показаться на сценѣ — онъ побѣждалъ. Восторгу и вызовамъ не было конца.

Въ бенефисъ оркестра, когда впервые долженъ былъ идти «Донъ Карлосъ» Верди, знатоки и теоретики говорили:

— Шаляпинъ провалится.

Въ частности — и у Юрія Сахновскаго, когда онъ говорилъ о предстоящемъ спектаклѣ, злой огонекъ свѣтился въ глазахъ.

А когда я встрѣтилъ его въ буфетѣ театра послѣ второго акта и спросилъ:

— Ну, что-же какъ вы, критики, скажете? — Онъ отвѣтилъ: Ну, что скажешь... Ничего не скажешь... Силища!..

Въ чемъ была тайна шаляпинскаго обаянія?

Соединеніе музыкальности, искусства пѣнія съ чудеснымъ постиженіемъ творимаго образа.

ЦЫГАНСКІЙ РОМАНСЪ.

На второй день Рождества я справлялъ мои имянины. Собирались мои пріятели, артисты, художники, охотники. И всегда пріѣзжалъ Шаляпинъ.

На этотъ разъ онъ пріѣхалъ прямо послѣ спектакля изъ театра, въ костюмѣ Галицкаго. Всѣ обрадовались Федору Иванычу.

Онъ сѣлъ за столъ рядомъ съ нашимъ общимъ пріятелемъ Павломъ Тучковымъ. Въ рукахъ у того была гитара, — онъ пѣлъ, хорошо подражая цыганамъ, и превосходно игралъ на гитарѣ.

Къ концу ужина Павелъ Александровичъ сказалъ Шаляпину: «Вторь».

Шаляпинъ оробѣло послушался. Павелъ Александровичъ запѣлъ:

«Задремалъ тихій садъ...
Ночь повѣяла...»

Павелъ Александровичъ остановился и искоса посмотрѣлъ на Шаляпина.

— Врешь. Сначала.

«Задремалъ тихій...

Снова — многозначительная пауза: Шаляпинъ фальшивилъ.

Высоко поднявъ брови и выпучивъ глаза, Павелъ молча смотрѣлъ на Шаляпина.

— Еще разъ. Сначала...

Шаляпинъ все не попадалъ въ тонъ, — выходило невѣроятно скверно. Шаляпинъ смотрѣлъ растерянно и виновато.

— Скажите пожалуйста, — спросилъ наконецъ Тучковъ Шаляпина, — вы, кажется, солистъ его величества? Странно! И даже очень странно...

— А что? — спросилъ робко Шаляпинъ.

— Какъ что? Врешь, слуху нѣтъ — фальшиво...

— Развѣ? — изумился Шаляпинъ, — что такое?..

— Сначала:

«Задремалъ тихій садъ...».

— Ничего не выходитъ! Да, это вамъ не опера. Орать то можно, но пѣть надо умѣть. Не можете спѣть цыганскаго романса. Не дано. Уха нѣтъ.

Шаляпинъ былъ столь комиченъ въ этой новой неожиданной роли, что нельзя было удержаться отъ смѣха. Кругомъ пріятели мои ржали, какъ лошади.

И одинъ только Павелъ Александровичъ никакъ не могъ сообразить, что происходитъ:

— Совершенно непонятно: оперу пѣть умѣетъ, а цыганскій романсъ не можетъ. Слуха не хватаетъ. Ясно...

«ДЕМОНЪ».

Къ бенефису Шаляпина готовили «Демона» Рубинштейна въ моей постановкѣ. Костюмъ, равно какъ и парикъ и гримъ дѣлалъ Шаляпину я. Спектакль какъ то не ладился. Шаляпинъ очень негодовалъ. Говорилъ мнѣ:

— Не знаю, буду ли еще пѣть.

Мы жили въ это время вмѣстѣ. Вернувшись какъ то съ репетиціи, онъ сказалъ:

— Я рѣшилъ отказаться. Выйдетъ скандалъ, билеты всѣ проданы. Не такъ все, понимаешь, дирижируютъ вяло, а завтра генеральная репетиція. На-ка, напишу я письмо.

— Скажи, — спросилъ я, — вотъ ты все время со мной, на репетиціи былъ не больше получаса, а то и совсѣмъ не ходишь, значитъ ты знаешь «Демона»?

— Ну, конечно, знаю, — отвѣтилъ Шаляпинъ, — каждый студентъ его въ номерахъ поетъ. Не выходитъ у меня съ Альтани*). Пойду вызову по телефону Корещенко.

Шаляпинъ всталъ съ постели и пошелъ говорить по телефону. Вскорѣ пріѣхалъ Корещенко съ клавиромъ. Шаляпинъ, полуодѣтый, у піанино показалъ Корещенкѣ мѣсто, которое не выходило у него съ оркестромъ. Корещенко сѣлъ за піанино. Шаляпинъ запѣлъ:

---

*) Дирижеръ.

И сразу остановился.

— Скажи, пожалуйста, — спросилъ онъ Корещенко, — ты вѣдь, кажется, профессоръ консерваторіи?

— Да, Федя, а что?

— Да какъ что, а что же ты играешь?

— Какъ что? Вотъ что, — онъ показалъ на ноты.

— Такъ вѣдь это ноты, — сказалъ сердито Шаляпинъ, — вѣдь еще не музыка. Что за темпы! Начинай. сначала.

И Шаляпинъ щелкалъ пальцемъ, отбивая тактъ, самъ ударялъ по клавишамъ, постоянно останавливалъ Корещенко и заставлялъ повторять.

За завтракомъ въ «Эрмитажѣ» Шаляпинъ говорилъ:

— Невозможно. Вѣдь Рубинштейнъ былъ умный человѣкъ, а вы всѣ ноты играете, какъ метрономы. Смысла въ вашей музыкѣ нѣтъ. Конечно, мелодія выходитъ, но всего нотами не изобразишь!..

Корещенко былъ скромный и тихій человѣкъ. Онъ покорно слушалъ Шаляпина и сказалъ:

— Но я же вѣрно играю, Федя.

— Вотъ и возьми ихъ! — сказалъ Шаляпинъ. — Что изъ того, что вѣрно. Ноты — это простая запись, нужно ихъ сдѣлать музыкой, какъ хотѣлъ композиторъ. Ну, васъ всѣхъ къ чорту!

На другой день утромъ мы поѣхали на генеральную репетицію. Шаляпинъ былъ молчаливъ и разстроенъ.

Когда мы пріѣхали въ театръ, репетиція уже шла. Какъ всегда Альтани, увидавъ Шаляпина въ кулисѣ, остановилъ оркестръ и показалъ ему вступленіе палочкой:

«Дитя, въ объятіяхъ твоихъ»... — запѣлъ Шаляпинъ и остановился.

Снявъ шарфъ и шубу, онъ подошелъ къ дирижеру и обратился къ оркестру.

— Господа, вы, музыканты, вы, всѣ профессора, и вы, дорогой маэстро, — обратился онъ къ Альтани, — прошу васъ, дайте мнѣ возможность продирижировать мои мѣста въ оперѣ.

Альтани отдалъ палочку концертмейстеру Крейну, который, вставъ, передалъ ее на сцену Шаляпину.

Шаляпинъ поднялъ палочку.

— Аріозо «Клянусь».

И запѣлъ полнымъ голосомъ.

Когда онъ дошелъ до фразы: «Волною шелковыхъ кудрей» — оркестръ всталъ, музыканты закричали «браво» и сыграли Шаляпину тушъ.

Шаляпинъ продирижировалъ всю свою партію. Альтани что то отмѣчалъ карандашемъ въ партитурѣ. Шаляпинъ пѣлъ и за себя, и за хоръ, и сразу повеселѣлъ. Благодарилъ Альтани и музыкантовъ, всѣхъ артистовъ и хоръ.

Когда мы съ Шаляпинымъ вышли изъ театра, онъ сказалъ:

— Видишь, какая исторія, теперь все ладится. Я же боялся сказать: «дайте мнѣ продирижировать». Чортъ его знаетъ — Альтани обидится. Положитъ палочку, уйдетъ, и опять забастовка дирижеровъ. Они думаютъ, что я ихъ учу, а они всѣ ученые. Я же прошу понять меня, и только. Теперь споемъ... А знаешь ли, дешево я назначилъ за билеты. Надо было вдвое. Поѣдемъ куданибудь завтракать. Въ Эрмитажѣ народу много, пойдемъ къ Тѣстову, здѣсь близко. Съѣдимъ головизну. Нѣтъ! головизна тяжело, закажемъ уху изъ ершей и разстегаи. Надо выпить коньяку...

Бенефисъ прошелъ съ огромнымъ успѣхомъ. Но гордая московская пресса холодно отозвалась о бенефисѣ Шаляпина. Вообще, Шаляпинъ былъ съ прессой не въ ладахъ.

***

Впрочемъ, послѣ своего бенефиса въ Петербургѣ, онъ больше «Демона» не пѣлъ. Говорилъ, что партія для него все же высока, хотя онъ ее и транспонировалъ.

Вскорѣ послѣ бенефиса, Шаляпинъ, Горькій, Сѣровъ, я и Сахновскій поѣхали вечеромъ ужинать. Подъѣхавъ къ Страстному монастырю, остановились и стали обсуждать, куда ѣхать, — Горькій и Шаляпинъ не хотѣли встрѣчаться съ толпой. Рѣшили ѣхать за городъ, въ «Стрѣльну». Шаляпинъ отдѣльно съ Горькимъ. А Сахновскій съ нами на парѣ, которую взяли на площади. Дорогой Сахновскій, какъ обычно, говорилъ, что бросилъ пить:

— Нельзя, полнѣю. А вотъ въ «Стрѣльнѣ» придется.

Въ «Стрѣльнѣ» заняли отдѣльный кабинетъ. Принесли закуски, вино, холодного поросенка.

Сосѣдній кабинетъ былъ полонъ кутящими гостями. Тамъ было шумно. Пѣлъ венгерскій хоръ.

Вдругъ наступила тишина и мужской голосъ неожиданно запѣлъ на мотивъ Мефистофеля:

«Сто рублей на бенефисъ
Я за входъ себѣ назначилъ,
Москвичей я одурачилъ,
Деньги всѣ ко мнѣ стеклись».

Въ сосѣднемъ кабинетѣ раздался хохотъ и аплодисменты.

Мой великій другъ Максимъ
Засѣдалъ въ отдѣльной ложѣ,
Полугорькихъ двое тоже
Засѣдали вмѣстѣ съ нимъ.
Мы дождались этой чести,
Потому, что мы друзья,
Это все — одна семья.
Мы снимались даже вмѣстѣ,
Чтобъ москвичъ увидѣть могъ,
Восемь паръ смазныхъ сапогъ,
Смазныхъ сапогъ,
Восемь паръ смазныхъ сапогъ,
Смазныхъ сапогъ, да!

— Что за чортъ! — сказалъ Шаляпинъ. — А вѣдь ловко.

Позвали метръ-д-отеля. Шаляпинъ спросилъ:

— Кто это тамъ?

— Да вѣдь какъ сказать... Гости веселятся. Ужъ вы не выдайте, Федоръ Ивановичъ. Только вамъ скажу: Алексѣй Александровичъ Бахрушинъ съ артистами веселятся. Они хотѣли васъ видѣть, только вы не пустите.

Горькій вдругъ нахмурился и всталъ.

— Довольно. Ѣдемъ.

Мы всѣ поднялись.

Обратно Горькій и Шаляпинъ снова ѣхали вмѣстѣ, мы — на парѣ.

— Чего онъ вскинулся? — удивлялся Сѣровъ. — Люди забавляются. Неужели обидѣлся. Глупо!

НА ВОЛГѢ.

Отъ директора Императорскихъ театровъ, Теляковскаго, я получилъ телеграмму. Онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ имѣніе «Отрадное», близь Рыбинска, на Волгѣ.

— Поѣдемъ, Федя, — предложилъ я.

— Ладно, — отвѣтилъ Шаляпинъ, — я люблю Волгу. Поѣдемъ изъ Ярославля на пароходѣ «Самолетъ». Будемъ ѣсть стерлядь кольчикомъ.

— Ты что, такъ въ поддевкѣ и поѣдешь?

— А почему же? Конечно, въ поддевкѣ.

— Узнаютъ тебя на пароходѣ, будутъ смотрѣть.

— А чортъ съ ними. Пускай.

Когда пріѣхали въ Ярославль, узнали, что пароходъ «Самолетъ» отходитъ черезъ три часа. Куда дѣться? Пошли въ городской садъ и сѣли у ресторана снаружи. Намъ была видна дорога, которая спускалась къ Волгѣ. По ней ѣхали ломовики, везли рогожные кули съ овсомъ, огромные мѣшки съ хлѣбомъ, въ корзинахъ изъ прутьевъ — бѣлугу, осетрину, севрюгу. Возы тянулись безконечно по дорогѣ. Слышалось: «Ыы... Ыы...». Ломовые понукали лошадей. Ѣхали бабы на возахъ, въ цвѣтныхъ платкахъ, загорѣлыя и дородныя.

— Посмотри, какъ Россія богата, — сказалъ Шаляпинъ.

— А какъ же Некрасовъ говорилъ: «Выдь на Волгу, чей стонъ раздается»...

— А былъ ли онъ на Волгѣ-то?..

Къ обѣду намъ подали бѣлугу съ хрѣномъ и икру зернистую, на коробкѣ было написано: «Колгановъ. Москва».

— Ты посмотри, что написано, — сказалъ Шаляпинъ, — въ чемъ дѣло?

Онъ разсердился, позвалъ человѣка и приказалъ:

— Убери.

Только мы стали ѣсть бѣлугу, какъ за сосѣдній столикъ сѣли два чиновника, въ фуражкахъ съ кокардами. Одинъ молодой, другой постарше. Молодой посмотрѣлъ на Шаляпина и сказалъ что-то другому. Старшій тоже посмотрѣлъ на Шаляпина.

«Узнали», — подумалъ я.

Чиновники встали и подошли къ намъ. Старшій сказалъ:

— Здравствуйте, Федоръ Иванычъ. Позвольте васъ привѣтствовать въ нашемъ городѣ.

— Очень радъ, — отвѣтилъ Шаляпинъ, — но я васъ не знаю.

— Насъ много, — отвѣтилъ улыбаясь старшій. — Мы чиновники у губернатора. Насъ много и губерній много. А вы одинъ — великій артистъ. Позвольте васъ привѣтствовать.

— Садитесь, — сказалъ Шаляпинъ.

Одинъ изъ чиновниковъ позвалъ человѣка и заказалъ бутылку шампанскаго.

Когда подали шампанское, оба чиновника встали и подняли бокалы.

— Мы ѣздили въ Москву васъ слушать, Федоръ Иванычъ, и каждый день вспоминаемъ о вашемъ спектаклѣ съ восторгомъ. Но, простите, Федоръ Иванычъ,

мы слышали, что вы другъ Горькаго. Другъ этого лжеца и клеветника Россіи. Неужели это правда?

Шаляпинъ поблѣднѣлъ.

— Мы, очевидно, съ вами разные люди. Мнѣ непріятно слышать про Алексѣя Максимовича, что онъ лжецъ и клеветникъ. Вамъ, вѣроятно, не нравится та правда, которую онъ говоритъ.

Шаляпинъ отвернулся отъ чиновниковъ, позвалъ человѣка и коротко сказалъ мнѣ:

— Заплати.

Я расплатился по счету. Шаляпинъ молчалъ, ждалъ.

— Пойдемъ.

И мы ушли, не дотронувшись до шампанскаго.

— Вотъ, видишь, — сказалъ мнѣ дорогой Шаляпинъ, — жить же нельзя въ этой странѣ.

***

Мы шли, спускаясь къ Волгѣ. Шаляпинъ велъ меня по берегу мимо безконечныхъ пристаней. Потомъ вдругъ сказалъ:

— Зайдемъ сюда.

Проходя мимо бочекъ и всюду наваленнаго товара, мы подошли къ рыбной лавкѣ. Лавочникъ по приказанію Шаляпина взялъ ножикъ, вытеръ о фартукъ и вытянулъ осетра изо льда. Осетръ открывалъ ротъ. Лавочникъ бросилъ его на столъ и полоснулъ ножемъ по животу. Показалась икра. Лавочникъ выгребъ ее ложкой въ миску, поставилъ миску и соль въ буракѣ передъ Шаляпинымъ и подалъ калачи. Шаляпинъ шепотью посолилъ икру въ мискѣ и сказалъ:

— Ѣшь, вотъ это настоящая.

Мы ѣли зернистую икру съ калачемъ.

— Это еще не бѣлужья, — говорилъ Шаляпинъ, от-

кусывая калачъ. — Настоящая то, вѣдь, бѣлужья, зернистая.

— Бѣлужьей нѣтъ, — сказалъ рыбникъ. — Бѣлужья болѣ заграницу идетъ. Бѣлужья дорога. У насъ въ Ярославлѣ бѣлужьей не достать. Въ Питерѣ, Москвѣ еще можно.

**
*

Всю дорогу до Теляковскаго Шаляпинъ проспалъ въ каютѣ.

Теляковскій обрадовался Шаляпину. За обѣдомъ былъ священникъ сосѣдняго села и двѣ гувернантки — англичанка и француженка. Видно было, что Шаляпинъ имъ понравился. Съ англичанкой онъ заговорилъ на англійскомъ языкѣ. Та разсмѣялась. Шаляпинъ не зналъ по англійски и несъ чепуху, подражая произношенію англичанъ.

Черезъ два дня мы уѣхали. Возвращались опять на пароходѣ «Самолетъ».

Стоялъ ясный, лѣтній день. Далеко разстилалась Волга, заворачивая за лѣсные берега, по которымъ были разбросаны деревни, села и блестѣли купола церквей.

Мы съ Шаляпинымъ сѣли за столъ въ салонѣ перваго класса. Шаляпинъ заказалъ чай. Снялъ картузъ и салфетку бросилъ себѣ черезъ плечо на поддевку. Налилъ чай изъ стакана въ блюдце, взялъ его всей пятерней и мелко откусывая сахаръ и дуя въ блюдце, говорилъ:

— Швырокъ то нонѣ въ цѣнѣ. Три сорокъ, не приступись. У Гаврюхина швырку досыта собака наѣстся. Не проворотишь. Да вѣдь кому какъ. Хоть въ лепешку разстелись, а Семену крышка.

Я подумалъ:

Чего это Федоръ раздѣлываетъ? Купца волжскаго — дровяника.

Всѣ пассажиры смотрѣли на насъ. Входили въ салонъ дамы и съ удивленіемъ оглядывали Шаляпина.

Я вышелъ изъ салона на палубу. Прошла какая то женщина въ нарядной шляпѣ. За ней — мужъ, держа за руку мальчика. Мужъ, догоняя жену, говорилъ.

— Это не онъ. Не онъ, увѣряю тебя.

— Нѣтъ, онъ, — отвѣчала жена. — Онъ. Я его узнала.

— Да не онъ же! Что ты!

— Перестань, я знаю.

Они обошли кругомъ по палубѣ. И когда приблизились опять къ салону, гдѣ сидѣлъ и пилъ чай Шаляпинъ, женщина вновь бросила взглядъ въ окно и съ увѣренностью сказала:

— Онъ.

Мужъ, поравнявшись со мной, пріостановился и робко спросилъ:

— Извините, вотъ вы въ рубкѣ сидѣли съ этимъ высокимъ, чай пили, — что это Шаляпинъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я. — Купецъ. Дрова по Волгѣ скупаетъ...

Когда я вошелъ въ салонъ, Шаляпинъ продолжалъ пить чай изъ блюдца и салфеткой вытирать потъ съ лица и со лба. Я опять подсѣлъ къ нему. Онъ тотчасъ же сталъ снова дурить.

— Неча гнаться. Швырокъ-отъ погодитъ. Не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ. Пымаемъ. Нашъ будетъ. Въ Нижнемъ скажу, такъ узнаетъ Афросимова. Онъ еще поплачетъ. Погоди.

— Довольно. Федя, — шепнулъ я. — Тебя же узнали.

— А куда ему есеныть до Блудова? Блудовскій капиталъ не перешибетъ, онъ теперь на торфъ переходитъ. Онъ те имъ покажетъ. Въ ногахъ поваляются. Возьми швырокъ, возьми. Вотъ тогда то за два двадцать отдадутъ.

А то безъ портокъ пуститъ. Блудова то я знаю.

— Довольно же! — вновь тихо сказалъ я.

— Чортъ съ ними!

Пароходъ подходилъ къ пристани. Показался большой монастырь. Черными пятнами на фонѣ свѣтлыхъ стѣнъ казались монахи. На пристани шелъ молебенъ.

Пароходъ причалилъ къ пристани. На берегу остановили молебенъ, произошло какое то движеніе. На пристань вышли священникъ, дьяконъ съ кадиломъ, столпились монахи. Всѣ смотрѣли во всѣ глаза на пароходъ. Въ толпѣ слышалось: «Шаляпинъ, Шаляпинъ! Гдѣ онъ?».

***

Федоръ Ивановичъ ушелъ и заперся въ каютѣ.

Пароходъ подошелъ къ Ярославлю.

Я постучался въ каюту къ Шаляпину.

— Выходи, пріѣхали.

— Погоди, — отвѣтилъ мнѣ изъ за двери Шаляпинъ, — пускай разойдутся. Ну ихъ къ чорту. Послѣ второго свистка я выйду...

Шаляпинъ, когда сходилъ съ парохода, взялъ мою шляпу, а мнѣ далъ свой чесучевый картузъ. На берегу, быстро прошелъ къ лодочнику, взялъ лодку, крикнулъ — «Садись» — и навалился на весла.

Лодка быстро проскользнула мимо всякихъ суденышекъ и барокъ на волжскій просторъ. Шаляпинъ расхохотался.

— Вотъ катавасія!.. Покою нѣтъ! И что я имъ далъ?

Онъ ловко управлялъ лодкой. Свѣтлыя рѣсницы его блестѣли на солнцѣ.

— Вотъ, мы сейчасъ пріѣдемъ. Константинъ. Я покажу тебѣ знакомый трактиръ. Поѣдимъ настоящихъ разстегаевъ съ севрюгой.

Шаляпинъ быстро вытащилъ лодку на отлогій берегъ, и мы пошли по тропинкѣ къ дорогѣ. Шаляпинъ взялъ у меня картузъ и отдалъ мнѣ шляпу. Справа отъ дороги была навалена масса бревенъ. Шаляпинъ шагалъ широко и ловко. Глядя на него, я подумалъ:

— А страшновато, должно быть, не зная — кто онъ, встрѣтиться въ глухомъ мѣстѣ съ этакимъ молодцомъ со свѣтлыми рѣсницами. Въ его огромномъ ростѣ, сильныхъ движеніяхъ, была нѣкая разбойничья удаль.

— Вотъ онъ, трактиръ, за бугромъ, — сказалъ Шаляпинъ.

**
*

Мы подошли къ двухэтажному деревянному дому. Сбоку у входа на большой вывѣскѣ вкривь и вкось было написано: «Трактиръ».

По деревянной лѣстницѣ поднялись во второй этажъ. Пахнуло чаемъ и квасомъ. Въ трактирѣ было мало народу.

Сѣли у окна, за столикомъ. Подошелъ половой. Шаляпинъ заказалъ разстегаи. Изъ за стойки смотрѣлъ на насъ краснорожій, съ черной бородой, трактирщикъ. Проборъ посерединѣ, кудрявые волосы блестѣли отъ помады.

— Это сынъ, должно быть, — сказалъ мнѣ Шаляпинъ. — А трактирщикъ старикъ видно померъ.

Разстегаи — горячіе, масляные, съ рыбой, — были дѣйствительно замѣчательные. Половой подалъ водку.

— Можетъ, вамъ анисовой, аль березовой? — крикнулъ намъ изъ за стойки трактирщикъ.

— Давай березовой, — въ тонъ ему отозвался Шаляпинъ. — А ты не сынъ ли будешь Петра Гаврилова?

— Сынъ. А вы что — отца знали?

Трактирщикъ, выйдя изъ за стойки, подошелъ къ намъ.

— Присядь, — сказалъ Шаляпинъ.

— Илюшка! — крикнулъ хозяинъ. — Ну-ка, подай тешку балыковую. Гости хорошіе. А вы ярославскіе, али какъ?

— Былъ ярославскій, а теперь въ Москвѣ живу, — отвѣтилъ Шаляпинъ.

— А при какомъ дѣлѣ? — спросилъ трактирщикъ.

— Дровами торгую.

— Такъ, такъ. Чего-жъ, дѣло хорошее. Бывали, значитъ, при отцѣ?..

Трактирщикъ какъ то хитро и испытующе посмотрѣлъ на насъ.

— Такъ, такъ... У меня третьеводни какое дѣло вышло. Тоже пришли молодцы этакіе, одѣты по богатому. Пили, вотъ пили. Такой разгулъ завели. Вдругъ полиція; да сколько! — прямо на пароходѣ причалили — и всѣхъ ихъ забрали. Самые что ни на есть мошенники. Вотъ, которые въ карты по пароходамъ обыгрываютъ. Одинъ все таки убѣжалъ. Говорятъ главный... Вотъ, покушайте-ка тешечки, — сказалъ трактирщикъ, — первый сортъ.

**
*

Въ трактиръ ввалилась толпа здоровыхъ, загорѣлыхъ, въ бѣлыхъ рубахахъ и лаптяхъ, людей.

— Бурлачье — презрительно сказалъ хозяинъ. — Илюшка, отворяй окошки, а то воздухъ испортятъ.

Бурлаки, шумно смѣясь и бранясь, заняли столы и скамейки. Кричали:

— Давай щи жирныи, поглядывай! Сморчиши не дай, а то на голову выльемъ!

Бурлаковъ все прибывало. Толпой у стойки они пили водку. Половые подавали щи въ большихъ деревянныхъ мискахъ. Появился, съ завязаннымъ глазомъ, гармонистъ и сѣлъ въ сторонкѣ.

Наступила тишина: бурлаки хлебали щи молча. Никто изъ нихъ на насъ не обратилъ никакого вниманія. Изъ кувшиновъ разливали квасъ. Нѣкоторые пили водку.

Похлебавъ щей, сразу всѣ заговорили. И опять замолчали, когда подали бѣлужину.

— Ну, что-жъ ты, играй, въ ротъ тѣ ноги! Запузыривай!

Гармонистъ запѣлъ, подыгривая на гармоніи:

«Вотъ и баринъ въ шляпѣ ходитъ,
У кобылы чего проситъ».

Пѣсня была непристойная до невозможности. Шаляпинъ всталъ, подошелъ къ стойкѣ и спросилъ у хозяина карандашъ и бумагу. Вернувшись къ столу, сказалъ:

— Надо, братъ, это записать, больно здорово.

Вытащивъ кошели, бурлаки бросали деньги въ шапку, — собиралъ одинъ. Сосчитавъ деньги, онъ пошелъ къ стойкѣ платить хозяину и далъ нѣсколько мѣдяковъ гармонисту.

Бурлаки всѣ разомъ поднялись и вышли. Было видно изъ окна, какъ они бѣгомъ бѣжали по дорогѣ и завернули за бугоръ къ Волгѣ.

Гармонистъ подошелъ къ намъ и протянулъ картузъ:

— Ну-ка, дай ему двугривенный, — сказалъ Шаляпинъ.

Я далъ гармонисту полтинникъ и спросилъ:

— Отчего пѣсни все похабныя такія поете?

— Э... — покачавъ головой, отвѣтилъ гармонистъ, — другихъ то слухать не будутъ. Это бурлаки, тверскіе,

самый озорной народъ. Барки тянутъ. А вотъ лѣсъ которые гонятъ, — архангельскіе, съ поморья, — тѣ старовѣры, тѣмъ не споешь этакихъ пѣсенъ, морду набьютъ. Тѣмъ духовныя подавай.

**
*

Мы пошли обратно по дорогѣ къ лодкѣ. У самой воды насъ догналъ полицейскій и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Простите за безпокойство, — не я прошу, а служба велитъ, — позвольте узнать ваше званіе.

Ни у меня, ни у Шаляпина паспортовъ съ собой не было. У меня была въ карманѣ только бумага на право писанія съ натуры. Я далъ ее полицейскому.

— Очень хорошо-съ.

— А онъ, — показалъ я на Шаляпина, — артистъ императорскихъ театровъ, Федоръ Ивановичъ Шаляпинъ.

— Какъ-съ? Да неужели? Господинъ Шаляпинъ! Вотъ вѣдь что, Господи! Въ Нижнемъ то вы пѣли, я былъ при театрѣ тогда въ нарядѣ. Эхъ, вѣдь я въ пяти верстахъ живу отсюда. Сейчасъ пару достану. Ежели бы ко мнѣ, судакомъ отварнымъ, съ капорцами соусъ, угостилъ бы васъ.

— Давайте адресъ, мы какъ нибудь пріѣдемъ, — сказалъ Шаляпинъ.

— Сдѣлайте радость, господинъ Шаляпинъ, и карточку вашу захватите, пожалуйста.

Онъ вырвалъ изъ книжечки бумажку и записалъ адресъ.

— Ежели милость будетъ, черкните дня за два. Я всегда по берегу здѣсь. Мы вѣдь береговая полиція.

— А какихъ это вы жуликовъ третьяго дня поймали здѣсь? — спросилъ Шаляпинъ.

— Шулера это. На пароходахъ обыгрываютъ. Главный-то изъ рукъ ушелъ. Прямо въ землю провалился. Привели на пароходъ, онъ и пропалъ. А у него всѣ деньги. А тѣхъ тоже выпустили. Знаемъ, а доказать нельзя...

***

Вернувшись въ Ярославль, мы поѣхали на вокзалъ. До поѣзда оставалось полтора часа. На вокзалѣ было пусто. Мы сѣли за большой столъ, спросили чаю. Вскорѣ вошелъ какой то господинъ, низенькаго роста, въ пальто, въ котелкѣ, съ зонтикомъ. На носу у него было золотое пенснэ. Тщательно расчесанная бородка. Сзади него шли двое опрятно одѣтыхъ рабочихъ. Несли доброй кожи чемоданы, пестрый плэдъ. Незнакомецъ блеснувъ стеклами, внимательно посмотрѣлъ на Шаляпина, сѣлъ за столъ напротивъ насъ и тоже спросилъ чаю. Рабочіе поставили около него чемоданы и, поклонившись, ушли. Видно было, что это какой то богатый фабрикантъ.

Шаляпинъ, попивая чай, пристально поглядывалъ на него. Тотъ, видимо, нѣсколько смутился.

Вдругъ Шаляпинъ спросилъ:

— Яшка, ты что же не узнаешь меня?

Сосѣдъ, испуганно взглянувъ на Шаляпина, быстро отвѣтилъ:

— Я не Яшка и я васъ не знаю.

— Смотри, — обратившись ко мнѣ, сказалъ Шаляпинъ, — не узнаетъ. А вмѣстѣ со мной въ острогѣ сидѣлъ, въ Нижнемъ.

— Вы ошибаетесь. Я васъ не понимаю. Какое вы имѣете право оскорблять меня?

— Вотъ сукинъ сынъ! — не унимался Шаляпинъ. — Не узнаетъ! И имя навѣрное, перемѣнилъ.

— Милостивый государь, я васъ прошу оставить меня въ покоѣ. Я буду на васъ жаловаться жандарму.

— Не будешь! Отъ воинской повинности бѣгалъ, самъ мнѣ сознавался.

Сосѣдъ вскочилъ изъ за стола, бросилъ монету и, схвативъ чемоданы и плэдъ, быстро вышелъ изъ буфета. Въ окно мы видѣли, какъ онъ взялъ у станціи извозчика и уѣхалъ.

— Что такое, Федя, — спросилъ я, — ты его знаешь?

— Нѣтъ, — смѣясь отвѣтилъ Шаляпинъ. — Въ глаза никогда не видѣлъ.

— Что же это такое?

Шаляпинъ смѣялся.

***

Шаляпинъ лежалъ въ купэ противъ меня. Дверь купэ отворилась. Вошелъ контролеръ съ кондукторомъ. Шаляпинъ, закрывъ глаза, похрапывалъ.

— Вашъ билетъ, — спросилъ контролеръ.

Я далъ ему билетъ и толкнулъ Шаляпина. Онъ не пошевелился. Я покачалъ его за плечо. Онъ, сонными глазами, точно не вполнѣ проснувшись, взглянулъ на контролера и сталъ искать билетъ по карманамъ.

Контролеръ нетерпѣливо переминался съ ноги на ногу.

Шаляпинъ, глядя на него сонными глазами, спросилъ:

— А Кіевъ скоро?

— Какой Кіевъ? На Москву ѣдете.

— Да неужели? — удивился Шаляпинъ.

Контролеръ ушелъ обидѣвшись.

На слѣдующей станціи къ намъ въ купэ вошли: контролеръ, кондукторъ и жандармъ:

— Вашъ билетъ, — потребовалъ кондукторъ.

Шаляпинъ сталъ снова шарить по карманамъ.

— Вы куда ѣдете? — спросилъ жандармъ.

— А вамъ что?

— Пожалуйте на станцію.

— Чего бы я туда сталъ ходить? Мнѣ и здѣсь хорошо...

Всѣ ушли.

Мы проѣхали еще нѣсколько станцій. У Троице-Сергія къ намъ въ купэ явились: контролеръ и съ нимъ уже два жандарма и кондукторъ.

— Вашъ билетъ, — спросилъ жандармъ.

Шаляпинъ небрежно вынулъ изъ жилетнаго кармана билетъ и далъ.

— Позвольте вашъ видъ и ваше мѣстожительство.

— У меня нѣтъ съ собой паспорта, а мѣстожительство въ Москвѣ. На Новинскомъ бульварѣ свой домъ.

— Пожалуйте на станцію, подписать протоколъ.

Шаляпинъ съ важнымъ видомъ поднялся съ мѣста и пошелъ къ дверямъ. На станціи онъ спросилъ жалобную книгу и написалъ въ ней, что не понимаетъ, почему напрасно пассажировъ будятъ въ купэ такомъ-то, номеръ вагона такой-то, и пугаютъ толпой полиціи и жандармовъ. Онъ просилъ господина министра, князя Хилкова, обратить вниманіе на это безобразіе.

Мы опять сѣли въ вагонъ и поѣхали. Передъ Москвой въ купэ пришелъ оберъ-кондукторъ. Онъ былъ испуганъ и огорченно и заискивающе сказалъ Шаляпину:

— Вѣдь это, конечно, безпокойство причиняютъ, но я то тутъ, вѣрьте слову, непричемъ...

Шаляпинъ милостиво кивнулъ головой и записалъ его фамилію и адресъ.

— Знаю, знаю, любезный... Не безпокойся, ничего не будетъ...

ВЪ КРЫМУ.

Въ Крыму, въ Гурзуфѣ, у моря, я построилъ себѣ домъ въ четырнадцать комнатъ. Домъ былъ хорошій. Когда вы просыпались, то видѣли розы съ балкона и синее море.

Впрочемъ, какъ ни прекрасенъ былъ Гурзуфъ, но я все же любилъ больше мой деревенскій домъ, среди высокихъ елей моей прекрасной родины.

Шаляпинъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Крымъ. И не одинъ. Съ нимъ были: Скиталецъ, Горькій и еще кто-то.

Я пригласилъ спеціальнаго повара, такъ какъ Шаляпинъ сказалъ:

— Я хотѣлъ бы съѣсть шашлыкъ настоящій и люли кебабъ.

**
*

Изъ оконъ моей столовой было видно, какъ громоздились пригорки Гурзуфа, съ одинокой виллой наверху. За завтракомъ Шаляпинъ серьезно сказалъ:

— Вотъ эту гору я покупаю и буду здѣсь жить.

И послѣ завтрака пошелъ смотрѣть понравившіяся ему мѣста. Его сопровождалъ грекъ Месалиди, который поставлялъ мнѣ камень для постройки дома.

Вернувшись, Шаляпинъ прошелъ на террасу, — она была очень просторна и выходила къ самому морю; надъ

ней былъ трельяжъ, покрытый виноградомъ. За Шаляпинымъ слѣдовала цѣлая толпа людей.

Когда я вышелъ на террасу — Шаляпинъ лежалъ въ качалкѣ. Кругомъ него стояли Месалиди, какіе-то татары и околодочный Романовъ, съ заспаннымъ круглымъ лицомъ и охрипшимъ голосомъ; шло совѣщаніе.

Съ террасы были видны Одалары, — двѣ большія скалы, выступающія изъ моря — «пустынныя скалы».

На скалахъ этихъ никто не жилъ. Только со свистомъ летали стрижи. Тамъ не было ни воды, ни растительности.

— Рѣшено. Эти скалы я покупаю, — сказалъ Шаляпинъ.

— На что онѣ вамъ? — возразилъ околодочный Романовъ. — Вѣдь онѣ налетныя. Тамъ воды нѣтъ.

Шаляпинъ досадливо поморщился.

Я ушелъ, не желая мѣшать обсужденію серьезныхъ дѣлъ.

Съ этого дня Шаляпинъ забылъ и Горькаго и друзей, каждый день ѣздилъ на лодкѣ на эти скалы и только объ нихъ и говорилъ.

Пріятель его, Скиталецъ, цѣлые дни проводилъ въ моей комнатѣ. Сказалъ, что ему нравится мой столъ — писать удобно. Онъ сидѣлъ и писалъ. Писалъ и пѣлъ.

Сбоку на столѣ стояло пиво, красное вино и лимонадъ. Когда я зачѣмъ нибудь входилъ въ комнату — онъ бывалъ не очень доволенъ...

Разъ я его увидалъ спящимъ на моей постели. Тогда я перетащилъ свой большой столъ въ комнату, которую отвелъ ему...

***

Вскорѣ Горькій и другіе пріятели Шаляпина уѣхали,

а онъ отправился въ Ялту, узнавать, какъ ему получить отъ казны Одалары.

Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Въ чемъ дѣло? Я же хочу пріобрѣсти эти Одалары.

— Но на нихъ вѣдь нельзя жить. Это же голыя скалы.

— Я ихъ взорву и сдѣлаю площадки. Воду проведу. Разведу сады.

— На камнѣ то?

— Нѣтъ-съ, привезу черноземъ, — не безпокойтесь, я знаю. Ты мнѣ построишь тамъ виллу, а я у Сухомлинова попрошу старыя пушки.

— Зачѣмъ же пушки? — удивился я.

— А за тѣмъ, чтобы ко мнѣ не лѣзли эти разные корреспонденты, репортеры. Я хочу жить одинъ, понимаешь-ли, одинъ.

— Но вѣдь въ бурю, Федя, ты недѣлями будешь лишенъ возможности пріѣхать сюда, на берегъ.

— Ну, нѣтъ-съ. Проѣду. Я велю прорыть подъ проливомъ туннель на берегъ.

— Какъ же ты можешь пробить туннель? Берегъ-то чужой! Ты станешь вылѣзать изъ туннеля, а хозяинъ земли тебя по макушкѣ — куда лѣзешь, земля моя!..

Шаляпинъ разсердился.

— То есть, какъ же это, позволь?

— Да такъ же! Онъ съ тебя возьметъ за кусокъ земли, куда выйдетъ твой туннель. тысячъ сто въ годъ.

— Ну вотъ, я такъ и зналъ! Въ этой же странѣ жить нельзя!.. Тогда я сдѣлаю бассейнъ, привезу воду.

— Бассейнъ? — усомнился я. — Вода протухнетъ.

Шаляпинъ съ досадой махнулъ рукой и велѣлъ позвать околодочнаго Романова. — въ послѣднее время тотъ сталъ его закадычнымъ пріятелемъ.

Они чуть не каждый день ѣздили на лодкѣ на Одалары. Съ Одаларъ Романовъ возвращался еле можаху

и шелъ спать въ лодку, которыхъ много на берегу моря.

Встрѣтивъ меня на улицѣ, Романовъ однажды сказалъ мнѣ охрипшимъ голосомъ:

— Федоръ Иванычъ, вѣдь это что — богъ! Прямо богъ! Вотъ какой человѣкъ. Погодите. Увидите, кѣмъ Романовъ будетъ. У Ялты ловятъ. Кто ловитъ? Жандармы ловятъ. Кого ловятъ? Политическаго ловятъ. А Федоръ Иванычъ мнѣ говоритъ: «Погоди, Романовъ, я тебѣ покажу настоящаго политическаго». Поняли? Покажетъ. А я его безъ жандармовъ, за жабры. Кто поймалъ? Романовъ поймалъ. Околодочный поймалъ. Поняли? До самого дойдетъ, тогда кто Романовъ будетъ?

Я улыбнулся.

— А отчего это у васъ голосъ хриплый, Романовъ?

— Какъ, отчего? Кто день и ночь работаетъ? Романовъ. Въ трактирѣ, въ распивочной, всюду чортомъ надо орать. Глядите-ка, у меня на шеѣ какая царапина. Все — озорство. Въ кордегардію сажать надо. Мученье!.. Ну, конечно, и выпьешь, безъ этого нельзя.

**
*

— Какого ты политическаго преступника хочешь показать Романову? — спросилъ я Шаляпина.

Шаляпинъ расхохотался.

— Жаловался мнѣ Романовъ, что повышенія нѣтъ по службѣ. — «Двѣнадцать лѣтъ мучаюсь, а вотъ шишъ. А мундиръ надо шить. Государь скоро въ Ливадію пріѣзжаетъ. Встрѣчать надо. Жандармы понаѣхали, политическихъ ловятъ. Вотъ-бы мнѣ!» — Я ему и сказалъ: «Я покажу тебѣ, Романовъ, политическаго». Хочу показать ему одного извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго. Тотъ его вздрючитъ.

И Шаляпинъ весело смѣялся...

**
*

Въ тѣ же дни изъ Суукъ-Су въ коляскѣ пріѣхала дама. Высокая, нарядная. Поднесла Шаляпину великолѣпную корзину цвѣтовъ, и другую — съ персиками и абрикосами. Просила его пріѣхать къ ней въ Суукъ-Су къ обѣду.

Шаляпинъ, узнавъ, что она владѣлица Суукъ-Су, поѣхалъ.

Было много гостей. Шаляпинъ много пѣлъ и очаровалъ дамъ.

Ночью, на возвышенномъ берегу моря, около Суукъ-Су былъ зажженъ фейерверкъ и устроенъ большой пикникъ. Лилось шампанское, гости бросали бокалы со скалы въ море, ѣздили на лодкѣ, при факелахъ, показывать Шаляпину гротъ Пушкина.

Хозяйка Суукъ-Су сказала:

— Эту землю, надъ гротомъ великаго поэта, я прошу васъ принять отъ меня въ даръ, Федоръ Иванычъ. Это ваше мѣсто. Вы построите здѣсь себѣ виллу.

Шаляпинъ былъ въ восхищеніи и остался въ Суукъ-Су.

На другой день утромъ у него уже былъ нотаріусъ и писалъ дарственную. Одалары были забыты.

Шаляпинъ говорилъ:

— Надо торопиться. Я остаюсь здѣсь жить.

Позвалъ Месалиди и сейчасъ же велѣлъ строить стѣну, ограждающую его землю.

И всю ночь до утра просидѣлъ со мной надъ бумагой, объясняя, какой онъ хочетъ построить себѣ домъ. А я слушалъ и рисовалъ.

— Нарисуй мнѣ и подземный ходъ къ морю. Тамъ постоянно будетъ стоять яхта, чтобы я могъ уѣхать, когда хочу...

Странная вещь: Шаляпинъ всегда точно кого-то боялся...

**
*

Нужно ли говорить, что шаляпинская вилла такъ таки никогда не была посторена.

Во время Керенскаго я былъ въ Гурзуфѣ. Месалиди жаловался мнѣ, что на письма его Шаляпинъ ничего не отвѣчаетъ. И сталъ разбирать стѣну...

«МІРЪ ИСКУССТВА». — ШАЛЯПИНЪ ЗАГРАНИЦЕЙ.

Въ 1898 году въ Петербургѣ, въ квартиру Мамонтова, гдѣ я останавливался, пришелъ молодой человѣкъ, элегантно одѣтый. Волосы его были тщательно расчесаны; впереди бѣлѣла прядь сѣдыхъ волосъ.

— Я былъ въ Москвѣ, — сказалъ онъ, — познакомился съ Сѣровымъ и онъ мнѣ далъ вашъ петербургскій адресъ. Видите-ли: я хочу издавать художественный журналъ, и мнѣ нужно ваше участіе. Въ журналѣ будетъ также отдѣлъ иностранной живописи. Въ русскомъ художествѣ начинается новая эра, представителями которой являетесь вы, Врубель, Левитанъ, Сѣровъ, — московское теченіе въ искусствѣ.

Въ это время въ комнату вошелъ С. И. Мамонтовъ.

— Вотъ какая интересная мысль, — сказалъ я, — издавать художественный журналъ.

Савва Иванычъ протянулъ руку молодому человѣку. Тотъ назвалъ себя: Дягилевъ.

С. И. Мамонтовъ повелъ насъ завтракать къ Кюба. Отъ Кюба я поѣхалъ къ Дягилеву.

Дягилевъ занималъ со своимъ отцомъ небольшую квартиру. Отецъ его былъ добродушнаго вида, уже пожилой. военный генералъ. Дягилевъ показалъ мнѣ небольшія картины: этюдъ Шишкина, рисунокъ Левитана, Клевера. И сказалъ мнѣ, что денегъ для изданія журнала у него нѣтъ. Но все, что онъ говорилъ про журналъ,

который онъ хотѣлъ издавать, было очень интересно.

На слѣдующій день Мамонтовъ сказалъ:

— А этотъ молодой баринъ очень энергичный человѣкъ. Денегъ, вѣроятно, у него нѣтъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я. — Онъ мнѣ это сказалъ.

При слѣдующей встрѣчѣ Мамонтовъ позвалъ Дягилева въ Москву. Тамъ, у Саввы Иваныча, онъ познакомился съ Васнецовымъ, Врубелемъ, Шаляпинымъ. Всѣ нашли его образованнымъ и интереснымъ человѣкомъ.

Мамонтовъ далъ Дягилеву деньги для изданія, и я сдѣлалъ ему первую обложку для журнала и декоративныя иллюстраціи въ краскахъ.

Редакція новаго журнала помѣщалась въ одной изъ небольшихъ комнатъ скромной квартиры Дягилева. Тутъ я познакомился съ его пріятелями: Нувель, его братомъ, Розановымъ, Мережковскими.

Вскорѣ вышелъ и первый номеръ журнала «Міръ Искусства»...

***

Въ 1899 году я, какъ уже знаетъ читатель, получилъ приглашеніе отъ князя Тенишева. — сдѣлать проектъ русскаго отдѣла «Окраины Россіи на всемірной парижской выставкѣ 1900 года», — и весной уѣхалъ въ Среднюю Азію, а потомъ на крайній Сѣверъ, чтобы сдѣлать на мѣстахъ большія панно.

Въ тѣ же времена (нѣсколько позже) Дягилевъ познакомилъ Парижъ съ Шаляпинымъ. который имѣлъ колоссальный успѣхъ въ «Борисѣ Годуновѣ».

Съ этого времени Европа узнала Шаляпина и оцѣнила его. Онъ пѣлъ въ разныхъ странахъ.

**
*

Я поѣхалъ лѣчиться въ Виши, и Шаляпинъ, узнавъ, что я тамъ, тоже пріѣхалъ въ Виши.

Дирекція городского театра, освѣдомившись о пріѣздѣ Шаляпина, предложила ему спѣть въ театрѣ Виши оперу «Донъ Кихотъ» Массенэ.

Я присутствовалъ въ театрѣ. Появленіе Шаляпина на спенѣ вызвало восторженные аплодисменты. Я замѣтилъ, что Шаляпинъ поблѣднѣлъ, — оказалось: въ эту минуту онъ увидѣлъ, что въ будкѣ нѣтъ суфлера, а спектакль шелъ по французски.

И Шаляпинъ спѣлъ весь спектакль на французскомъ языкѣ, безъ суфлера.

Онъ говорилъ мнѣ послѣ спектакля:

— Ты не можешь представить, какой ужасъ охватилъ меня, когда я увидѣлъ, что нѣтъ суфлера. Я самъ удивляюсь, какъ я могъ ничего не спутать и пѣть. Въ первый разъ пришлось пережить такое испытаніе...

Въ Виши я написалъ съ Шаляпина портретъ.

**
*

Однажды ко мнѣ въ комнату забрался сверчокъ, да такой голосистый, что я не зналъ, какъ отъ него избавиться. Неизвѣстно было, гдѣ онъ стрекочетъ. Не давалъ спать. Я жаловался Шаляпину. Тотъ долго слушалъ сверчка и сказалъ:

— Вотъ, онъ тутъ, въ углу. — Шаляпинъ показалъ на полъ. — Давай воду.

Шаляпинъ взялъ графинъ и сталъ поливать полъ. Но сверчокъ не унимался.

Тогда Шаляпинъ рѣшилъ, что ошибся, взялъ съ

Шаляпинъ — «Донъ-Кихотъ» (опера Масснэ). Костюмъ — по эскизу А. Я. Головина.

умывальника кувшинъ и сталъ поливать полъ въ другомъ мѣстѣ.

Сверчокъ какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ пѣть.

— Что такое! — изумился Федоръ Ивановичъ и поднялъ глаза къ потолку.

— Слышишь? Вѣдь онъ на потолкѣ!

— Ну, брось, Федя, — сказалъ я.

— Нѣтъ, постой, я его найду...

Я ушелъ пить воды.

Когда я вернулся и вошелъ въ комнату, то увидѣлъ, что Шаляпинъ мирно спитъ на моей постели, а сверчокъ сидитъ на его согнутомъ колѣнѣ и стрекочетъ.

Я поймалъ сверчка въ платокъ. Это былъ небольшой сѣрый кузнечикъ. Шаляпинъ попросилъ, чтобы я отдалъ сверчка ему.

— Я его возьму къ себѣ въ Россію. Я люблю, когда кричитъ сверчокъ. Пущу его на печку или въ баню. У насъ нѣтъ такихъ голосистыхъ.

Шаляпинъ взялъ коробку, наложилъ травы, сдѣлалъ дырочки для воздуха и унесъ.

Въ Россіи я его какъ-то спросилъ:

— А какъ же сверчокъ то изъ Виши?

— Представь, я его въ гостиницѣ забылъ. Какая досада.

ДОМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Въ Россіи Шаляпинъ купилъ лѣсное имѣніе на рѣчкѣ Нерлѣ.

Сначала просилъ меня, чтобы я уступилъ ему мой домъ. — Хотѣлъ жить, какъ я — въ деревнѣ. И я по просьбѣ Теляковскаго уже готовъ былъ согласиться, но оказалось, что домъ мой малъ.

Тогда я сдѣлалъ для Шаляпина проектъ большого дома. Сѣровъ, взглянувъ на него, съ улыбкой сказалъ:

— Строить хотите теремъ высокій?

— Да, — отвѣтилъ я, — наверху крутой горы знаменитый жилъ бояринъ, по прозванью Карачунъ.

Мѣсто, гдѣ строился домъ Шаляпина по моему проекту, называлось «Ратухино». Строилъ его архитекторъ Мазыринъ, по прозвищу Анчутка. Шаляпинъ принималъ горячее участіе въ постройкѣ, и они съ Мазыринымъ сочинили безъ меня конюшни, коровники, сѣнной сарай, — огромныя, скучныя строенія, которыя Сѣровъ назвалъ «слоновники». Потомъ прорубали лѣсъ, чтобы открыть видъ.

Надъ рѣкой построили помостъ для рыбной ловли, огромную купальню. Походную палатку заказали вдвое больше, чѣмъ у меня, — и въ день открытія дачи позвали московскихъ гостей-друзей.

Новый домъ пахнулъ сосной.

Пріятель Федора Иваныча, Петруша Козновъ, здо-

роваясь ласково съ гостями, каждому на ухо говорилъ:

— Не пью.

За обѣдомъ были пельмени, но не удались. Федоръ Иванычъ огорчился и стукнулъ по столу кулакомъ. Вся посуда на большомъ столѣ подпрыгнула кверху и бряк-нувшись обратно на столъ — разбилась.

Шаляпинъ приказалъ выкатить бочки съ пивомъ для собравшихся на праздникъ крестьянъ окрестныхъ деревень. Пили водку, пиво, была колбаса, пироги, копченая тарань.

Федоръ Иванычъ сталъ говорить мужикамъ рѣчь. Тѣ кричали ура, но рѣчь не слушали, — было пьянымъ пьяно.

Вдобавокъ набѣжали тучи, разразилась гроза, проливной дождь, и съ потолка дачи въ столовой протекла вода.

Архитекторъ Анчутка, не проложившій деревянную крышу толемъ, захватилъ чемоданъ и убѣжалъ отъ грѣха на станцію. Федоръ Иванычъ въ сердцахъ послалъ за нимъ вдогонку верховыхъ, но тотъ гдѣ-то спрятался.

Шаляпинъ такъ разсердился, что сказалъ мнѣ и Сѣрову:

— Ѣдемъ въ Москву.

— А какъ же гости-то?

— Ѣдемъ!

И мы уѣхали въ Москву.

**
*

Съ тѣхъ поръ Шаляпинъ не пріѣзжалъ въ деревню болѣе года.

Кстати, когда уѣхали изъ деревни его супруга и дѣти, дачу обокрали. Выкрали мѣдную посуду, одѣяла. И украли все — сторожъ дачи.

— Вотъ видишь, — говорилъ мнѣ Федоръ Иванычъ, — въ этой же странѣ нельзя жить!..

На дачѣ остались собаки, огромные водолазы, которыхъ Шаляпинъ купилъ спеціально для того, чтобы никто не осмѣливался ходить черезъ его дворъ. Собаки, которыхъ управляющій кормилъ кониной, за годъ одичали однѣ въ лѣсу, и въ лѣсъ по грибы показаться нельзя было...

***

Шла война. Федоръ Иванычъ устроилъ въ своемъ московскомъ домѣ лазаретъ. Жена и его дочери были сестрами милосердія. Докторомъ онъ взялъ Ивана Иваныча Красовскаго.

Шаляпинъ любилъ свой лазаретъ. Бесѣдовалъ съ ранеными солдатами и приказывалъ ихъ кормить хорошо. Велѣлъ дѣлать пельмени по сибирски и часто ѣлъ съ ними вмѣстѣ, учась у нихъ пѣснямъ, которыя они пѣли въ деревнѣ. И самъ пѣлъ имъ деревенскія пѣсни. Когда пѣлъ:

«Ахъ ты Ванька, разудала голова,
На кого ты меня Ванька покидаешь,
На злого свекора...

то я видѣлъ, какъ раненые солдаты плакали.

ОКТЯБРЬ.

Государь отрекся. Въ управленіе страной вступило Временное Правительство. Назначались выборы въ Учредительное собраніе. Вся Россія волновалась. Вездѣ были митинги, говорили безъ конца.

Шаляпинъ пришелъ ко мнѣ взволнованный.

— Ерунда какая то идетъ. Никто же ничего не дѣлаетъ. Теляковскаго уже нѣтъ. Почему, въ сущности, онъ уволенъ? Управляющій — Собиновъ! Меня удивляетъ, зачѣмъ онъ пошелъ? Онъ артистъ. Управленіе театрами! Это не наше дѣло. Хора поетъ половина. Въ чемъ дѣло, вообще? Я не понимаю. Революція. Это улучшеніе, а выходитъ ухудшеніе. Молока нельзя достать. Почему я долженъ пѣть матросамъ, коннымъ матросамъ? Развѣ гдѣ нибудь есть конные матросы? Вообще, знаешь ли, обалдѣніе.

— Ты же раньше жаловался, Федя, что «въ этой странѣ жить нельзя», а теперь недоволенъ.

— То есть, позволь, но вѣдь это не то, что нужно.

— Вотъ-вотъ, каждый теперь говоритъ, что все не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Какъ же всѣхъ удовлетворить?

***

Вспыхнуло октябрьское возстаніе. Шаляпинъ былъ въ Москвѣ и приходилъ ко мнѣ ночевать. Былъ растерянъ, говорилъ:

— Это грабежъ, у меня все вино украли.

— Равенство, понимаешь-ли! Я долженъ получать, какъ рѣшилъ какой то Всерабисъ, 50 рублей въ день. Какъ же? Папиросы стоятъ двѣ пачки 50 рублей. Никто не можетъ получать больше другого. Да что, они съ ума сошли, что ли, сукины дѣти. Этотъ Васька Бѣловъ пришелъ ко мнѣ поздравлять съ революціей. Я говорю:

— Что ты дѣлаешь?

— Заборы, — говоритъ, — разбираю.

— Зачѣмъ?

— Топить.

— Сколько ты получаешь?

— Какъ прійдется, — говоритъ. — Я то разбираю, да продаю. Вотъ, прошлый мѣсяцъ 85 тысячъ взялъ.

— Я къ Луначарскому — а онъ мнѣ: «Я постараюсь вамъ прибавить, вы только пойте на заводахъ, тогда будете получать паекъ». Да что они, одурѣли, что ли?

— А что же Горькій-то, Алексѣй Максимычъ? Ты бы съ нимъ поговорилъ.

— Я и хочу ѣхать въ Петербургъ. Тамъ лучше. У Алексѣй Максимыча, говорятъ, въ комнатахъ поросята бѣгаютъ, гуси, куры. Здѣсь же жрать нечего. Собачину ѣдятъ, да и то достать негдѣ. Я, вообще, уѣду заграницу.

— Какъ же ты уѣдешь? А если не пустятъ? Да и поѣзда не ходятъ.

— То есть — какъ не пустятъ? Я просто вотъ такъ пойду, пѣшкомъ.

— Трудновато пѣшкомъ-то... да и убьютъ.

— Ну, пускай убиваютъ, вѣдь такъ же жить нельзя!.. Это откуда у тебя баранки?

На столѣ у меня лежали сухія баранки.

— Вчера съ юга пріѣхалъ Ангарскій. Я дѣлалъ ему

иллюстраціи къ русскимъ поэтамъ, такъ вотъ далъ мнѣ кусокъ сала и баранки.

Шаляпинъ взялъ со стола баранку, отрѣзалъ сала и сталъ ѣсть.

— А знаешь — сало хорошее, малороссійское.

Въ это время пришелъ докторъ Иванъ Иванычъ. На шинели доктора были нашиты для застежекъ большіе крючки. На застежкахъ привѣшены были грязные мѣшки. Въ одномъ — картошка, въ другомъ — мука, морковь. А мясо — ребра конины, — висѣло тоже на крючкѣ — грязное, завернутое въ рваную тряпку.

— Откуда ты? — спросилъ Шаляпинъ.

— Да вотъ, въ Лихоборахъ былъ, подъ Москвой. Досталъ кое-что, а то ѣсть нечего. Въ карманѣ масло растаяло.

Иванъ Иванычъ сталъ бережно вынимать пальцами изъ кармана кусочки масла и раскладывалъ по бумагѣ.

— Все потихоньку покупаешь, торопишься. Боятся продавать, запрещено, убьютъ. Въ оврагѣ, въ кустахъ дали, на виду нельзя.

— Это что же такое? — сказалъ Шаляпинъ, смотря вопросительно на меня и Ивана Иваныча.

— Что-же, Федоръ Иванычъ, вѣдь вы же радовались.

— Да вѣдь радовался! Это же все не то. А сколько же ты заплатилъ за это?

— Что заплатилъ? Пальто женино отдалъ, да платье шерстяное. Что заплатилъ? Мужики уже не берутъ денегъ. За полпуда муки, да двѣ щепотки соли — золотой браслетъ женинъ отдалъ третьяго дня.

**
*

На другой день Шаляпинъ уѣхалъ въ Петербургъ. Вскорѣ я получилъ отъ него письмо. Онъ звалъ меня

въ Петербургъ и прислалъ мандатъ на проѣздъ, подписанный Зиновьевымъ.

Но въ Петербургъ я не поѣхалъ, а спасаясь отъ голода, прожилъ зиму въ Тверской губерніи, гдѣ былъ хлѣбъ.

Въ это время объявили НЭП, т. е. новую экономическую политику, и я вновь переѣхалъ въ Москву.

Сразу открылись магазины и торговля. На рынкѣ появилось все.

Шаляпинъ тоже былъ въ Москвѣ. У него жилъ актеръ Мамонтъ Дальскій.

Однажды утромъ Дальскій явился ко мнѣ на квартиру. На порогѣ крикнулъ:

— Вотъ онъ!

Съ нимъ ввалилась цѣлая толпа вооруженныхъ людей въ шляпахъ, въ пиджакахъ, опоясанныхъ портупеями, на которыхъ висѣли сабли разныхъ видовъ, съ винтовками въ рукахъ.

Передъ этой невѣроятной толпой, Мамонтъ Дальскій, вставъ на одно колѣно, съ пафосомъ кричалъ:

— Вотъ онъ! Мы пріѣхали къ нему. Онъ нашъ. Если онъ хочетъ пить шампанское, то мы разрѣшаемъ ему пить шампанское. Мы анархисты. Мы не запрещаемъ личной жизни человѣка. Онъ свободенъ, но мы его арестуемъ сегодня... Вы должны ѣхать съ нами къ одному милліонеру, коотрый устроилъ въ своемъ домѣ музей. Желаетъ укрыться. Мы просимъ васъ поѣхать и осмотрѣть картины, — имѣютъ ли онѣ какую нибудь художественную цѣнность или нѣтъ.

Меня окружили анархисты. Повели по лѣстницѣ внизъ, усадили въ автомобиль. Дальскій сѣлъ со мной, его странные спутники — въ другіе машины.

Меня привезли на Москва-рѣку, въ домъ Харитоненко.

Картины были развѣшаны во второмъ этажѣ особняка.

Дальскій спросилъ:

— Ну, что?

— Это картины французской школы барбизонцевъ, — отвѣтилъ я. — Это Коро, это Добиньи.

Одинъ изъ анархистовъ, по фамиліи Ге, кажется, тоже артистъ, подошелъ вплотную къ картинамъ, прочиталъ подпись и сказалъ:

— Вѣрно.

Въ это время внизу на дворѣ раздались крики, звонъ разбиваемыхъ бутылокъ. Анархисты разбивали погребъ и пили вино.

Вдругъ со стороны набережной раздался трескъ пулеметовъ. Дальскій бросился на террасу сада и бѣжалъ. За нимъ — всѣ другіе. Я остался одинъ.

На улицѣ нѣкоторое время слышался топотъ бѣгущихъ людей. Потомъ все смолкло.

Я вышелъ, — вокругъ уже не было ни души.

***

Дома я засталъ Шаляпина. Онъ весело хохоталъ, когда я ему разсказывалъ о происшествіи.

— Я не зналъ, что выйдетъ такая исторія. Вѣдь это я сказалъ Дальскому, что ты можешь опредѣлить цѣнность картинъ.

Мнѣ показалось, что я живу въ какомъ то огромномъ сумасшедшемъ домѣ.

ОТЪѢЗДЪ.

Вскорѣ меня вызвалъ Луначарскій.

— Вы устали отъ революціи, я понимаю. Вамъ слѣдуетъ уѣхать за границу. Конечно, мы не можемъ предоставить вамъ для этого средства.

— Но у меня ничего нѣтъ, — отвѣтилъ я. — Деньги сейчасъ ничего не стоятъ. Да у меня ихъ и взяли. А что было изъ цѣнныхъ вещей, того мало...

Онъ пожалъ плечами.

Чрезъ нѣкоторое время я получилъ черезъ контору государственныхъ театровъ паспортъ, но рѣшилъ все же оставаться въ Россіи. Мнѣ трудно было разстаться съ моимъ деревенскимъ домомъ и садомъ, хотя многое въ немъ уже было разграблено.

Федоръ Ивановичъ все время пребывалъ въ полномъ недоумѣніи. Часто ѣздилъ въ Кремль, къ Каменеву, Луначарскому, Демьяну Бѣдному. И приходя ко мнѣ, всегда начиналъ рѣчь словами:

— Въ чемъ же дѣло? Я же имъ говорю: я имѣю право любить мой домъ. Въ немъ же моя семья. А мнѣ говорятъ: Теперь нѣтъ собственности — домъ вашъ принадлежитъ государству. Да и вы сами тоже. Въ чемъ же дѣло? Значитъ, я самъ себѣ не принадлежу. Представь, я теперь, когда ѣмъ, думаю, что кормлю какого то посторонняго человѣка. Это что же такое? Что же, они съума сошли, что ли? Горькаго спрашиваю, а тотъ мнѣ

говоритъ: погоди, погоди, народъ тебѣ все вернетъ. Какой народъ? Крестьяне, полотеры, дворники, извозчики? Какой народъ? Кто? Непонятно. Но вѣдь и я народъ.

— Едва-ли, — сказалъ я, — ты помнишь, Горькій какъ-то говорилъ у меня вечеромъ: кто носитъ крахмальные воротники и галстухи — не люди. И ты соглашался.

— Ну, это такъ, не серьезно...

Онъ помолчалъ и заговорилъ вновь:

— Пришли ко мнѣ какіе-то неизвѣстные люди и заняли половину дома. Полъ сломали, чтобы топить печку. Въ чемъ же дѣло?.. Если мнѣ не нужны эти портки, — показалъ онъ на свои панталоны, — то что же будутъ дѣлать портные? Если я буду жить въ пещерѣ и буду прикрывать себя травой, то что будутъ дѣлать рабочіе? Трезвинскій говоритъ въ Всерабисѣ: «Дайте ка мнѣ двѣ тысячи рублей въ вечеръ, какъ получаетъ Шаляпинъ, я буду пѣть лучше его»... Вино у меня изъ подвала украли, выпили и въ трактиръ сосѣдній продали...

— Посмотри, пожалуйста, — Шаляпинъ показалъ въ окно, — пустыя бочки везутъ въ одну сторону, а другіе ломовые везутъ такія же бочки въ другую сторону. Смотри: глобусъ, парты школьныя — это школа переѣзжаетъ. Вообще, всѣ переѣзжаютъ съ одного мѣста на другое. Точно кто то издѣвается. Луначарскій говоритъ, что весь городъ будетъ покрытъ садами. Лекціи по воспитанію дѣтей и ихъ гигіенѣ будутъ читать... А въ городѣ бутылки молока достать нельзя... Вообще, каждый день говоритъ рѣчи, все обѣщаетъ, а ему кто-то крикнулъ: «Товарищъ Луначарскій, вы хоша бы трамвай пустили...». Поѣдемъ, послушай, на Дмитровку, Маяковскій мнѣ сказалъ, тамъ А. какая-то, у нея на квартирѣ ресторанъ. Тамъ все есть. У ней чекисты ѣдятъ.

Дѣйствительно, столы въ залѣ у А. были накрыты

бѣлыми скатертями; великолѣпный фарфоръ, изысканный завтракъ; коньякъ и вина. За столами сидѣли люди въ галифэ и тужуркахъ, ранѣе никогда не виданные. Хозяйка, красивая женщина, сѣла съ нами и сама стала потчевать Шаляпина.

Выходя, Шаляпинъ сказалъ:

— Какъ это странно. Рестораны закрыты, а ей разрѣшается.

По улицѣ шли люди, неряшливо одѣтые, мрачные, растерянные. У нѣкоторыхъ были мѣшки за плечами. Шли, пытливо оглядывая встрѣчныхъ, какъ бы желая что-то узнать. Въ глазахъ — какой то испугъ и недоумѣніе. Солдаты шли мрачные и уже не лущили подсолнуховъ. Вывѣски магазиновъ были сорваны. Москва имѣла видъ разгромленный. Ни одного знакомого лица. Большіе дома были всѣ съ разбитыми стеклами, булочныя — пусты.

Какая-то интеллигентная женщина, съ блѣднымъ лицомъ, съ ребенкомъ на рукахъ, умоляюще просила, держа въ рукахъ баранку изъ чернаго хлѣба:

— Купите бубличекъ... — И все оглядывалась кругомъ, боясь полицейскаго.

На углу дома большой плакатъ-воззваніе: «Жертвуйте на больныхъ туберкулезомъ дѣтей».

На площади — толпа солдатъ. Одинъ изъ нихъ держалъ рѣчь:

— Когда мы съ ими братались, то хоримъ: «Мы свово Миколая убрали, когда же вы, хоримъ, свово Вильхельма уберете?» А они намъ хорятъ: «Какъ такъ, хорятъ, его уберешь, онъ намъ всѣмъ головы поотвертаетъ».

— Здорово! — сказалъ Шаляпинъ и разсмѣялся.

На стѣнахъ висѣли печатные плакаты, большіе портреты Троцкаго, Карла Маркса, Ленина. У Театральной

Площади валялся распухшій трупъ лошади. Охотный рядъ былъ пустъ.

Вернувшись ко мнѣ на Мясницкую, мы увидѣли, что входъ съ улицы забитъ досками. Ко мнѣ подошелъ въ военной фуражкѣ комендантъ дома Ильинъ. Шинель его была опоясана ремнемъ, на которомъ висѣлъ большой наганъ. Онъ посмотрѣлъ на насъ сѣрыми пьяными глазами и сказалъ охрипшимъ голосомъ:

— Все, все къ чертовой матери! Къ матери, къ матери, къ матери!.. Вотъ, товарищъ Коровинъ, пришлось дверь забить, со двора ходъ. Ей-ей, воры, все воры, ей, ей! Дома денегъ держать нельзя. Куда дѣться? Вѣришь ли, прячу подъ камень, а то — въ помойку... У жены шубу украли, а сегодня самоваръ. Куда дѣться? Въ воротахъ конвой поставилъ. Нѣтъ — ушли, сволочи, съ дѣвками въ дровахъ прячутся...

Когда мы пришли къ себѣ, то увидѣли, что полъ покрытъ водой.

Вошедшій слѣдомъ за нами Ильинъ сказалъ:

— Видите — что дѣлаютъ сволочи! Кранъ не закрыли, трубы полопались, вода то и претъ. Инженера разстрѣляли, а Дьячковъ, сволочь, — куда ему! Онъ инженеру гаечки подавалъ. А я, говоритъ, я — все! Вотъ, и возьми его! Морду пойду набью.

— А вы кто будете? — спросилъ онъ Шаляпина.

— Это Шаляпинъ, пѣвецъ, — отвѣтилъ я.

— Шаляпинъ? Ишь ты! Ахъ, товарищъ Коровинъ, ежели бы сейчасъ свистокъ на фабрикѣ у Эйнема. Все бы бросилъ — ушелъ. Я, вѣдь, бисквиты заваривалъ. Вотъ онъ меня любилъ. Эйнемъ то. Въ праздникъ сто цѣлковыхъ золотомъ. Первый мастеръ я былъ. Ну ка, гдѣ теперь бисквиты? Собачину ѣмъ. Хочешь, я вамъ самогону принесу? Давай деньги. Достану.

— Доставай, — сказалъ Шаляпинъ.

— Смотри, только не скажи, а то къ стѣнкѣ поставятъ.

— Въ чемъ же дѣло? — по привычкѣ спросилъ Шаляпинъ. — Что за чепуха идетъ?...

— А ты не пей, Федя, самогону, — сказалъ я, — ослѣпнуть можно.

— Почему же онъ пьетъ и не слѣпнетъ?

Ильинъ вернулся.. Въ рукахъ онъ держалъ большую миску съ зернистой икрой, а изъ за пазухи вынулъ бутылку съ самогономъ.

Шаляпинъ выпилъ и сказалъ:

— Это настоящій самогонъ. Не денатуратъ. — И жадно сталъ ѣсть ложкой зернистую икру изъ миски.

**
*

Шаляпинъ ночевалъ у меня. Постель его была почти рядомъ съ моей. Насъ раздѣлялъ ночной столикъ, на которомъ стояла лампа. Было темно. Я проснулся ночью отъ крика:

— Они! Они! А-а-хъ! Они!

И почувствовалъ, что по ногамъ моимъ кто-то бьетъ кулаками.

Въ темнотѣ я ничего не могъ разобрать и сталъ шарить подъ подушкой револьверъ. Онъ все не попадался подъ руку. Тогда, защищаясь, я сталъ отмахиваться кулаками и наконецъ по комъ-то попалъ.

— А-а-хъ! — крикнулъ около меня Шаляпинъ.

Я нащупалъ лампу и повернулъ выключатель. Въ комнатѣ никого не было.

Шаляпинъ стоялъ около моей постели и задыхаясь говорилъ:

— О-охъ! Что такое? Рабочіе напали... и впереди онъ съ палкой. Это тотъ, котораго я убилъ на Кавказѣ.

— Что съ тобой, Федя? — спросилъ я. — Я думалъ, что на насъ напали. Хорошо, что я не нашелъ револьвера...

Я уже не тушилъ электричества и перешелъ спать на диванъ въ другую комнату.

Утромъ я еле ходилъ, такъ болѣли у меня ноги. А у Шаляпина затекъ одинъ глазъ. Это я, защищаясь, нечаянно задѣлъ его.

**
*

На другой день ночью повторилось то же самое. Шаляпинъ буйствовалъ во снѣ и кричалъ:

— Они! Они! Бей ихъ!

Въ этомъ кошмарномъ видѣніи, защищаясь отъ мнимыхъ враговъ, Шаляпинъ расшибъ себѣ руку.

Я не пострадалъ, такъ какъ на этотъ разъ предусмотрительно легъ въ другой комнатѣ.

**
*

Однажды утромъ къ моему дому на Мясницкой подъѣхалъ грузовикъ. Въ немъ были солдаты. Молодой человѣкъ въ военной формѣ позвонилъ, спросилъ Шаляпина. Оба о чемъ то долго говорили.

Шаляпинъ пошелъ одѣваться и сказалъ мнѣ:

— Ѣдемъ!

— Куда? — спросилъ я.

— Въ банкъ на Никольскую.

На Никольской — Шаляпинъ, молодой человѣкъ и я вошли въ банкъ.

Вскорѣ молодой человѣкъ крикнулъ солдатамъ:

— Сюда!

И солдаты стали выносить на грузовикъ небольшіе, но тяжелые ящики, держа ихъ вчетверомъ.

Погрузка длилась довольно долго. Мнѣ надоѣло ждать Шаляпина и я ушелъ...

Онъ не пришелъ въ тотъ день ко мнѣ. А черезъ день я узналъ, что онъ уѣхалъ въ Петербургъ и я долго ничего о немъ не слышалъ.

А черезъ нѣкоторое время жена его, навѣстивъ меня, сказала, что онъ уѣхалъ на нѣмецкомъ пароходѣ изъ Петербурга заграницу...

**
*

Каждую ночь ко мнѣ приходили съ обыскомъ какіе то люди. Одни говорили, что они печатники, другіе отъ Всерабиса. Увидавъ какъ то на комодѣ у меня бронзовые часы «Ампиръ», дѣловито унесли въ другую комнату. А заодно — и бронзовыя фигуры буддійскихъ боговъ. Художникъ Горбатовъ что то записывалъ и авторитетно разъяснялъ мнѣ, что это музейныя цѣнности и что онѣ принадлежатъ народу.

**
*

Однажды, архитекторъ Василій Сергѣичъ Кузнецовъ, засидѣвшись поздно у меня и боясь возвращаться домой, — на улицахъ грабили, — остался ночевать.

Ночью, въ четыре часа, раздался звонокъ. Кузнецовъ, одѣтый въ егерскую фуфайку и кальсоны, отворилъ дверь.

Ввалилась толпа матросовъ съ винтовками. Одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Золото у васъ есть, товарищъ?

— Золото, — разсмѣялся Кузнецовъ, — есть... въ пужникѣ.

Я тоже вышелъ къ матросамъ.

Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— У васъ, говорятъ, товарищъ Коровинъ, Шаляпинъ былъ. Мы его пѣть къ намъ хотѣли позвать... Вотъ, видать, что вы насъ не боитесь. А то куда ни придемъ, всѣ съ катушекъ падаютъ, особливо барыни.

— Бзура, — обратился онъ къ другому матросу, — съѣзди, подбодри-ка бѣлужки съ хрѣнкомъ, да балычка захвати, да Смирновки не забудь. Угостимъ товарища Коровина.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Кузнецова и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Да ты врешь... Вѣдь это Шаляпинъ...

Кузнецовъ, который былъ огромнаго роста, отъ души смѣялся.

Матросы нашли стаканы, налили водки и пили.

— Вотъ это, товарищи, это народъ. Артисты, потому.

Потомъ пустились въ плясъ, припѣвая:

«Чики, чики,
Щикатурщики...

Вдругъ — переполохъ.

— Ѣдемъ! — вскричалъ вбѣжавшій матросъ. — Ѣдемъ скорѣй, Петровскій дворецъ грабятъ.

— Ахъ, сволочи! Прощай...

На ходу одинъ пріостановился передъ Кузнецовымъ и погрозилъ кулакомъ:

— А врешь, ты — Шаляпинъ! Погоди, попадешься на узкой дорожкѣ. Царю пѣлъ, а матросамъ не хочешь!.. — и побѣжалъ вслѣдъ за остальными.

***

Мѣсяца черезъ два послѣ отъѣзда Шаляпина, ко мнѣ

пришелъ какой то красивый человѣкъ съ наганомъ за поясомъ и, затворивъ двери, тихо сказалъ:

— Я васъ знаю, а вы меня не знаете. И не надо. Поѣзжайте заграницу и скорѣй. А то не выпустятъ. Послѣ завтра выѣзжайте. Я васъ въ вагонѣ увижу.

Я поѣхалъ къ Малиновской, которая управляла государственными театрами. Она мнѣ сказала:

— Поѣзжайте. Вамъ давно совѣтовалъ Луначарскій уѣхать.

На Виндавскомъ вокзалѣ меня, сына и жену посадили въ вагонъ съ иностранцами.

Проѣхавъ нѣсколько станцій, я увидалъ того человѣка, который у меня былъ утромъ. Онъ не показалъ вида, что меня знаетъ.

Наступила ночь. Мой неизвѣстный благодѣтель подошелъ ко мнѣ и наклонившись тихо сказалъ:

— Какія у васъ бумаги?

Я отдалъ ему бумаги, которыя у меня были.

— Не выходите никуда изъ вагона.

Недалеко отъ границы онъ позвалъ кондуктора и тотъ взялъ наши чемоданы.

Поѣздъ шелъ медленно, и я заснулъ.

Когда я проснулся, чемоданы были снова на мѣстѣ. Поѣздъ подходилъ къ Ригѣ.

Я вышелъ на вокзалъ. Было раннее утро. Ноябрь. Я былъ въ валенкахъ.

Носильщикъ проводилъ насъ пѣшкомъ до гостиницы.

Своего благожелателя я больше никогда не видалъ.

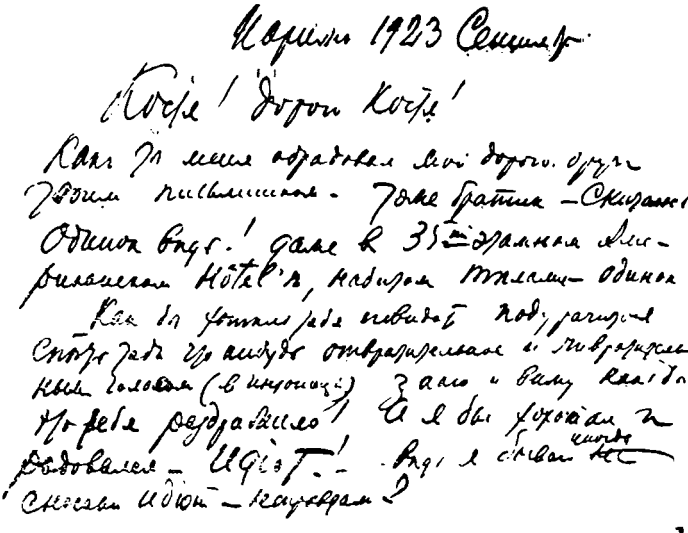
А бумаги взятыя имъ у меня нашелъ въ Берлинѣ, разбирая чемоданъ, подъ вещами, на днѣ.

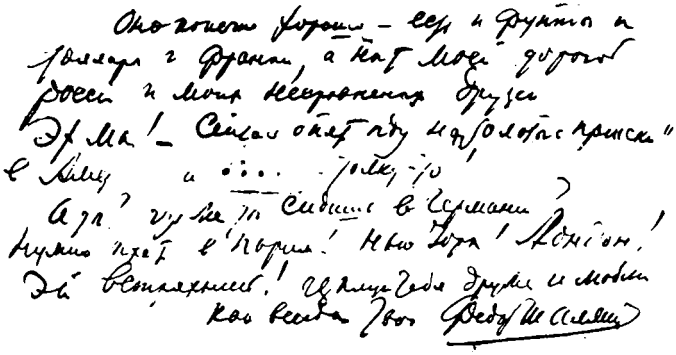
ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА ВЪ ПАРИЖѢ.

Мой сынъ простудился и заболѣлъ сильнымъ плевритомъ.

Я писалъ небольшіе эскизы для балета и театральныхъ постановокъ. Ихъ у меня быстро пріобрѣтали.

Какъ то утромъ я получилъ письмо отъ Шаляпина, слѣдующаго содержанія.

(Костя! дорогой Костя!

Какъ ты меня обрадовалъ, мой дорогой другъ, твоимъ письмишкомъ, Тоже, братикъ, скитаюсь. Одинокъ вѣдь. даже въ 35-ти этажномъ Американскомъ Hôtel'ѣ, набитомъ тѣлами — одинокъ.

Какъ бы хотѣлъ тебя повидать, подурачиться, спѣть тебѣ что-нибудь отвратительное и отвратительнымъ голосомъ (въ интонаціи). Знаю и вижу, какъ бы это тебя раздражило, а я бы хохоталъ и радовался. Идіотъ! — вѣдь я бываю иногда несносный идіотъ — неправда ли?

Оно, конечно, хорошо — есть и фунты, и доллары, и франки, а нѣтъ моей дорогой Россіи и моихъ несравненныхъ друзей. Эхма! — Сейчасъ опять ѣду на «золотые пріиски», въ Америку, а... толку-то!

А ты? что же ты сидишь въ Германіи? Нужно ѣхать въ Парижъ! Нью-Іоркъ! Лондонъ! Эй, встряхнись! Цѣлую тебя, друже, и люблю, какъ всегда, твой Федоръ Шаляпинъ.)

Я не могъ поѣхать въ Парижъ, такъ какъ сынъ былъ сильно боленъ.

Пріѣхавъ въ Гейдельбергъ, остановился въ гостиницѣ въ лѣсу, неподалеку отъ Брокена. А вечеромъ, идя по коридору гостиницы, увидѣлъ передъ собой Горькаго.

Онъ тотчасъ же попросилъ меня зайти къ нему.

— Вотъ — пишу здѣсь воспоминанія, — сказалъ онъ, — хотѣлъ бы ихъ вамъ прочитать.

Я пришелъ вечеромъ къ Горькому. Съ нимъ былъ сынъ его Максимъ, жена сына и его секретарь. Горькій читалъ свой разсказъ «Мыловаръ», потомъ «Человѣкъ съ паукомъ», и еще «Отшельникъ».

Горькій былъ въ халатѣ, съ тюбитейкой на головѣ.

— А гдѣ Федоръ? — спросилъ онъ.

— Въ Парижѣ. Я получилъ отъ него письмо.

Когда я выходилъ гулять съ сыномъ по лѣсу, къ намъ присоединялся Горькій. Но намъ не давали остаться наединѣ: тотчасъ же какъ изъ подъ земли появлялись жена Максима и секретарь Горькаго.

Осенью доктора посовѣтовали мнѣ увезти сына на югъ Франціи или Италіи. И я, пріѣхавъ въ Парижъ, увидѣлъ Федора Ивановича. У него былъ свой домъ на авеню д'Эйло.

Шаляпинъ былъ мрачно настроенъ. Показывалъ мнѣ гобелены, которые вывезъ изъ Россіи, нѣсколько моихъ картинъ, старинное елизаветинское серебро. Онъ собирался ѣхать въ Америку, въ которой ранѣе провелъ уже почти годъ.

Я разсказалъ ему, что встрѣтилъ Горькаго въ Гейдельбергѣ. Шаляпинъ, помолчавъ, сказалъ:

— Странно, отчего же онъ уѣхалъ изъ совѣтскаго рая?

И, разсмѣявшись, запѣлъ:

Россія ты, Россія
Совѣтска сторона...
Э-эхъ...
Жена моя Маланья
Глядитъ туда-сюда,
Связалась съ комиссаромъ,
Дѣтей мнѣ родила...
Э-эхъ...

Шаляпинъ угощалъ меня дорогимъ виномъ. Онъ былъ нервенъ, легко раздражался.

— Понимаешь ли, русскіе говорятъ, будто я тоже участвовалъ въ революціи. Какая же это революція? Я же пѣвецъ. Мнѣ все равно кто меня слушаетъ. Плати. Въ Америкѣ мнѣ платятъ, здѣсь тоже. Въ чемъ дѣло? И пусть знаютъ, что имъ не придется проливать надо мною лицемѣрныхъ слезъ... Они любятъ разсказывать, что такой то художникъ, или такой то великій артистъ, или писатель, умеръ съ голоду подъ заборомъ. Я не доставлю имъ этого удовольствія. Я умру милліонеромъ. Я уже милліонеръ. Они меня не вставятъ въ иконостасъ своимъ святымъ. Нѣтъ. Погодятъ. И пѣть въ пользу разныхъ тамъ обществъ я не буду. Революція! Какая же это революція? Это бунтъ рабовъ. А Горькій — дуракъ. И ты дуракъ! Какіе на тебѣ штаны? Не можешь сдѣлаться богатымъ — пропадай. Сѣровъ пропалъ. Врубель — пропалъ. А я — погоди!.. Я попою еще лѣтъ десять... Въ Скандинавіи озеро куплю и рыбу буду ловить. А вы вотъ половите ли?.. Посмотрю... Христіане! Непротивленцы! Надо быть сопротивленцемъ.

— Федя, — сказалъ я, — что это ты такъ осмѣлѣлъ. А то ты вѣдь не очень...

— Что ты мнѣ говоришь! Я Дзержинскому говорилъ: вы не смѣете меня не отпустить!

Федоръ Ивановичъ разошелся.

Настроеніе было тяжелое. Я никогда не видалъ Шаляпина и въ Россіи въ столь мрачномъ настроеніи.

Что то непонятное было въ его душѣ. Это такъ не сочеталось съ обстановкой, роскошью, которой онъ былъ окруженъ. Сидѣвшія ранѣе за столомъ, его дѣти, всѣ молча ушли.

— Да, подождутъ! Я еще покажу... Ты знаешь женщинъ? Женщинъ же нельзя любить! Дѣтей я люблю...

И Шаляпинъ, вдругъ наклонивъ голову и закрывъ лицо руками, заплакалъ.

— Какъ я люблю дѣтей!..

— Иди, Федя, спать. Пора, поздно. Я иду домой.

— Оставайся у меня ночевать, куда тебѣ идти?..

— Мнѣ утромъ надо по дѣлу...

Странное впечатлѣніе произвелъ на меня Шаляпинъ заграницей. Въ немъ не осталось и слѣда былого веселья.

ДЕГУСТАТОРЪ.

Болѣзнь моего сына заставила меня уѣхать на югъ. Я почти годъ жилъ на берегу моря — въ Вильфраншъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, Шаляпинъ пріѣхалъ ко мнѣ на рю де Риволи и позвалъ меня къ себѣ обѣдать.

За обѣдомъ, когда всѣ ушли, вынулъ изъ кармана ключикъ, куда то вышелъ и вернулся съ пыльными бутылками стараго вина.

— Вотъ, видишь ли, вино. Хорошее вино. Мы сейчасъ выпьемъ. Я покупаю эти бутылки въ разныхъ мѣстахъ. Эта вотъ — четыреста пятьдесятъ франковъ, а эта двѣсти пятьдесятъ, а эта триста. Посмотри, какая исторія.

Онъ приказалъ слугѣ позвать кого то. Черезъ мгновеніе въ комнату вошелъ небольшого роста французъ, плотный, съ черными усами. Бутылки откупорили. Шаляпинъ налилъ ему изъ одной бутылки немного вина въ стаканъ. Тотъ взялъ, пригубилъ вино и сказалъ:

— Бордо 1902 года, Шато Ларозъ.

Шаляпинъ вынулъ изъ кармана бумагу и посмотрѣлъ въ нее подъ столомъ.

— Вѣрно.

То же повторилось и съ другими винами.

Шаляпинъ удивлялся. И, наливъ мнѣ и себѣ по три стакана вина изъ разныхъ бутылокъ, сказалъ:

— Пей.

Когда я выпилъ одно, другое, то онъ спросилъ:

— Какое лучше?

Всѣ вина были прекрасны.

— Какъ будто это лучше всѣхъ, — сказалъ я, показавъ на бутылку.

— Вотъ и невѣрно. Это самое дешевое. Постой, я самъ, кажется, спуталъ.

Онъ опять налилъ вина французу-дегустатору и тотъ опредѣлилъ цѣну каждой бутылки.

— Это чортъ знаетъ что такое! — кипятился Шаляпинъ. — Въ чемъ дѣло, не могу понять! Я вѣдь тихонько покупаю въ разныхъ мѣстахъ. Какъ же онъ узнаетъ. Смотри по списку — вѣдь вѣрно! Понимаешь, я до этого дойти не могу...

Когда мы, закусывая сыромъ, кончили вино, Шаляпинъ повеселѣлъ.

— Послушай, еще не поздно, — сказалъ онъ, — пойдемъ куда нибудь.

Мы захватили съ собой дегустатора и поѣхали.

Дегустаторъ привезъ насъ въ небольшой ресторанъ и что-то сказалъ хозяину.

Подали старый шартрезъ. Бутылку откупорили, точно священнодѣйствуя. Присутствовали и хозяинъ, и гарсоны, супруга хозяина. и дочь.

Первому налили Шаляпину. Попробовавъ, онъ посидѣлъ нѣкоторое время съ открытымъ ртомъ и сказалъ:

— Да, это шартрезъ.

Видно было, что онъ желалъ показать себя знатокомъ, богатымъ человѣкомъ.

Шартрезъ стоилъ дорого.

— Федя, — сказалъ я, — ты, должно быть, очень богатъ. Прежде ты не тратилъ деньги.

А ты знаешь, я дѣйствительно богатъ. Я, въ сущности, хорошо не знаю, сколько у меня всего. Но много. Ты знаешь ли, если продать картины изъ моего дома, дадутъ огромную цѣну...

СТРАННЫЙ КОНЦЕРТЪ.

Разговорившись, Шаляпинъ повѣдалъ мнѣ о своемъ блистательномъ турнэ по Америкѣ, гдѣ заработалъ большія деньги.

Мнѣ запомнился его разсказъ объ южно-американскихъ нравахъ:

Мнѣ предложили пѣть у какого то короля цирковъ на званомъ обѣдѣ. Я согласился и спросилъ десять тысячъ долларовъ. Меня привезли на яхтѣ къ пустынному берегу. Была страшная жара. На берегу, недалеко отъ моря домъ каменный стоялъ съ бѣлой крышей — скучный домъ, въ родѣ фабрики. Кругомъ дома росли ровныя пальмы. Какія то неестественныя, ярко зеленыя. Меня встрѣтили на пароходѣ четверо слугъ и два негра, которые несли мои вещи. Домъ былъ пустой. Мнѣ отвели комнату въ верхнемъ этажѣ. Я умылся съ дороги, принялъ ванну. Пилъ какой то мусъ. Вышелъ на балконъ и досталъ рукой вѣтку пальмы. Представь себѣ — она была сдѣлана изъ желѣза и выкрашена зеленой краской.

Черезъ часъ подошелъ пароходъ съ хозяиномъ и гостями. Обѣдъ былъ сервированъ въ нижнемъ огромномъ залѣ. Суетилась пріѣхавшая на пароходѣ прислуга; съ пароходомъ доставили весь обѣдъ. Я смотрѣлъ съ балкона на всю эту суету. Меня ни съ кѣмъ не познакомили. Черезъ нѣсколько мгновеній ко мнѣ пришелъ человѣкъ во фракѣ, въ родѣ негра, и сказалъ: «пожалуй-

ге пѣть». Я пошелъ за нимъ. Въ залѣ меня уже ждалъ великолѣпный піанистъ. Онъ зналъ мой репертуаръ. Я всталъ около рояля. Люди въ залѣ обѣдали, громко бесѣдуя и не обращая на меня вниманія. Піанистъ мнѣ сказалъ: «Начинаемъ». Въ эту минуту ко мнѣ подошелъ какой то человѣкъ. Въ рукахъ у него былъ подносъ, на которомъ лежали доллары. Я ихъ взялъ. Онъ просилъ сосчитать деньги и расписаться въ полученіи. Я положилъ деньги въ карманъ, піанистъ снова сказалъ: «Начинаемъ». И я сталъ пѣть. Никакихъ апплодисментовъ. Когда я спѣлъ почти весь репертуаръ, намѣченный мной. гости встали изъ за стола, вышли изъ зала и отправились на пароходъ. Такъ я и не видѣлъ того, кто меня пригласилъ. И никто со мною не простился. Даже піанистъ не зашелъ ко мнѣ въ комнату и не пожалъ мнѣ руку на прощанье. Онъ уѣхалъ съ ними. Негры собрали мои вещи, взяли чемоданы и проводили до яхты. Я одинъ возвращался обратно. Какъ это непохоже на Россію...Удивительный народъ! Пригласилъ меня какой то богачъ на охоту. У него огромныя земли и заповѣдники, гдѣ содержатся звѣри. «Вы можете убить носорога», написано было въ приглашеніи. Ну, подумалъ я, съ носорогомъ лучше не связываться. И не поѣхалъ. И, представь, мнѣ пришлось встрѣтиться въ одномъ американскомъ домѣ именно съ владѣльцемъ этихъ заповѣдниковъ. Очень милый человѣкъ. Худой, невзрачный, но богатый. Я напомнилъ ему о его приглашеніи на охоту. Онъ очень смутился и сказалъ мнѣ: «Я самъ не охотникъ и никогда тамъ не бывалъ. Меня представляетъ тамъ одинъ изъ моихъ друзей. Мнѣ только представляютъ списокъ извѣстныхъ людей и я отправляю приглашенія. Вѣроятно, васъ считали любителемъ охоты. Носорогъ, говорите вы?.. Да развѣ они есть, носороги, а я и не зналъ...». Какъ тебѣ это нравится?..

ТЕЛЕГРАММА.

Въ 1932 году исполнилось пятидесятилѣтіе моей художественной дѣятельности. Русская колонія пожелала отмѣтить мой юбилей концертомъ. Образовался комитетъ. И въ залѣ Гаво былъ данъ концертъ.

Во время концерта меня вывели на сцену, какъ юбиляра. А. Н. Бенуа читалъ мнѣ адресъ. Въ это время подошелъ ко мнѣ А. В. Жуковскій и сказалъ мнѣ на ухо: «Шаляпинъ прислалъ телеграмму. Но телеграмма неприличная. Я не знаю, можно ли ее прочесть». Я не зналъ, что отвѣтить. Подумалъ: «Что же это онъ написалъ»? Телеграмма была слѣдующаго содержанія:

SIJOU SEITCHAS DOUCHOY STOBOIOU RIADOM HOT TROUDNO SEST DOUCHOY AVSIOJ SIJOU NE ZADOM NO VDALEKE VPROVINZII V TOULOUZE BEZ DROUGA TCHOUSTVOUIOU SEBIA KAK CHAR BILLARRDNY V LOUZE SPASENE LICH ODNO ZA ZDRAVIE TVOIE TCHETVIORTOUIOU BOUTYL BORDOSSKAGO VINA OUJ POMESTCHAIOU V POUZE LOUBLIOU TEBIA TZELOUIOU JELAIOU ZDOROVIA CHALIAPINE.

Когда Шаляпинъ узналъ, что не прочли его телеграмму, онъ ужасно разсердился и сказалъ:

— Ничего не понимаютъ. Это обидно.

«РУСАЛКА».

Въ театрѣ Елисейскихъ Полей готовили «Русалку» Даргомыжскаго. На репетиціи Шаляпинъ былъ раздраженъ, постоянно дѣлалъ замѣчанія дирижеру.

Подошелъ день спектакля. На сценѣ я увидѣлъ большую перемѣну въ Шаляпинѣ. Въ его исполненіи была какая то настойчивость, какъ бы приказаніе себя слушать и нескрываемое неудовольствіе окруженіемъ. Онъ пѣлъ, подчеркивая свое великое мастерство. Это нервировало слушателя. Онъ какъ бы подчеркивалъ свое значеніе публикѣ. И въ игрѣ его не было мѣры: онъ плакалъ въ сценѣ «какой я мельникъ, я воронъ».

Какъ то придя къ нему утромъ, я увидѣлъ, что онъ грѣетъ надъ свѣчкой какую то жидкость въ пробиркѣ:

— Вотъ видишь — мутная. Это сахаръ.

Ноги у него были худыя, глаза углубились, лицо покрыто морщинами. Онъ казался старикомъ. Внутри морщинъ была краснота.

Исполняя часто партіи Грознаго, Галицкаго, Бориса Годунова и переживая волненія и страсти своихъ героевъ, Шаляпинъ въ послѣдніе годы жизни и самъ сталъ походить на нихъ. Былъ гнѣвенъ, какъ Грозный, разгуленъ, какъ Галицкій, и трагиченъ, какъ Борисъ.

Впрочемъ, съ встрѣчными людьми онъ никогда не былъ простъ — всегда игралъ. Никогда я не видѣлъ его со знакомыми такимъ, какимъ онъ былъ, когда пріѣзжалъ ко мнѣ въ деревню.

ВСПЫШКА ГНѢВА.

Когда наступила старость и болѣзнь и когда сталъ потухать огонь небеснаго вдохновенья, Шаляпинъ забезпокоился и сталъ еще болѣе раздражителенъ, чѣмъ прежде.

Онъ много работалъ и пѣлъ все съ большимъ мастерствомъ, стараясь замѣнить недостатокъ голоса совершенствомъ исполненія.

Но уже не было того изумительнаго тембра, которымъ онъ поражалъ всѣхъ.

Знавшимъ его ранѣе тяжело было на него смотрѣть.

Какъ то послѣ спектакля у Шаляпина былъ ужинъ. Пріѣхало много гостей, русскихъ артистовъ и иностранцевъ. Много дамъ. Въ прекрасной столовой блестѣли люстры и наряды дамъ. Шаляпинъ сидѣлъ посерединѣ. Былъ молчаливъ и хмуръ.

Одинъ изъ молодыхъ людей, сидѣвшій поодаль въ элегантномъ фракѣ, около дамъ иностранокъ, спросилъ его:

— А какъ вы думаете, Мусоргскій былъ геній?

— Да, — отвѣтилъ Шаляпинъ, — Мусоргскій большой человѣкъ. Геній?.. Можетъ быть и геній.

— А почему, — перебилъ его молодой человѣкъ, — въ корчмѣ Варлаамъ поетъ «ѣдетъ онъ»? Эта пѣсня цѣликомъ заимствована у народа.

Шаляпинъ пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка и ничего не отвѣтилъ.

— А скажите, Федоръ Ивановичъ, — опять спросилъ молодой человѣкъ, — Кусевицкій геній?

Шаляпинъ долго смотрѣлъ на молодого человѣка во фракѣ и вдругъ взревѣлъ:

— Да ты кто такой?

Всѣ мгновенно стихли. Шаляпинъ помутившимися глазами оглядѣлъ гостей, — гнѣвъ захлестнулъ его:

— Откуда онъ взялся? Да ты съ кѣмъ разговариваешь? Кто ты такой? Что со мной дѣлаютъ!..

Молодой человѣкъ испуганно вскочилъ изъ за стола. Дамы бросились къ выходу.

— Что такое? — бушевалъ Шаляпинъ. — Кто эти люди?

Къ нему подошли другіе гости, стали его уговаривать.

— Что вы мнѣ говорите? — грохоталъ Шаляпинъ. — Кто этотъ мальчишка? Мусоргскій заимствуетъ. Это же жить нельзя. Куда уйти отъ этихъ людей?

Я попытался успокоить его:

— Что же ты на всякую ерунду раздражаешься?

— Не могу! Меня это бѣситъ. Онъ же съ Шаляпинымъ говоритъ, стерва!.. Боже, какъ я несчастенъ.

Шаляпинъ сѣлъ и закрылъ лицо руками.

— Конечно, не стоило ему отвѣчать, но я не могу. Я не хочу этого. Себя показываютъ! Ничего не понимаютъ, ничего не чувствуютъ. Стрѣлять, жечь, топить всю эту сволочь...

Шаляпинъ былъ блѣденъ и весь трясся отъ волненія.

***

Наутро онъ позвалъ меня къ себѣ.

— Какъ это глупо я вчера озлился. Мнѣ худо. Я себя чувствую отвратительно. «На всякое чиханье не наздравствуешься». И за что они меня мучаютъ!.. И откуда они понабрались?

— Какъ откуда, Федя? Что ты!

— Гости!.. Откуда взялись они?..

АНТИКВАРЪ.

— Ты помнишь, я говорилъ тебѣ, что Мазини, когда пересталъ пѣть, сдѣлался антикваромъ, — сказалъ мнѣ какъ-то разъ, когда я былъ у него, Шаляпинъ. — Я еще не бросаю пѣть, но хожу по антикварамъ. Поѣдемъ съ тобой посмотримъ мебель. Дорога! Вотъ я купилъ столикъ — триста тысячъ. Понимаешь? Небольшой столикъ!

Шаляпинъ повезъ меня на рю де ля Пэ, около Плясъ Вандомъ, въ магазинъ старой мебели въ нѣсколько этажей.

Тамъ были прекрасныя вещи. Шаляпинъ спрашивалъ цѣны комодамъ, столамъ, секретерамъ. Цѣны были большія. Одинъ столъ стоилъ восемьсотъ тысячъ. Шаляпинъ предложилъ шестьсотъ. Не отдали.

Шаляпинъ разсердился и мы поѣхали въ другой магазинъ. Тамъ онъ увидалъ столъ, похожій на приглянувшійся ему въ первомъ магазинѣ. Съ него спросили двадцать тысячъ. Онъ удивился. Осмотрѣлъ столъ снизу и кругомъ. И спросилъ меня:

— Въ чемъ же дѣло?

— Это имитація, Федя.

— Постой, какъ имитація. Ты видишь здѣсь дырочки. Это черви съѣли дерево.

— Вотъ это то и есть имитація.

— А вотъ тотъ секретеръ?

— Тоже имитація.

— А этотъ комодъ?

— Настоящій.

— Почемъ ты знаешь?

— Да вѣдь видно.

— Что за чортъ! — Постой...

Шаляпинъ позвалъ завѣдывающаго.

Тотъ сказалъ:

— Да, это старая имитація, но хорошая, а комодъ настоящій.

— Пойдемъ, — сказалъ Шаляпинъ. — Я, братъ, покупаю и старое вино, коньякъ. Только, понимаешь ли ты, у меня сахаръ — діабетъ. Понимаешь ли, вино пить нельзя. Я люблю хорошее вино. Зайдемъ-ка въ кафэ, выпьемъ виски.

— Виски — вредно. Помнишь доктора Лазарева, онъ говорилъ, что съ діабетомъ жить можно долго, — необходимо только воздержаніе.

— Но я же не обжора...

— Какъ не обжора? Ты же съѣлъ два фунта икры салфеточной при мнѣ сразу.

— Кстати: тутъ есть салфеточная икра. Поѣдемъ къ Прюнье.

У Прюнье Шаляпинъ попробовалъ икру.

— Хороша.

И приказалъ завернуть изрядное количество.

— Въ чемъ дѣло? Виски пить нельзя, икры нельзя, водки нельзя.

— Вотъ эскарго, ты ѣшь эскарго?

— Эскарго то эскарго, а помнишь, раки въ рѣчкѣ Нерлѣ какіе были!

— Да, замѣчательные. А какъ это рыбка то? Ельцы копченые. Помню. Я разъ цѣлую корзинку у тебя съѣлъ... Какъ у тебя тамъ было весело. Такой жизни не

будетъ уже никогда. Всѣ эти гофмейстеры, охотники, докторъ Лазаревъ, Василій Княжевъ, Бѣловъ, Герасимъ, Кузнецовъ, Анчутка, шутки, озорство, — неповторимо. Это было счастье русской жизни. Нигдѣ не найти мельника Никона Осиповича. Нигдѣ нѣтъ этой простой доброты... Тамъ никогда не говорили о деньгахъ. Никто ихъ не выпрашивалъ, они не составляли сути жизни. Жизнь была не для денегъ. А я усталъ выпрашивать у жизни деньги. Я знаю, что съ деньгами я буду свободенъ и не униженъ. Ты вспомни, этотъ Василій Княжевъ, или Герасимъ — какая чистота души! Вѣдь тамъ совѣстились говорить о деньгахъ... А этотъ лѣсъ, Новенькая мельница, водяной. Какая красота! А хижину рыбака въ одно окно, убогую, у еловаго лѣса, помнишь? А рыбака Константина, который лѣчилъ твоему пріятелю флюсъ, привязывая къ щекѣ живого котенка? А эта монашенка, которая бѣгала по лѣсу и которой мы всѣ боялись?...

— А разбойнички, которыхъ не было, помнишь?.. А, какъ ты съ револьверомъ ѣздилъ? А воробьиную ночь, когда не было видно своей руки? Когда заблудились и нельзя было идти, и эхо, когда ты пѣлъ, и кругомъ, въ разныхъ мѣстахъ повторялось твое пѣніе близко и далеко?

— Да, — сказалъ Шаляпинъ задумчиво, — это было дѣйствительно замѣчательно. Какая то особенная симфонія.

— А какъ голосъ то снизу крикнулъ: «что ты, лѣшій, орешь»? Это ужъ было не эхо, помнишь?

— Помню. Тамъ былъ бугоръ — и внизу ѣхали рыбаки.

— А какъ обидѣлся Павелъ Александровичъ?

— Павелъ! Вѣдь нигдѣ нѣтъ такого: умеръ вѣдь онъ. Вѣдь это ты объяснилъ и Павла, и Герасима, и Куз-

нецова, а вѣдь я ихъ не понималъ и даже сначала немножко сторонился. А оказывается, это были презабавные и прекрасные люди.

— Всѣ ужъ умерли, — сказалъ я. — Правда, больше такой жизни ужъ не будетъ. Вотъ оттого я и пишу страницы этой нашей жизни.

— Знаешь, Константинъ, я удивляюсь, какъ ты это пишешь. Чортъ тебя знаетъ, кто ты такой. Откуда это взялось? Отчего ты про меня не пишешь?

— Ты же обидишься. Ты же сталъ ваше высочество. А я пишу простыя смѣшныя вещи.

Шаляпинъ вдругъ задумался.

— А вѣдь правда, Россія была хороша. Теперь это кошмаръ, страшный и долгій. И я въ немъ, къ сожалѣнію, участвовалъ. Ошибался. Но я не упорствую въ своей глупости...

ДОМЬЕ.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ Шаляпина на Шанъ-з-Элизэ. Онъ опять направлялся къ антиквару.

— Пойдемъ со мной пожалуйста, — предложилъ онъ мнѣ. Я согласился.

На улицѣ Боэси мы остановились у антикварнаго магазина, и я сказалъ:

— Федоръ, вотъ здѣсь выставка большого художника Домье. Ты знаешь Домье?

— Нѣтъ, не знаю.

— Это великій французъ. Съ чисто французскимъ юморомъ онъ писалъ адвокатовъ, судъ. Здѣсь есть небольшая картина, изображающая адвоката, который разрывается, доказывая невиновность своего подсудимаго, а секретарь, разбирая бумаги, остановился и смотритъ на него. Но какъ смотритъ! Этого нельзя разсказать. Надо видѣть. До чего смѣшно! Это какой то Мольеръ въ живописи.

— Зайдемъ, посмотримъ, — сказалъ Шаляпинъ.

Мы зашли въ магазинъ.

Хозяинъ, почтенный человѣкъ, вѣжливо сказалъ намъ, что вчера выставку закрыли. Я попросилъ его, если можно, показать картину Домье, разсказавъ приблизительно ея содержаніе. Онъ любезно согласился, отперъ шкафъ въ другой комнатѣ, досталъ бронзовый

ящикъ и бережно вынувъ изъ него картину, поставилъ ее передъ нами на мольбертъ.

Шаляпинъ долго смотрѣлъ на картину и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Это дѣйствительно смѣшно. Въ чемъ дѣло? Смѣшно. И зло смѣшно.

Онъ спросилъ у хозяина:

— Она продается?

— Да, мосье. Это рѣдкій Домье.

— Я хочу пріобрѣсти. Что она стоитъ?

— Милліонъ двѣсти тысячъ.

— Ага, — задумался Шаляпинъ. — Это дорого. Въ чемъ дѣло? Картина небольшая. Нѣтъ, я не могу ее купить...

Поблагодаривъ любезнаго хозяина, мы вышли изъ магазина. Шаляпинъ остановился на мостовой. Онъ былъ разсерженъ. Ударялъ палкой по мостовой и серьезно, поднявъ голову и смотря въ сторону, говорилъ:

— Константинъ Алексѣичъ, вы представляете себѣ, сколько я долженъ за эти деньги спѣть? Вотъ вамъ художники! Можетъ быть, онъ теперь написалъ новую въ недѣлю. А я плати милліонъ. Въ чемъ дѣло?

— Постой, Федя, да вѣдь Домье давно умеръ. Ты тогда и не родился еще. При жизни его, ты бы, вѣроятно, купилъ эту картину дешево. Это безсмертный художникъ.

Стуча тростью по мостовой, Шаляпинъ раскололъ ее пополамъ. Онъ поднялъ обломокъ и окончательно разгнѣвался.

— Да, художники! Картинка то небольшая!

— Велика Федора, да дура! — засмѣялся я.

— Ты что? Не про меня ли?

— Смѣшно, Федя.

— Тебѣ все смѣшно. Милліонъ двѣсти тысячъ. А

ты знаешь ли, мнѣ предложили Тиціана — огромную картину, — въ Англіи, за двѣсти тысячъ, и я ее купилъ.

— Молодецъ! Не вѣрится только. За двѣсти тысячъ Тиціана едва ли купишь.

— Увидишь.

Федоръ Ивановичъ продолжалъ сердится на Домье.

— Тиціанъ, знаешь, темный фонъ, по одну сторону лежатъ двѣ голыхъ женщины, а по другую сторону — одна. Вотъ только физіономіи у нихъ одинаковыя.

— На чемъ лежатъ то? — спросилъ я.

— То есть какъ на чемъ. Тамъ просто написанъ темный фонъ. Я, въ сущности, еще не вглядѣлся на чемъ онѣ лежатъ. Старинная картина. Ты что смѣешься?

— Вотъ, Федя, если бы я написалъ разсказъ «Тиціанъ», ты бы и обидѣлся.

Шаляпинъ хмуро посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Я тоже буду писать мемуары...

**
*

Федоръ Ивановичъ продолжалъ увлекаться скупкой старинныхъ произведеній искусства. Я встрѣтилъ его какъ-то на авеню Ваграмъ. Онъ шелъ одинъ и, увидавъ меня, сказалъ:

— Пойдемъ.

Мы зашли въ большое кафе. Въ немъ было много народу. Шаляпинъ поморщился.

— Пойдемъ отсюда.

Мы пошли въ другое кафэ, небольшое. Сѣли за столикъ. Шаляпинъ сказалъ гарсону:

— Сода, виски.

— Тебѣ же нельзя, Федя, виски.

— Все равно. Видишь ли, я былъ у антиквара. Онъ

мнѣ такую штуку показывалъ. Уника міровая. Дорогая штука. Знаешь ли ты, я могу нажить шутя милліоны. Жаль — онъ никому не показываетъ, кромѣ меня, ты-бы поглядѣлъ... Я не знаю, рискнуть, что ли? Ты что скажешь?

— Я ничего не могу сказать. Зачѣмъ ты въ антикварію ударился?

— Надо же что нибудь дѣлать. Вѣдь пойми ты, что я только пою, а другіе дѣло дѣлаютъ. Вотъ, одинъ въ Аргентинѣ купилъ рѣку и не пускаетъ пароходы — плати. Такъ онъ въ годъ нажилъ чортъ знаетъ сколько... Я теперь меньше пою, а деньги идутъ. У меня дѣти. Положимъ, зачѣмъ я съ тобой говорю, ты ничего въ этомъ не понимаешь... А ты не пьешь сода-виски? У тебя-то вѣдь сахара нѣтъ!..

Онъ вдругъ сталъ грустенъ:

— Вотъ, ты подумай, въ какое положеніе я въ жизни поставленъ. Діабетъ, говорятъ, неизлѣчимъ.

МОЛЕБЕНЪ.

Въ это время Шаляпинъ перестраивалъ мастерскую въ своемъ прекрасномъ домѣ на авеню д'Эйло. Тамъ были гипсовыя украшенія — какіе то амуры, раскрашенные въ голубые съ золотомъ цвѣта. Это было приторно. Внутри была лѣстница, которую онъ велѣлъ передѣлать.

Когда комната была готова, онъ повѣсилъ гобелены, рисунки русскихъ художниковъ, надъ каминомъ свой портретъ работы Кустодіева, и позвалъ священника освятить домъ.

Не забуду тотъ день. Во время молебна Шаляпинъ пѣлъ самъ. Пѣлъ столь вдохновенно, что казалось, что самъ Господь былъ передъ нимъ въ этой комнатѣ. ва.

То было не пѣніе — а подлинное славословіе и молит-

Служилъ отецъ Г. Спасскій, который сказалъ за трапезой Шаляпину:

— Ваше вдохновеніе отъ благословенія Господа.

БОЛѢЗНЬ.

Федоръ Ивановичъ часто говорилъ мнѣ, что рѣдко вспоминаетъ Россію, но каждую ночь видитъ ее во снѣ. И всегда деревню, гдѣ онъ у меня гостилъ.

— Ѣду я съ тобой на телѣгѣ, везетъ насъ Феоктистъ. Ѣдетъ съ нами Василій Княжевъ, и удивляемся мы, какъ сразу все кончилось, весь этотъ кошмаръ. Пріѣхали на «Новенькую мельницу». Подъѣхали къ избѣ мельника Никона Осиповича. А изъ избы выходятъ чекисты съ погонами и хватаютъ Феоктиста.

— Вотъ онъ, вотъ онъ попался!

На насъ же не обращаютъ никакого вниманія.

Но все это до того страшно, такъ нелѣпо, что я бѣгу по какому то пустому городу и все проваливаюсь въ ямы...

... Сплю на сѣновалѣ у тебя и подходятъ какіе то люди, тихо подходятъ и поджигаютъ сѣновалъ. Я вскакиваю, окруженный огнемъ. Не вырваться, — вокругъ ничего, кромѣ огня. Я, братъ, бромъ принималъ, — не помогаетъ.

***

Шаляпинъ все худѣлъ. Когда я къ нему пришелъ, онъ лежалъ въ постели. Потомъ сѣлъ и сталъ одѣваться, напѣвая изъ «Бориса Годунова». Меня поразила худоба его ногъ.

— Хотятъ устроить мой юбилей — пятидесятилѣтіе моей артистической дѣятельности. Хотѣли устроить теперь. Но я не согласился ускорить празднество, такъ какъ по настоящему остался еще годъ. И я всегда былъ честнымъ артистомъ. Понимаешь — честнымъ артистомъ! Голоса у меня еще хватитъ.

Въ глазахъ его была усталость и они глубоко сидѣли въ орбитахъ. Была въ нихъ и какая то мольба, и скупость старика.

Онъ хотѣлъ шутить, но тутъ же впадалъ въ уныніе.

— Вотъ ты не боялся, Константинъ, народа, а я боялся всегда... «Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ»... Ничего — вотъ отпою, тогда начну жить. Ты особенный человѣкъ, Константинъ, я всегда удивлялся твоей расточительности... Хорошо мы жили у тебя въ деревнѣ.

— Да, — согласился я.

— И вотъ — минулось... И я какъ то не замѣтилъ, какъ все это прошло. Всегда думалъ: вотъ перестану пѣть — начну жить и съ тобой поѣду на озеро ловить рыбу. Въ Эстоніи хотѣлъ купить озеро. И куплю. Еще года два попою и шабашъ! Это вотъ грипъ мнѣ помѣшалъ. У меня послѣ него какой то камень легъ на грудь. Что то тутъ не свободно...

— Это, навѣрное, нервное у тебя.

Шаляпинъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Ты какъ находишь, я измѣнился?

— Нисколько, — солгалъ я. — Какъ былъ, такъ и есть.

— Развѣ? А я похудѣлъ. Это хорошо для сцены. Помнишь, вы дразнили меня съ Сѣровымъ, что у меня животъ растетъ? Я приходилъ въ отчаяніе. А теперь, смотри — никакого живота.

И онъ всталъ передо мной, вытянувшись. Его могучій костякъ былъ какъ бы обтянутъ кожей. Это былъ больной человѣкъ.

— Мнѣ бы хотѣлось выпить рюмку водки и закусить селедкой. Просто — селедкой съ лукомъ. Не даютъ. Кури, что ты не куришь? Мнѣ нельзя. Задыхаюсь. Ты знаешь ли, я жалѣю, что нѣтъ твоего доктора, какъ его — Лазарева. Вотъ былъ здоровенный человѣкъ. Помнишь, какъ онъ крикнулъ на меня: «Молчать, я магистръ наукъ, если я вамъ говорю, что не болитъ у васъ горло, то значитъ не болитъ». И вѣдь вѣрно. «Я по звуку слышу». Все-таки были у насъ хорошіе доктора. Но вѣдь былъ чудакъ. Помнишь, любилъ тебя. На тебя не кричалъ... Савву Иваныча я вспоминаю. Не будь Саввы, пожалуй, я бы не сдѣлалъ того, что я сдѣлалъ. Онъ вѣдь понималъ. Самую тютельку понималъ. Ты знаешь-ли, я любилъ только одного артиста — Мазини. Меня поражало — какое чувство въ немъ, голосъ! Небесный голосъ. И самъ онъ былъ, братъ, парень хорошій. Восьмидесяти лѣтъ женился. И какая женщина. Молодая, красавица. Я ее видалъ. Любила его. А ты знаешь, въ жизни онъ кажется былъ бабникъ.

— А ты, Федя, никогда бабникомъ не былъ?

Въ его глазахъ вдругъ показалось веселье, — прежній Федя взглянулъ на меня. Онъ разсмѣялся. И такъ же внезапно лицо его омрачилось. Онъ глубоко о чемъ то задумался, какъ бы отряхивая рукой не существующія крошки со скатерти.

— Скажи мнѣ, — спросилъ онъ послѣ паузы, — Юрій Сахновскій живъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, давно умеръ. Я отъ кого то слышалъ, ужъ не помню. Во время московскаго голода похудѣлъ, какъ спичка, а потомъ, какъ разрѣшили торговлю и вино, его въ недѣлю опять всего раздуло.

— А отчего онъ умеръ?

— Я слышалъ — отъ ожирѣнія сердца.

— Какія все болѣзни — сахаръ, ожирѣніе сердца... А твой Кузнецовъ живъ?

— Нѣтъ, тоже умеръ.

— Этотъ отъ чего? Онъ же былъ здоровенный парень?

— На рыбной ловлѣ, говорятъ, простудился...

— Я, въ сущности, не знаю, за что на меня Сѣровъ обидѣлся. Ты не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю. Я спрашивалъ — онъ молчалъ.

— Непонятно. Какъ то на меня всѣ обижаются. Должно быть характеръ у меня скверный. Дирижеры всѣ обижаются, режиссеры тоже. Ихъ вѣдь прежде не было, а потомъ вдругъ столько появилось! И все ерунду дѣлаютъ... Постановки!.. Они же ничего не понимаютъ. Вотъ, ставили фильмъ «Донъ Кихотъ». Я въ этомъ дѣлѣ не понимаю... Я послушно дѣлалъ все, что мнѣ говорили. Я бы сдѣлалъ все по другому. Помнишь, когда я пѣлъ Олоферна, ты мнѣ показалъ фотографіи съ ассирійскихъ фресокъ, какъ тамъ пьетъ изъ чашки какой-то ассирійскій воинъ. Я такъ и сдѣлалъ. Надо, чтобы артистъ былъ — нутро артиста! А теперь артистовъ дѣлаютъ... Ну-ка, пускай закажутъ новаго Шаляпина. Пускай заплатятъ. Не сдѣлать! Да и денегъ не хватитъ. Говорятъ, что дорого я беру. А что это стоитъ — никто не знаетъ. Въ сущности, вѣдь меня всегда эксплуатировали. Дуракъ былъ. «Императорскіе театры, говорилъ Теляковскій, не преслѣдуютъ матеріальныхъ цѣлей». Но деньги все таки брали. А я ему говорилъ: вы мнѣ платите шесть тысячъ, а у васъ, когда я пою, повышенные сборы. А почему не шестьдесятъ? — «Не найдется публики заплатить столько». — А тридцать? Можетъ быть найдется. Значитъ двадцать четыре то у меня

мимо рукъ проходили. Ты подумай, какой бы я былъ богатый человѣкъ. Я, конечно, теперь тоже не бѣденъ, но все же, сколько же съ меня содрали! Есть, братъ, отъ чего задуматься. Ты говоришь, что я мраченъ — будешь мраченъ.

Федоръ Иванычъ сердился и все водилъ рукой по скатерти, какъ бы стряхивая невидимыя крошки.

***

Проживъ полжизни съ Федоромъ Ивановичемъ Шаляпинымъ и видя его часто, я всегда поражался его удивительному постиженію каждаго создаваемаго образа... Онъ никогда не говорилъ заранѣе даже друзьямъ, какъ онъ будетъ пѣть и играть ту или иную роль. На репетиціяхъ никогда не игралъ, пѣлъ вполголоса, а иногда и пропускалъ отдѣльныя мѣста. И уже только на сценѣ потрясалъ зрителя новымъ геніальнымъ воплощеніемъ и мощнымъ тембромъ своего единственнаго голоса.

Съ какимъ удивленіемъ смотрѣли на него иностранные пѣвцы! Сальвини слушалъ Шаляпина, и на лицѣ его было восторженное вниманіе. Его смотрѣли и слушали съ удивленіемъ, какъ чудо. И онъ былъ и впрямь чудо — артистъ.

Однажды, когда я удивлялся его исполненію, онъ мнѣ сказалъ:

— Я не знаю, въ чемъ дѣло. Просто, когда пою Варлаама, я ощущаю, что я Варлаамъ, когда Фарлафа, что я Фарлафъ, когда Донъ-Кихота, что я Донъ-Кихотъ. Я просто забываю себя. Вотъ и все. И владѣю собой на сценѣ. Я, конечно, волнуюсь, но слышу музыку, какъ она льется. Я никогда не смотрю на дирижера, никогда не жду режиссера, чтобы меня выпустилъ. Я выхожу самъ, когда нужно. Мнѣ не нужно указывать, когда нуж-

но вступить. Я самъ слышу. Весь оркестръ слышу — замѣчаю, какъ отсталъ фаготъ, или альтъ... Музыку надо чувствовать!.. Когда я пою, то я самъ слушаю себя. Хочу, чтобы понравилось самому. И если я себѣ нравлюсь — значитъ пѣлъ хорошо. Ты знаешь ли я даже забываю, что пою передъ публикой. Никакой тутъ тайны нѣтъ. Хотя, пожалуй, нѣкоторая и есть: нужно любить и вѣрить въ то, что дѣлаешь. Въ то нѣчто, что и есть искусство... Я не былъ въ консерваторіи. Пѣлъ съ бродячими пѣвчими, ходилъ пѣшкомъ по селамъ. Узнавали, гдѣ приходской праздникъ, туда и шли пѣть. Усатовъ мнѣ помогъ. Онъ училъ меня ритму. Я совру, а онъ меня по башкѣ нотами! — отбиваетъ тактъ. Задаромъ училъ. Я ему за это самоваръ ставилъ, чистилъ сапоги, въ лавочку бѣгалъ за папиросами. Рахманиновъ тоже мнѣ помогъ. Онъ серьезный музыкантъ. Понимаетъ. Завраться не даетъ... И вы, художники, мнѣ тоже помогли. Только эти всѣ знанія надо въ карманѣ имѣть, а пѣть надо любя, какъ художникъ — по наитію. Въ сущности, объяснить точно, отчего у меня выходитъ какъ то по другому, чѣмъ у всѣхъ, я не могу. Артиста сдѣлать нельзя — онъ самъ дѣлается. Я никогда и не думалъ, что буду артистомъ. Это какъ то само собой вышло. Не зайди пѣвчіе, съ которыми я убѣжалъ, къ отцу на праздникъ, то я никогда бы и не пѣлъ...

РОБОСТЬ.

Несмотря на большую самоувѣренность, въ Шаляпинѣ, какъ во многихъ русскихъ людяхъ, была боязнь и даже трусость. Онъ робѣлъ и боялся несправедливости. Былъ остороженъ съ власть имущими и избѣгалъ знакомства съ ними.

Въ Петербургѣ мы однажды пришли въ ресторанъ Кюба. Тамъ было много офицеровъ. Шаляпинъ измѣнился въ лицѣ и сказалъ мнѣ:

— Уйдемъ.

Я удивился и спросилъ его потомъ — отчего онъ ушелъ.

— Отчего? Оттого, — отвѣтилъ онъ.

Однажды Шаляпина вызвали при мнѣ къ телефону. Съ кѣмъ онъ говорилъ, я не зналъ, но видѣлъ, что онъ взволновался и поблѣднѣлъ. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ:

— Видите ли, ваше превосходительство... — потомъ остановился и сказалъ: — ваше высокопревосходительство. Еще вчера одинъ знакомый офицеръ мнѣ объяснялъ, что я, какъ ратникъ второго ополченія 1892 года, еще по мобилизаціи не призванъ.

Онъ отошелъ отъ телефона разстроенный и сказалъ:

— Оказывается, со мной говорилъ командующій войсками. Я ему говорю: «ваше превосходительство», а

онъ мнѣ оретъ — «Высокопревосходительство! вы уклоняетесь, а еще интеллигентный человѣкъ, артистъ. Какой же вы вѣрноподданный?». Въ чемъ же дѣло? Я же никакого извѣщенія не получалъ. Можетъ быть, это Исайка потерялъ? Что же мнѣ дѣлать? Надо дать телеграмму Теляковскому. Я же не уклоняюсь.

— Врядъ ли Теляковскій тебѣ можетъ помочь.

— Я должно быть что то пропустилъ. Надо вызвать изъ штаба Семена Авьерино...

А къ вечеру выяснилось, что надъ нимъ подшутилъ тотъ же Аверьино, говорившій съ нимъ подъ видомъ командующаго войсками.

***

Шаляпинъ побаивался мужиковъ. Идя ко мнѣ въ Охотино изъ своего имѣнія, онъ никогда не проходилъ деревней. Старался обходить задворками. Когда доводилось ему бесѣдовать съ крестьянами, говорилъ:

— Послушай, миляга, ну что — какъ уродило? Да, труды ваши трудные.

Мужички русскіе отвѣчали хитро:

— Что, Федоръ Иванычъ, неча пенять, живемъ ничего. А вотъ винца-то въ праздникъ нехватаетъ...

Шаляпинъ дѣлалъ видъ, что не понимаетъ намека и на винцо не давалъ.

НА МАРНѢ.

Какъ то лѣтомъ, мы поѣхали съ Шаляпинымъ на Марну. Остановились на берегу около маленькаго кафэ. Кругомъ высились большія деревья. Шаляпинъ разговорился:

— Послушай, вотъ мы сейчасъ сидимъ съ тобой у этихъ деревьевъ, поютъ птицы, весна. Пьемъ кофе. Почему то мы не въ Россіи? Это все такъ сложно, — я ничего не понимаю. Сколько разъ ни спрашивалъ себя — въ чемъ же дѣло, мнѣ никто не могъ объяснить. Горькій! Что то говоритъ, а объяснить ничего не можетъ. Хотя и дѣлаетъ видъ, что онъ что то знаетъ. И мнѣ начинаетъ казаться, что вотъ онъ именно ничего не знаетъ. Это движеніе интернаціонала можетъ охватить всѣхъ. Я купилъ въ разныхъ мѣстахъ дома. Можетъ быть, придется опять бѣжать.

Шаляпинъ говорилъ озабоченно, лицо его было, какъ пергаментъ — желтое, и мнѣ казалось, что со мной говоритъ какой то другой человѣкъ — такъ онъ измѣнился и внѣшне.

— Я скоро ѣду въ Америку пѣть концерты, — продолжалъ онъ. — Юрокъ зоветъ... Надо лѣчиться скорѣй. Тоска... Вино у меня отобрали.

Онъ вдругъ улыбнулся:

— А я двѣ бутылки все-же спряталъ въ часы. Знаешь, у меня большіе часы? Вотъ у меня ключъ.

Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана мѣдный ключикъ и показалъ мнѣ.

— Я рюмку пью только. Какой коньякъ! Я раньше и не зналъ, что есть такой коньякъ. И водка смирновская — бѣлая головка. Я нашелъ здѣсь въ Парижѣ, на рю де ля Пэ. Старая бутылка. Одну нашелъ только. Эту успѣлъ выпить. А что, ты не знаешь, живъ ли Борисъ Красинъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ, не знаю.

— А я слышалъ, что онъ умеръ. Кто это мнѣ сказалъ — не помню.

— А Обуховъ?

Шаляпинъ вдругъ разсмѣялся.

— Ты помнишь, какъ я надъ нимъ подшутилъ?..

Обуховъ былъ управляющимъ конторой московскихъ императорскихъ театровъ. Однажды Шаляпинъ, придя ко мнѣ въ Москвѣ, принесъ съ собой арбузъ, взялъ у меня краски (темпера) и выскрасилъ его въ темный цвѣтъ. Арбузъ обрѣлъ видъ чернаго шара. Шаляпинъ принесъ съ собой еще и коробочку, въ которой были такъ называемыя «монашки», ихъ зажигали и онѣ долго курились, распространяя пріятный запахъ. Такую «монашку» Шаляпинъ вставилъ въ верхъ арбуза.

Когда «гримъ» былъ готовъ, Шаляпинъ отправился въ контору императорскихъ театровъ, положилъ арбузъ въ кабинетѣ Обухова на письменный столъ и зажегъ «монашку». А самъ усѣлся въ пріемной, какъ проситель.

Явившись на службу и найдя въ своемъ кабинетѣ дымящуюся «бомбу», Обуховъ опрометью бросился вонъ. Вся контора всполошилась, всѣ выбѣжали вонъ. Вызвали полицію...

Въ разгаръ переполоха Шаляпинъ разрѣзалъ бомбу... Всѣ смѣялись.

Обуховъ старался скрыть недовольство и съ упрекомъ сказалъ Шаляпину:

— Вамъ, Федоръ Ивановичъ, все допустимо...

А Шаляпинъ всю недѣлю хохоталъ.

***

— А знаешь ли, — сказалъ, помолчавъ, Шаляпинъ, — живи я сейчасъ во Владимірской губерніи, въ Ратухинѣ, гдѣ ты мнѣ построилъ домъ, гдѣ я спалъ на вышкѣ съ открытыми окнами и гдѣ пахло сосной и лѣсомъ, — я бы выздоровѣлъ. Теперь, навѣрное, домъ весь раскраденъ и разрушенъ. Какъ странно, что грабежъ называется революціей. Какъ я былъ здоровъ! Я бы все бросилъ и жилъ бы тамъ, не выѣзжая. Помню, когда проснешься утромъ, пойдешь внизъ изъ свѣтелки. Кукушка кукуетъ. Раздѣнешься на плоту и купаешься. Какая вода, — все дно видно! Рыбешки кругомъ плаваютъ. А потомъ пьешь чай со сливками. Какія сливки, баранки! Ты, помню, всегда говорилъ, что это рай. Да, это былъ рай. А помнишь, ты Горькому сказалъ, что это рай. Какъ онъ разсердился. Герасимъ живъ?

— Нѣтъ, Федя, Герасимъ умеръ еще когда я былъ въ Охотинѣ.

— Посчитать, значитъ насъ мало осталось въ живыхъ. Какая это странная штука — смерть. Непріятная штука. И тайная. Вотъ я все пѣлъ. Слава была. Что такое слава? Меня, въ сущности, никто не понимаетъ. Дирижеры — первые. Въ оперѣ есть музыка и голосъ пѣвца, но еще есть фраза и ея смыслъ. Для меня фраза — главное. Я ее окрыляю музыкой. Я придаю значеніе словамъ, которыя пою, а другимъ все равно. Поютъ точно на неизвѣстномъ языкѣ. Показываютъ, видите ли,

голосъ. Дирижеръ доволенъ. Ему все равно тоже, какія слова. Въ чемъ же дѣло? Получается скука. А они не хотятъ понять. Надоѣло... Вотъ Рахманиновъ — это дирижеръ. Онъ это понимаетъ. Вотъ я выстукиваю иногда тактъ. Ты думаешь, что это мнѣ пріятно? Я вынужденъ. Иначе ничего не выходитъ. А говорятъ — я придираюсь. Я пою и страдаю. Въ искусствѣ — нѣтъ мѣста скукѣ. А оперу часто слушаютъ и скучаютъ. Жуютъ конфеты въ ложѣ, разговариваютъ. Небось, когда я пою, перестаютъ конфеты жрать, слушаютъ меня. Ты знаешь, кто еще понималъ искусство — Савва Мамонтовъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Онъ вѣдь и пѣлъ хорошо. И ты помнишь, — какъ его? Врубель былъ такой.

— А ты съ милымъ Мишей Врубелемъ поссорился.

— Онъ же былъ этакій баринъ, капризный. Все, что ни скажу, все ему не нравилось. Онъ мнѣ сказалъ: «Вы же не пѣвецъ, а передвижная выставка, васъ заѣла тенденція. Поете «Блоху», «Какъ король шелъ на войну» — кому то нравиться хотите. Въ искусствѣ не надо пропаганды. Вообще, сказать тебѣ долженъ, что я его не понималъ и картины его не понималъ. Хотя иллюстрація къ «Демону» — замѣчательная. Странно, я разъ сказалъ ему, что мнѣ нравится его «Демонъ», котораго онъ писалъ у Мамонтова, такой, съ рыжими крыльями. А онъ мнѣ отвѣтилъ: «вамъ нравится — значитъ, плохо». Вотъ не угодно ли? Савва Мамонтовъ его тоже не понималъ... А то за обѣдомъ: послѣ рыбы, я налилъ краснаго вина. Врубель сидѣлъ рядомъ... У Мамонтова былъ обѣдъ, еще Витте тогда былъ за столомъ. Онъ вдругъ отнялъ у меня красное вино и налилъ мнѣ бѣлаго. И сказалъ: «Въ Англіи васъ бы никогда не сдѣлали лордомъ. Надо умѣть ѣсть и пить, а не быть коровой. Съ вами сидѣть непріятно рядомъ». Вѣдь это что-жъ такое? Но онъ былъ правъ, я теперь только это понялъ. Да, Врубель былъ баринъ...

— Да вѣдь ты самъ сейчасъ баринъ сталъ. Украшаешь себя и вина любишь дорогія.

— Нѣтъ, я не баринъ. Скажу тебѣ правду — въ Россіи я бы бросилъ пѣть и уѣхалъ бы въ Ратухино, ходилъ бы косить и жилъ бы мужикомъ. Вѣдь я до сихъ поръ по паспорту крестьянинъ — податное сословіе. И всѣ дѣти мои крестьяне, а я былъ солистъ его величества. Теляковскій недоумѣвалъ: у меня не было чина, а онъ хотѣлъ, чтобы я получилъ Владиміра... Когда я пѣлъ Бориса въ Берлинѣ, въ ложѣ былъ Вильгельмъ. Въ антрактѣ мнѣ сказали: «Кейзеръ васъ проситъ въ ложу». Вильгельмъ меня встрѣтилъ любезно и попросилъ сѣсть. Я сѣлъ. Онъ сказалъ: «Когда въ Россіи талантъ — это міровой талантъ. Скажите, Шаляпинъ, какой вы имѣли высшій орденъ въ Россіи?» — «Бухарская звѣзда», — отвѣтилъ я. — «Странно», — сказалъ Вильгельмъ, — и протянувъ руку къ стоявшему сзади генералу (вѣроятно, это было заранѣе условлено), отцѣпилъ у него орденъ и пришпилилъ мнѣ на грудь. — «Позвольте васъ поздравить, теперь вы — фонъ Шаляпинъ, вы дворянинъ Германіи». А здѣсь я получилъ «командора»...

Въ уголкахъ губъ Федора Ивановича была грустная усмѣшка.

ПОСЛѢДНЯЯ ВСТРѢЧА.

Въ Парижѣ, Шаляпинъ, прощаясь со мной, сказалъ:

— Ну, прощай. Ты гдѣ живешь. На Бальчугѣ? Ахъ, я и забылъ, что мы не въ Москвѣ, какъ чудно! Когда я вижу тебя, я всегда живу душой въ Россіи. Я къ тебѣ зайду. Это у Портъ Сенъ-Клу...

Кажется, въ концѣ февраля, выходя изъ дому, я увидалъ на дворѣ, возлѣ консьержа, Шаляпина.

— Ахъ, вотъ ты! — сказалъ онъ. — Пойдемъ въ кафэ.

Онъ шелъ усталой походкой.

— Я что то захворалъ, — сказалъ онъ. — Какъ то здѣсь тяжело, — показалъ онъ на грудь, въ родѣ какъ камень лежитъ. Это началось тамъ, въ Китаѣ. Я вѣдь въ Китай ѣздилъ. Въ сущности, зачѣмъ я ѣздилъ — не знаю.

Видъ у Шаляпина былъ очень больной. И онъ все вздыхалъ.

— Борисъ и Федоръ въ Америкѣ, — сказалъ онъ про сыновей. — Тебѣ они не пишутъ?

— Борисъ не пишетъ, а Федя — молодецъ. Ты знаешь, онъ игралъ въ пьесѣ «Товарищъ» главную роль, этого князя, который поступилъ лакеемъ. Игралъ на англійскомъ языкѣ, и о немъ превосходно написали.

— Да что ты? А я и не зналъ. Я все удивляюсь,

отчего они все хотятъ быть артистами. Дочери мои. Отчего не просто такъ людьми, какъ всѣ? Вѣдь въ жизни артиста много горя.

Онъ вздохнулъ.

— Ты знаешь ли, мнѣ не очень хорошо здѣсь, — онъ вновь показалъ на грудь. Я пойду.

Мы вышли изъ кафэ и подошли къ спуску въ метро.

— Возьми автомобиль, — сказалъ я.

— Зачѣмъ автомобиль? Вѣдь это огромныя деньги.

И онъ спустился въ метро. Во всей фигурѣ его былъ какой то надломъ.

***

Я долго не могъ уснуть въ эту ночь. Образъ больного Шаляпина стоялъ передо мной.

Проходила въ воспоминаніяхъ прошлая жизнь. Я видѣлъ его тамъ, въ Россіи, когда онъ спалъ въ моей деревенской мастерской на широкой тахтѣ. Около него спалъ Фебъ — моя собака, которая нѣжно любила Шаляпина. Собаки вообще любятъ веселыхъ друзей. Ихъ радуетъ дружба людей. Помню — какъ глядя на спящаго Шаляпина, я подумалъ: «а вѣдь это геній»... Такъ сладко спалъ этотъ русскій парень — Федоръ Шаляпинъ.

Живя много въ Россіи въ деревняхъ, я встрѣчалъ не разъ парней деревенскихъ. Въ ихъ смѣхѣ, удали, весельѣ, разгулѣ, было то же, что въ Шаляпинѣ.

Помню, когда я строилъ домъ, одинъ изъ плотниковъ, молодой парень высокаго роста, вечеромъ послѣ работы сорвалъ вѣтку березы и ходилъ взадъ и впередъ около сарая, отмахиваясь вѣткой отъ комаровъ. Ходилъ и пѣлъ. И лицо было задумчиво, такъ же, какъ у Шаляпина. Онъ пѣлъ про Дунай, про садъ, про горе-горюшко.

И видно было, что онъ гдѣ то тамъ, гдѣ Дунай, и гдѣ горе-горюшко...

Я долго смотрѣлъ на него. У него былъ дивный голосъ — теноръ. И я подумалъ: говорятъ, что больше не будетъ такого артиста, какъ Шаляпинъ. Но такъ ли это?.. Можетъ быть и родится. Но будетъ ли та среда, которая поможетъ любовью и вниманіемъ создастся артисту?

Помню, когда пришелъ В. А. Сѣровъ, я сказалъ ему:

— Посмотри, какъ спитъ Федоръ, лицо какое серьезное. И во снѣ даже Грозный. Лицо генія, посмотри.

— Пожалуй, — отвѣтилъ Сѣровъ, — есть въ немъ даръ и полетъ, но все это перемѣшано со всячинкой... Давеча: пишу я здѣсь, съ краю у лѣса, гдѣ сарайчикъ. И онъ подошелъ ко мнѣ и сѣлъ. И вдругъ говоритъ: «Вотъ здѣсь все лѣса и лѣса, есть крупный лѣсъ. Я хочу скупить лѣса и торговать. Ты какъ думаешь, Антонъ?» — «Что-жъ, говорю, какъ вашей милости угодно. Торгуйте». — «Да ты не смѣйся. На лѣсѣ то побольше наживешь, чѣмъ на пѣніи». Вотъ ты и возьми! Какъ это у него все вмѣстѣ перепутывается.

Помню — въ эту минуту отворилась дверь и чей то голосъ крикнулъ:

— Господинъ баринъ, къ вамъ Глушковъ пріѣхали.

Шаляпинъ проснулся и сѣлъ на тахтѣ, кулакомъ протирая глаза.

— Господинъ баринъ, — повторилъ Сѣровъ, — къ вамъ Глушковъ пріѣхали.

Шаляпинъ расхохотался.

— Разбудили? Глушковъ? Что ему надо? Ну, зови сюда. А я какой сонъ видѣлъ: будто я въ Питерѣ, въ номерахъ Мухина. И такъ радъ, что одинъ. Самоваръ

у меня на столѣ, баранки положилъ на камфорку, чтобы согрѣть, пью чай и ѣмъ баранки съ икрой, а потомъ иду спать. Гляжу на постель и вижу — кто то подъ одѣяломъ шевелится. Думаю — что такое. Хотѣлъ уйти. Вернулся. Посмотрѣлъ — подъ одѣяломъ женщина. А тутъ этотъ оретъ: «Глушковъ пріѣхалъ!»... Разбудилъ меня. Теперь я и не знаю — кто эта женщина: лежала спиной ко мнѣ, лица то я и не видѣлъ.

Глушковъ, снявъ картузъ, остановился предъ Шаляпинымъ. Въ глазахъ у него была мольба.

— Вотъ что, Глушковъ, — сказалъ Шаляпинъ, — лѣсъ, что же мнѣ лѣсъ, зачѣмъ? Грибы собирать? Я вѣдь не промышленникъ. Торговать не собираюсь. Мнѣ въ сущности, не надо. Такъ куплю. Я сказалъ тебѣ цѣну. Какъ хочешь. Ты не соглашаешься. О чемъ говорить? Надоѣло.

— Какъ согласиться, Федоръ Ивановичъ, — немысленно. Каждый разъ — вотъ ужъ годъ — торгуетесь. Все менѣе и менѣе даете. Это дровяники мнѣ болѣе давали.

— Такъ отдавай дровяникамъ.

— Такъ вы же сами говорили: «Не отдавай, Глушковъ, барышникамъ». Я теперь отказалъ всѣмъ, а вы въ неохоту вошли. И мнѣ теперь съ ними назадъ подаваться надо. Они тоже въ капризъ войдутъ. Бѣда! Я скину. Федоръ Ивановичъ, ежели на чистыя деньги только.

— Денегъ у меня нѣтъ — векселя дамъ.

— Помилуйте, куда-жъ я съ ими дѣнусь? На учетъ уйдетъ. Вотъ вѣдь этакое дѣло вышло, сами говорили...

Вспомнилось и другое:

Мы часто ѣздили съ Шаляпинымъ по окрестностямъ. Какъ то пріѣхали на Вашутино озеро. Шаляпинъ пришелъ въ восторгъ и съ присущимъ ему ребячествомъ рѣшилъ: надо жить на озерѣ.

— Здѣсь я яхту построю, на парусахъ буду кататься по озеру. Говорятъ, озеро то монастырское. Продадутъ ли монахи?

Онъ забылъ о домѣ, который строилъ какъ разъ въ ту пору въ Ратухинѣ, и поѣхалъ къ настоятелю монастыря покупать озеро.

Вернулся разстроенный: настоятель согласенъ продать, но не властенъ, — надо запросить Синодъ.

— Ты подумай, — возмущался Шаляпинъ, — Синодъ! Какъ все трудно у насъ. Жить нельзя.

Федоръ Ивановичъ впалъ въ мрачность, не ѣздилъ больше на постройку дома...

— Рѣка тамъ мала.

Говорилъ Сѣрову:

— Озеро, знаешь, плывешь — пространство большое.

— Лоэнгриномъ на лебедяхъ будете ѣздить, Федоръ Ивановичъ? — смѣялся Сѣровъ.

Федоръ Ивановичъ недолюбливалъ шутки Сѣрова, но смѣялся. И Сѣрова немножко побаивался.

Каюсь, мнѣ тоже хотѣлось жить на Вашутиномъ озерѣ — построить себѣ на берегу избушку и завести лодку съ парусомъ.

И мы съ Федоромъ Ивановичемъ осенью однажды поѣхали туда. Эта поѣздка насъ образумила: было вѣтрено и дождливо, сѣрыя волны озера шумѣли непривѣтливо. Тоска! Мы промокли и рады были, что вернулись въ теплый домъ ко мнѣ, гдѣ горѣлъ каминъ и былъ уютъ. Съ той поры Федоръ Ивановичъ больше объ озерѣ не заикался и сталъ снова ходить на постройку дома въ Ратухинѣ.

И еще вспомнилось:

Постройкой шаляпинскаго дома вѣдалъ подрядчикъ

Чесноковъ. У него было два взрослыхъ сына. Оба плотники и оба работали на постройкѣ.

Шаляпинъ замѣтилъ, что время отъ времени они бѣгали къ стогу на край лѣса и, доставъ изъ стога бутылку съ водкой, выпивали по глотку.

И вотъ — Шаляпинъ тихонько пробрался къ стогу, вылилъ почти всю водку изъ бутылки, долилъ водой и, спрятавшись въ лѣсу, сталъ ждать. Вскорѣ сыновья подрядчика подбѣжали къ стогу. Сначала хлебнулъ изъ бутылки одинъ, потомъ — другой. Выпивъ съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга... Опять хлебнули. И опять изумленно посмотрѣли другъ на друга. Потомъ — на бутылку.

Шаляпинъ хохоталъ цѣлый день.

— Если бы ты видѣлъ, — говорилъ онъ Сѣрову, — какъ они на бутылку смотрѣли!

***

И такъ, вспоминая нашу совмѣстную жизнь тамъ далеко, въ Россіи, я еще рѣзче ощутилъ — какъ печальна была наша теперешняя встрѣча съ Шаляпинымъ. Все слышалось — какъ онъ сказалъ — «У меня здѣсь камень», и показалъ на грудь.

***

Вскорѣ я простудился и захворалъ. Ко мнѣ пришелъ мой пріятель Н. Н. Куровъ и сказалъ мнѣ, что Шаляпинъ очень боленъ и что мало надежды на его выздоровленіе.

Я огорчился. Не хотѣлъ вѣрить.

— Что ты. Это вѣдь богатырь. Ему теперь, долж-

но быть всего 64 года, не больше. Правда, онъ кажется больнымъ. Но здѣсь вѣдь хорошіе доктора.

Въ газетахъ ничего о болѣзни Шаляпина не писали. Я хворалъ и не выходилъ на улицу.

Черезъ нѣсколько дней опять навѣстилъ меня мой пріятель и сказалъ:

— А Шаляпину очень плохо. Ему дѣлали переливаніе крови. У него говорятъ, бѣлокровіе.

— Что это за бѣлокровіе? — спросилъ я. — Это у Вяльцевой было. Что же это такое?

— Кровь дѣлается бѣлая, возрастаетъ количество бѣлыхъ шариковъ. Точно не знаю... — сказалъ Н. Н. Куровъ. — Дочь, говорятъ, кровь дала для переливанія.

Мнѣ вспомнилось, какъ часто при послѣднихъ моихъ встрѣчахъ съ Шаляпинымъ, онъ заговаривалъ о смерти, съ какимъ интересомъ разспрашивалъ меня — кто изъ нашихъ прежнихъ знакомыхъ живъ, кто умеръ, какъ однажды сказалъ:

— Какъ странно, вѣдь никто не знаетъ, что такое смерть. Тотъ-другой умеръ, а мнѣ кажется, что я не умру. Какъ это устроено въ душѣ все странно. Если бы человѣкъ сознавалъ смерть, то онъ бы не покупалъ землю, не строилъ бы домовъ. Я же вотъ хочу купить имѣніе подъ Парижемъ, — мнѣ совѣтуютъ, — и поѣду туда отдыхать. Мнѣ еще надо въ Америку ѣхать пѣть, только сталъ я скоро уставать.

ДУРНОЙ СОНЪ.

Ко мнѣ пришелъ докторъ и сказалъ:

— Что же, температура нормальная. Въ солнечный день можете выйти не надолго.

Послѣ его ухода, я заснулъ.

И видѣлъ во снѣ, какъ пришелъ ко мнѣ Шаляпинъ, голый, и всталъ около моей постели, огромный. Глаза у него были закрыты, высокая грудь колыхалась. Онъ сказалъ, держа себя за грудь:

— Костя. Сними съ меня камень...

Я протянулъ руки къ его груди — на ней лежалъ холодный камень. Я взялъ его, но камень не поддавался — онъ приросъ къ груди...

Я проснулся въ волненіи и разсказалъ окружающимъ и Н. Н. Курову, который ко мнѣ пришелъ, про этотъ странный сонъ.

— Нехорошій сонъ, — сказалъ Н. Н. Куровъ. — Голый — это нехорошо...

А утромъ я прочелъ въ газетѣ, что Шаляпинъ умеръ.

Я всталъ, одѣлся, хотѣлъ куда то идти. Лилъ дождь. Пришло письмо изъ редакціи съ просьбой поскорѣй написать о Шаляпинѣ.

Я поѣхалъ въ редакцію. Трудно было писать. Слезы подступали...

Вернувшись домой, я засталъ у себя П. Н. Владимірова — артиста балета.

— Вотъ вѣдь, — сказалъ онъ, — Федоръ Ивановичъ умеръ. Борисъ пріѣхалъ изъ Америки. Я его видѣлъ. Онъ спрашивалъ о васъ. Я былъ въ домѣ. Тамъ не протолкаешься. Масса народу. Онъ умеръ въ забытьѣ.

***

На другой день я поѣхалъ къ Шаляпину въ домъ. Было множество народу, было трудно протиснуться. Я вызвалъ Бориса. Онъ пошелъ со мной и Владиміровымъ въ кафэ. Боря любилъ отца и глаза его были полны слезъ.

— Братъ Федя завтра пріѣзжаетъ, а маму и Ирину не выпустили изъ Россіи. Папа самъ говорилъ съ ней за три дня до смерти по телефону.

***

На другой день днемъ, въ передней, я услышалъ голосъ, который живо напомнилъ мнѣ Шаляпина.

Ко мнѣ вошелъ Федоръ, его сынъ. Онъ былъ точь въ точь Шаляпинъ, когда я въ первый разъ его увидѣлъ съ Труффи; только одѣтъ по другому — элегантно.

Я всегда любилъ Федю. Онъ былъ живой отецъ. Увидавъ мою собаку Тобика, который въ радости прыгалъ около него, держа въ зубахъ мячикъ, Федя тутъ же сталъ играть съ нимъ. Бѣгалъ, вертѣлся.

Какъ онъ былъ похожъ на отца! Въ нѣкоторыхъ поворотахъ лица, въ жестахъ...

Мы разговорились о его отцѣ...

— Когда я уѣзжалъ въ Америку, — сказалъ между прочимъ онъ, — отецъ мнѣ говорилъ, что онъ броситъ пѣть и выступитъ въ драматическихъ спектакляхъ въ пьесахъ Шекспира «Макбетъ» и «Король Лиръ».

— Твой отецъ былъ рѣдчайшій артистъ. Его влекли всѣ области искусства. Онъ не могъ видѣть карандаша, чтобы сейчасъ же не начать рисовать. Гдѣ попало — на скатертяхъ въ ресторанахъ, на меню, карикатуры, меня рисовалъ, Павла Тучкова.

— Декламировалъ и даже выступилъ въ одномъ изъ симфоническихъ концертовъ Филармоніи въ Москвѣ, въ «Манфредѣ» Шумана...

— Восхищался Сальвини. Любилъ клоуновъ въ циркѣ и, въ особенности, Анатолія Дурова... Какъ то разъ позвалъ меня на сцену Большого театра и читалъ мнѣ со сцены «Скупого Рыцаря». Увлекался скульптурой и цѣлые дни лѣпилъ себя, смотря въ зеркало. Бралъ краски и писалъ чертей, какъ то особенно заворачивая у нихъ хвосты. При чемъ бывалъ всецѣло поглощенъ своей работой: во время писанія чертей держалъ языкъ высунутымъ въ сторону. Ужасно старался. Показывалъ Сѣрову. Тотъ говорилъ: — «А чорта то нѣту». — Когда приходилъ ко мнѣ въ декоративную мастерскую, то просилъ меня: — «Дай мнѣ хоть собаку пописать». — Бралъ большую кисть и мазалъ, набирая много краски... Какой былъ веселый человѣкъ твой отецъ и какъ измѣнился его характеръ къ концу жизни...

— Это началось еще въ Россіи... Отецъ не могъ примириться съ новыми порядками, — сказалъ Федоръ. — Въ деревнѣ отнимаютъ домъ, въ Москвѣ отняли вино... Приходили разные люди, обыскивали. Велятъ пѣть за муку, за соль. Деньги отнимаютъ. Приходятъ въ гости какіе то люди, которыхъ онъ не звалъ. Ѣсть нечего, а онъ ѣсть любилъ. Досталъ поросятъ — тѣ по комнатѣ бѣгаютъ, гуси тоже. Распоряжаются имъ, какъ хотятъ. Хочетъ уѣхать — не пускаютъ... Столько образовалось властей! Всѣ говорили разно и заставляли пѣть банщикамъ, фабричнымъ, матросамъ. Вызывали на засѣданія,

обижались, что не ходитъ, сдѣлали народнымъ артистомъ. Онъ поетъ, а слушатели подсолнухи лузгаютъ. Кричатъ: «Дубинушку». Надоѣло ему все это и утомило. А заграницей онъ чувствовалъ себя оторваннымъ отъ родной страны, которую онъ очень любилъ.

**
*

Федя ушелъ. Я остался одинъ и все думалъ объ ушедшемъ моемъ другѣ.

Вспомнилось — однажды онъ мнѣ сказалъ:

— Руслана я бы пѣлъ. Но есть мѣсто, котораго я боюсь.

— А какое? — спросилъ я.

Шаляпинъ запѣлъ:

Быть можетъ на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ
И струны громкія баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!..

— Вотъ это какъ то трудно мнѣ по голосу.

Милый Федя, всегда будутъ о тебѣ пѣть баяны, и никогда не умретъ твоя русская слава.

И еще вспомнилось:

Какъ то, въ деревенскомъ домѣ у меня, Шаляпинъ сказалъ:

— Я куплю имѣніе на Волгѣ, близъ Ярославля. Понимаешь ли, — гора, а съ нея видна раздольная Волга, заворачиваетъ и пропадаетъ вдали. Ты мнѣ сдѣлай проектъ дома. Когда я отпою, я буду жить тамъ, и завѣщаю похоронить меня тамъ, на холмѣ...

И вотъ не пришлось ему лечь въ родной землѣ, у Волги, посреди вольной красы нашей Россіи...

Imprimerie de NAVARRE 5, rue des Gobelins. Paris-13e.

ИЗДАНІЯ „ВОЗРОЖДЕНІЯ“

Амфитеатровъ. Знакомыя музы.
Головинъ. Суворовъ и его наука побѣждать.
Гурко. Царь и Царица.
Зайцевъ. Странное путешествіе.
Дѣло Бориса Коверды.
Корчемный. Человѣкъ съ гераніемъ, романъ.
Крачковскій. Избранные разсказы.
Купринъ. Храбрые бѣглецы, романъ.
Его-же. Юнкера, романъ.
Его-же. Жанета, романъ.
Лукашъ. Дворцовые гренадеры.
Его-же. Пожаръ Москвы, романъ.
Его-же. Вьюга, романъ (распр.).
Его-же. Вѣтеръ Карпатъ.
Любимовъ. Тайна Императора Александра I.
Мережковскій. Мессія, романъ въ 2 томахъ.
Муратовъ. Магическіе разсказы.
Его-же. Герои и героини.
Муссолини. Доктрина фашизма.
Новиковъ. Фашизмъ.
Половцовъ. Дни затменія.
Поповъ. Храмъ Славы, 2 т. т.
Рощинъ. Горнее солнце.
Его-же. Бѣлая сирень.
А. Ренниковъ. Зеленые дьяволы.
Суворинъ. Фазанъ, романъ безъ любви.
Сургучевъ. Эмигрантскіе разсказы.
Тэффи. Воспоминанія.
Ея-же. Авантюрный романъ.
Ея-же. Пьесы.
Ходасевичъ. Собраніе стиховъ.
Чириковъ. Мой романъ (распр.).
Его-же. Дѣвичьи слезы.
Его-же. Между небомъ и землей.
Шмелевъ. Солнце мертвыхъ (распр.).
Его-же. Исторія любовная, романъ.
Его-же. Степное чудо.
Его-же. Мэри.
Его-же. Человѣкъ изъ ресторана, романъ.
Его-же. Няня изъ Москвы, романъ, 2-ое изд.
Его-же. Пути небесные.
Яблоновскій. Дѣти улицы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
«ВОЗРОЖДЕНІЕ»
Editions et Librairie
LA RENAISSANCE
(VOZROJDENIE)

73, Av. des Champs-Elysées, Paris 8e
Tél. : Elysées 06-03 (три линіи)